КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Вы можете оформить подписку на журнал в секретариате РОПРЯЛ по адресу:

199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2, офис 204
Тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
Тел./факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru, info@ropryal.ru,

а также
в Издательском доме «МИРС» по адресу:
199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2, офис 202
Тел.: (812) 325-11-33
e-mail: mirs@ropryal.ru, sales-mirs@yandex.ru

Об условиях и стоимости подписки можно узнать в Издательском доме «МИРС» и С.-Петербургской штаб-квартире РОПРЯЛ по указанным адресам.

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» – 72396.

С сентября 2007 года Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки Российской Федерации включила журнал «Мир русского слова» в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Уважаемые коллеги!
По вопросам подписки и доставки журнала за пределами СНГ обращайтесь к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20; тел./факс (495) 152-54-81; тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы"»
127015, г. Москва, а/я 2; тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15; mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 21б, Международный центр научной и технической информации; тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41, +7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ"»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая общественная организация «Ассоциация выпускников советских и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая общественная организация «Общество выпускников советских и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24; ruskistudenticg@yahoo.com

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

МИРС

№ 1 2011

В НОМЕРЕ:

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Учредитель
Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей
русского языка и литературы»

Редакционный совет:
Л. А. Вербицкая
В. В. Воробьев
Л. П. Клобукова
Ю. Е. Прохоров
Е. Е. Юрков
В. М. Шаклеин
С. Н. Голубев

Адрес редакции:
199034, С.-Петербург,
наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
факс: (812) 323-66-20
e-mail: editor@ropryal.ru

Издательский дом «МИРС»

[официальные материалы]

4 План мероприятий РОПРЯЛ на 2011 год
7 План мероприятий МАПРЯЛ на 2011 год

[лингвистические заметки]

9 М. Ю. Сидорова, Е. В. Белая
О синтаксической неоднозначности полипредикативных конструкций в русском языке (в сопоставлении с французским)
17 И. В. Приорова
Аграмматизм несклоняемых заимствований в речетворчестве
23 О. Ю. Авдевнина
Слепые и *зрячие*, или Закономерности языковой концептуализации способности / неспособности к восприятию

[культура речи]

31 В. В. Химик
Ментальная инфантильность в русской социокультурной и речевой действительности
38 Е. В. Андрющенко
Отражение фонетических особенностей разговорной речи в художественных текстах
44 В. К. Лебедев
«Умеренность и аккуратность»
49 С. Э. Зверев
Военная риторика Руси

[взаимосвязь литературы и языка]

57 Заседание кафедры в честь юбилея К. А. Роговой
66 А. Г. Костина
Лексическая объективация двух образов русского фольклора в повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой»
70 Н. В. Савельева
Государство в призме метафоры М. А. Булгакова

Главный редактор:
К. А. Рогова

Оригинал-макет:
М. С. Шишков

Над журналом работали:
Редакторы:
Т. Б. Авлова, Д. А. Щукина
Корректор:
Н. В. Лутц
Перевод аннотаций:
К. А. Кузьмина
Вып. редактор:
М. С. Шишков

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № 77–5399 от 11.09.2000)
ISSN 1811–1629

Тираж 5 000 экз.

Подписано в печать 15.04.2011
Отпечатано в типографии «Инфо Ол», Санкт-Петербург, ул. Рентгена, д. 1

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи не возвращаются

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается

Материалы с краткой аннотацией и списком ключевых слов просьба представлять только в электронном виде. Требования к оформлению статей: http://www.spbmirs.ru/magazine/rules.html

73 А. А. Холиков
Д. С. Мережковский в истории русской литературы досоветского периода
78 А. И. Фомин
Характеристики темы-основы высказывания в медитативных текстах Василия Розанова
84 А. Н. Вытушняк
Игра как проявление акмеистической иронии в лирике А. С. Кушнера

[методика преподавания русского языка]

89 И. В. Одинцова
Сильные и слабые фреймы как единицы коммуникативно-когнитивного аспекта речевой деятельности
94 О. А. Лазарева
Лингвометодические основы формирования компетенции декодирования символов в иностранной аудитории
102 Н. В. Брагина
Мотивация изучения РКИ в Объединённом королевстве

[представляем новые книги. рецензии]

105 Л. В. Московкин
О новом издании словаря методических терминов
93 *Теремова Р. М., Гаврилова В. Л.* «Мы учимся в Герценовском университете»: Учебное пособие по русскому языку для иностранцев. — СПб., 2009. — 262 с.

[наши юбиляры]

109 90 лет почетному доктору Санкт-Петербургского университета доктору филологии Иоханнесу Баару

[хроника]

16 XXIII Международная выставка-ярмарка языков и культур «Эксполингва-2010»
65 Дни русской словесности в Нижнем Новгороде
106 Международный семинар по вопросам изучения и преподавания русского языка и адаптации русскоязычных иммигрантов в г. Йоэнсуу (Финляндия)
107 Зимние заметки об осенних впечатлениях

[россия... народы, языки, культуры]

111 Екатеринбург — столица Урала

ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ РОПРЯЛ НА 2011 ГОД

№	*Наименование мероприятий*	*Место проведения*	*Сроки*
1.	Вторая Международная конференция «Русский язык в полицентричном мире: проблемы и перспективы»	МГИМО (У) МИД России	17–18 февраля 2011 года
2.	Конференция иностранных студентов вузов Северного административного округа г. Москвы, владеющих русским языком на первом сертификационном уровне, на тему: «Человек и космос», посвященная юбилею полета Юрия Гагарина	МАДИ	Февраль — апрель 2011 года
3.	XV международная научно-практическая конференция для учащихся 6–11 классов «Языкознание для всех». Тема: «Образование в зеркале языка»	Гимназия № 1541, Москва ГосИРЯ им. А. С. Пушкина	3–5 марта 2011 года
4.	XV Всероссийская научно-практическая конференция словесников «Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и в школе», посвященная памяти д-ра филол. наук, проф. Наума Лазаревича Лейдермана. Тема конференции: «Литература сегодня: знаковые фигуры, жанры, символические образы»	Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник», Екатеринбург	30 марта 2011 года
5.	Международный Конгресс русистов, посвященный 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова	МГУ им. М. В. Ломоносова, Филологический факультет	Март 2011 года
6.	Вторая межвузовская конференция по русскому языку для иностранных учащихся «Профессиональные возможности, которые открывает нам русский язык»	МГИМО (У) МИД России	8 апреля 2011 года
7.	Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации».	Российский университет дружбы народов	Апрель 2011 года

8.	«Олимпиада по русскому языку для иностранных студентов вузов Приволжского федерального округа»	Ульяновский государственный университет	16–20 мая 2011 года
9.	Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и социальная динамика»	Сибирский государственный аэрокосмический университет им. ак. М. Ф. Решетнева (г. Красноярск)	21 мая 2011 года
10.	II Международная конференция школьников, студентов и аспирантов «Новый взгляд на проблемы современного языкознания»	Юго-Западный государственный университет	Май 2011 года
11.	Семинар «Профессионально-педагогическая подготовка студентов-филологов в системе университетского образования» с участием секции «Русский язык и литература в межкультурной коммуникации» Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию	Башкирский государственный университет (Уфа)	Апрель — май 2011 года
12.	Научно-методологический семинар «Академические чтения» для молодых ученых и аспирантов, магистрантов, всех, кто связан с исследованием и преподаванием РКИ	Иркутский государственный технический университет	Май — июнь 2011 года
13.	Методический семинар по современным методикам в РКИ	Златоуст г. Новосибирск	Июнь 2011 года
14.	Международный научно-практический семинар «Новое и традиционное в методике преподавания РКИ»	Иркутский государственный университет путей сообщения	Июнь 2011 года
15.	Международная конференция «Традиционное и новаторское в методиках РКИ»	Златоуст Тверь — Москва	Сентябрь 2011 года
16.	Научно-практический семинар «Проблематика бытования русского языка и русской культуры на юге России: история, современность и перспективы»	Ставропольский государственный университет	20–24 сентября 2011 года
17.	III Всероссийская научно-методическая конференция «Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе»	Санкт-Петербургский государственный горный институт им. Г. В. Плеханова (технический университет)	26–28 октября 2011 года
18.	Научная конференция, посвященная 95-летию профессора Б. Н. Головина, «Язык, литература, культура на рубеже XX–XXI вв.»	Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского	Октябрь 2011 года
19.	Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы обучения иностранных граждан в российском вузе: теория и практика»	Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (г. Тула)	Октябрь 2011 года

20.	VII Региональная студенческая Олимпиада по русскому языку. Третий тур. (Первый тур проводится в студенческих группах вузов и колледжей, второй в вузах, колледжах.)	Сибирский государственный аэрокосмический университет им. ак. М. Ф. Решетнева (г. Красноярск)	26 ноября 2011 года
21.	V Международная научно-практическая конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного»	МГУ им. М. В. Ломоносова, Филологический факультет	Ноябрь 2011 года
22.	Международная научно-практическая конференция «Мультимедийные технологии в электронном формате обучения русского языка как иностранного»	Академия труда и социальных отношений (Москва)	Ноябрь 2011 года (апрель — май 2012 года)
23.	III Всероссийская конференция «Кодификация норм современного русского языка»	Златоуст Санкт-Петербург	Ноябрь — декабрь 2011 года
24.	IV международная научная конференция «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты»	Забайкальский государственнй гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита)	8–10 декабря 2011 года
25.	Интеллектуальная литературная игра для старшеклассников, посвященная юбилею книги — романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»	Тюменский государственный университет	2011 год
26.	Международный интернет-конкурс научно-исследовательских работ старшеклассников и студентов «Духовное наследие Л. Н. Толстого. Взгляд, устремленный в будущее», посвященный подготовке празднования 185-летия со дня рождения великого русского писателя	Тульский государственный университет	2011 год
27.	Научно-методический семинар «Новые профессионально-педагогические компетенции филолога-русиста»	Российский университет дружбы народов	2011 год
28.	Научный семинар «Инновационное языковое сетевое образование»	Российский университет дружбы народов	2011 год
29.	Научная конференция «Современный русский язык — повседневное общение»	Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов	2011 год

ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ МАПРЯЛ НА 2011 ГОД

Страна	*Сроки проведения*	*Место проведения и организаторы*	*Название и статус*
Сербия, г. Белград	13–14 января	Славистическое общество Сербии, Белградский университет Международное педагогическое общество в поддержку русского языка	Международный научно-образовательный форум «Третья белградская встреча славянских русистов» на тему «Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении».
Беларусь, г. Минск	2–3 февраля	Белорусское общественное объединение преподавателей русского языка как иностранного (БООПРЯИ), Белорусский государственный экономический университет, кафедра белорусского и русского языков	XVII Международная научно-практическая конференция «Технологии обучения РКИ (языкам) и диагностика речевого развития»
США, г. Вашингтон	Последние недели марта	Американский совет преподавателей русского языка и литературы (АСПРЯЛ)	Праздник русской словесности в рамках Всемирного фестиваля русского языка
Казахстан, г. Алматы	14–16 апреля	Казахстанское общество преподавателей русского языка и литературы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби	Праздник русской словесности в рамках Всемирного фестиваля русского языка
Финляндия, г. Хельсинки	26–28 апреля	Хельсинкский университет, Санкт-Петербургский государственный университет	Международная научная конференция «Двуязычное образование: теория и практика»
Китай, г. Шанхай	6–9 мая	КАПРЯЛ (Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы), Шанхайский университет иностранных языков	Праздник русской словесности в рамках Всемирного фестиваля русского языка
Китай, г. Шанхай	10–15 мая	КАПРЯЛ (Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы), Шанхайский университет иностранных языков	XII Конгресс МАПРЯЛ: Русский язык и литература во времени и пространстве, Генеральная ассамблея МАПРЯЛ, Заседание президиума МАПРЯЛ
Кыргызстан, г. Бишкек	25 мая	Ассоциация русистов Кыргызстана «ОКПРЯЛ»	Научно-методическая конференция, посвященная Дням Славянской письменности: «Проблемы преподавания русского языка и литературы».

Сербия, г. Белград	31 мая — 3 июня	Славистическое общество Сербии, Белградский университет	Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении
Украина, г. Ялта	6–10 июня	Украинская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (УАПРЯЛ),	Международная научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурном мире» *Ежегодная*
Казахстан, г. Алматы	июнь	Казахстанское общество преподавателей русского языка и литературы (КАЗПРЯЛ)	Конференция «Язык и ментальность» *Ежегодная*
Испания, г. Гранада	6–9 сентября	Гранадский университет, Исследовательская группа «Славистика, кавказология и типология языков»	Международная конференция «Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты», посвященная 50-летию начала преподавания русского языка в Гранадском Университете. В рамках года России в Испании
Украина, г. Киев	27–30 сентября	Украинская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (УАПРЯЛ), Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киевский национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова	Международная научно-практическая конференция «Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания в школе и вузе» *Ежегодная*
Россия, Санкт-Петербург	29 сентября — 1 октября	Кафедра межкультурной коммуникации и кафедра ЮНЕСКО Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Россия, С.-Петербург), Кафедра русской филологии Жешувского университета (Польша), Кафедра русского языка и кафедра мировой литературы Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина), Балтийская международная академия (Латвия)	XIV Международная научная конференция «Русистика и современность»
Тайвань, г. Тайбей	29–30 октября	факультет славянских языков Государственного университета Чжэнчжи	IV международная конференция «Современные проблемы славянской филологии: глобализация и обучение русскому языку как иностранному».
Россия, Санкт-Петербург	Конец октября — начало ноября	МАПРЯЛ	Финальный тур Всемирного фестиваля русского языка

М. Ю. Сидорова, Е. В. Белая

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ФРАНЦУЗСКИМ)

MARINA YU. SIDOROVA, ELENA V. BELAIA
ON SYNTACTIC AMBIGUITY OF POLYPREDICATIVE CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN (IN COMPARISON WITH FRENCH)

Марина Юрьевна Сидорова
Доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
► sidorovadoma@mail.ru

Елена Владимировна Белая
Доктор славистики, мэтр де конферанс, университет Нанта, факультет иностранных языков, департамент славянских и дальневосточных языков
► nantes.belaia@mail.ru

В статье с позиций коммуникативно-функциональной грамматики обсуждаются причины и типы субъектной и модально-временной неоднозначности полипредикативных конструкций в русском языке, влияющие на их интерпретацию при переводе на французский и другие языки.

Ключевые слова: русский язык, полипредикативные конструкции, субъектная перспектива, коммуникативно-функциональная грамматика, французский язык, перевод.

The authors discuss syntactic ambiguity of constructions with infinitives and deverbatives and the factors influencing their interpretation in Russian and in French from the functional and communicative grammar perspective.

Keywords: Russian language, communicative and functional grammar, French language, translation.

Межъязыковой диалог — предприятие, успех которого зависит от многих факторов, как собственно языковых, так и экстралингвистических. Среди собственно языковых факторов успешности межъязыковой трансляции важное место занимают однозначность, прозрачность текста на языке оригинала. Однако в каждом языке существуют «точки» синтаксической неопределенности — предложения, структура которых предполагает возможность двоякого понимания. Эта неоднозначность (иначе терминологически обозначаемая как *синтаксическая многозначность, синтаксическая омонимия* или *синкретизм*) может устраняться за счет лексического наполнения конструкции, контекстного окружения или фоновых (ситуативных) знаний коммуникантов, но может и оставаться непроясненной. С точки зрения продуцирования и восприятия текста синтаксическая неоднозначность может а) не мешать пониманию, б) препятствовать ему, в) служить для сознательного «наведения» автором текста ложных смыслов. Настоящая статья посвящена сопоставительному рассмотрению полипредикативных конструкций с «затемненной» предикативной отнесенностью в русском языке[1]. (Иным терминологическим обозначением этих конструкций, принятым в лингвистике, является «конструкции с предикатными актантами». Классификацию и анализ конструкций с предикатными актантами см. в: [1; 3; 4; 5; 6].)

В русском языке наблюдается ряд случаев, в которых полипредикативные конструкции вне контекста и фоновых знаний говорящих выглядят как предикативно амбивалентные, неясные с точки зрения их субъектно-темпорально-модальной отнесенности. Общей причиной этого является морфологическая невыраженность предикативных категорий (лица, времени и модальности) во вторичной предикации и невозможность однозначно восстановить эти предикативные характеристики по синтаксической соотнесенности вторичного предиката с основным предикатом и другими членами предложения (прежде всего, компонентами с субъектным значением). Такая ситуация часто возникает либо когда субъект вторичной предикации не выражен, либо когда в конструкции есть много претендентов на роль этого субъекта. Вспомним хотя бы приобретший уже статус лингвистического фольклора пример про грозу и старушку: *Во время грозы старушка спрятала голову под подушку, и не вынимала* ***ее*** *из-под* ***нее****, пока* ***она*** *не кончилась.* За примерами подобной субъектной неразберихи в текстах современных СМИ далеко ходить не надо:

— *На тренировке во время поддержки мы упали с Повиласом Ванагасом на мое колено вдвоем! — дрожащим голосом рассказывает телеведущая. — И потом* ***его*** *собирали буквально по частям врачи, бинтовали, купировали боль перед съемками* (Лариса Вербицкая о своем участии в шоу «Ледниковый период»). Кого собирали по частям? Колено или партнера телеведущей?

Однако далеко не всегда предикативная неоднозначность, амбивалентность является языковой ошибкой. Возможность не маркировать субъектные, модальные, видо-временные, залоговые значения предусмотрена самой системой языка, предлагающего говорящему целый арсенал средств для выражения вторичной предикации (полупредикативного компонента) в предложении: причастие, деепричастие, инфинитив, признаковое существительное, предложно-падежные формы предметных имен в признаковом значении, имя прилагательное в двусторонней функции.

Полипредикативные конструкции с амбивалентной субъектно-модально-темпоральной отнесенностью, как и полипредикативные конструкции в целом, представляют трудность при переводе, поскольку требуется при изменении морфологического способа выражения предикаций (что часто случается, когда мы переходим с языка оригинала на язык перевода) сохранить ту же модальную, временную и субъектную отнесенность, что и в исходном тексте. Это не всегда выполняется, и несоблюдение субъектно-темпорально-модальной структуры предикаций приводит либо к нарушению смысла, либо к обессмысливанию предложения. Примеры неудачных переводов с английского языка (из Интернета):

Заглушение культуры представляет собой акт использования существующих средств массовой информации с целью подавления и критики самих же СМИ, ***пользуясь при этом аналогичными коммуникационными методами*** (конкурс студенческих экономических переводов);

Бастебл испытывал значительное напряжение, и хотя вмешательство его сводного брата ослабило его, ***он все еще находился под его влиянием*** (конкурс самодеятельных переводов Вудхауза).

Прежде чем перейти к сути рассматриваемой проблемы, уточним содержание используемых терминов. Под полипредикативностью понимается «соотнесенность или взаимодействие в рамках одной коммуникативной единицы двух или нескольких предикативных единиц, в каждой из которых есть свое сопряжение имени признака (предиката) с именем предмета (субъекта) и свои грамматические характеристики времени, модальности и лица, либо свободные, либо связанные (в релятивном, таксисном значении)». Свойство предикативных единиц, соотносящих имя признака и его носителя в таксисных категориях времени, модальности и лица по отношению к основной, эксплицитной предикативности предложения, предицирующих на действительность эти таксисные категории через соответствующие значения основного предиката, — это и есть, надо полагать, грамматическая сущность тех построений, в которых находят «полупредикативность», или скрытую, имплицитную предикативность, или «синтаксическую компрессию»

[2: 220]. Объединение нескольких предикаций в одно предложение или разнесение их по разным предложениям либо частям сложного предложения, а также способ оформления свернутых предикаций есть вопросы авторской тактики, т. е. той ступени формирования речевого произведения, которая представляет «избирательную реализацию языковых и речевых средств в конкретном тексте с конкретными, разной сложности коммуникативными или коммуникативно-эстетическими намерениями автора» [Там же: 455].

Именно такая «избирательная реализация» происходит при межъязыковой трансляции текста. Однако в учебниках по переводу лингвистическая сущность трансформации обычно не вскрывается: объяснение возможностей **использования** говорящим языковых механизмов превращается в простую констатацию **соответствия**. Например, разные способы перевода на русский язык следующего английского предложения: *He was guest of honour at a reception given by Soviet youth for delegates to the world youth forum, which opened here last Wednesday à. — Он был почетным гостем на приеме, устроенном (который был устроен) советской молодежью для делегатов Всемирного форума молодежи, который открылся (открывшегося) в Москве в прошлую среду* в пособии «Теория и практика перевода» А. Паршина комментируются следующим образом: «В этом предложении имеется как причастный оборот, так и придаточное определительное предложение. Для каждого из них в качестве соответствия может быть использовано либо причастие, либо придаточное предложение в русском переводе. *Given* может быть переведено как *устроенный* или как *который был устроен*, а *which opened* — как *открывшегося* или как *который открылся*». Подобные описания в модальности «может быть» не вскрывают ни ограничений на замену одного способа выражения вторичной предикации другим, ни семантических оттенков, возникающих при подобных преобразованиях.

Обратимся теперь к полипредикативным предложениям с неоднозначной предикативной отнесенностью, которые и интересуют нас в этой статье. Вот ряд примеров из художественных и публицистических текстов:

1. *Утомленный долгой речью, я закрыл глаза и зевнул* (Лермонтов). 2. *Переселение мужиков выгодно Нехлюдову* (Л. Толстой). 3. *Прогуливаясь по берегу озера, Миша пригласил Лялю посидеть в лодке без весел* (Г. Остер). 4. *Сам Эльдар Александрович согласие на римейк своей картины дал, а вот сниматься отказался* («МК»). 5. *Но, смягчившись на сей раз, дал гонцу такой приказ: «Ждать царева возвращенья для законного решенья»* (Пушкин). 6. *Иван Васильевич все настойчивее стал предлагать мне написать сцену дуэли на шпагах в моей пьесе* (Булгаков).

Для каждой из приведенных полипредикативных конструкций существуют возможности интерпретации, выявляемые структурно-семантическими трансформациями, представленными ниже.

(1) ***Утомленный долгой речью, я закрыл глаза и зевнул*** (чьей речью? закончилась речь или еще продолжается?):

– *Утомленный своей долгой речью…*

– *Утомленный его долгой речью…*

(2) ***Переселение мужиков выгодно Нехлюдову*** (кто переселяет мужиков? переселение уже состоялось, идет или только планируется?):

– *Мужики переселяются (собираются переселиться) сами, и это выгодно Нехлюдову.*

– *Мужиков кто-то переселяет (собирается переселить), и это выгодно Нехлюдову.*

– *Мужиков переселяет Нехлюдов (собирается переселить), и это ему выгодно.*

– *Мужики уже переселились, и это выгодно Нехлюдову.*

– *Мужиков кто-то переселил, и это выгодно Нехлюдову.*

– *Мужиков переселил Нехлюдов, и это ему выгодно.*

(3) ***Прогуливаясь по берегу озера, Миша пригласил Лялю посидеть в лодке без весел*** (кто прогуливался по берегу — один Миша или вместе с Лялей? кто будет сидеть в лодке?):

– *Когда Миша прогуливался… // Когда Миша с Лялей прогуливались…*

– *… Миша пригласил Лялю, чтобы она посидела… // Миша пригласил Лялю посидеть вместе.*

(4) ***Сам Эльдар Александрович согласие на римейк своей картины дал*** (кто будет снимать кино?):

– *Сам Э. А. согласился делать римейк своей картины.*

– Сам Э.А. согласился, чтобы кто-то сделал римейк его картины.

(5) *Но, смягчившись на сей раз, дал гонцу такой приказ: «Ждать царева возвращенья для законного решенья»* (кто должен ждать? кто будет решать?):

– Ждать, чтобы царь вернулся и все решил // Ждать, чтобы царь вернулся и вместе с ним (с его участием) решить // Ждать, чтобы царь вернулся и в его присутствии (но без его непосредственного участия) решить.

– ... Дал гонцу приказ, чтобы тот подождал царя // Дал гонцу приказ для передачи другим лицам, чтобы они подождали царя.

(6) *Иван Васильевич все настойчивее стал предлагать мне написать сцену дуэли на шпагах в моей пьесе* (кто будет писать?):

– Он стал предлагать мне, чтобы я написал сцену дуэли.

– Он стал предлагать мне, что он напишет сцену дуэли.

Чем определяется неоднозначность данных конструкций и сохраняется ли она при переводе на иностранный язык, в нашем случае — французский?

Модально-темпоральная неоднозначность присутствует здесь только один раз — в примере про мужиков и Нехлюдова (2), темпоральная (видо-временная) — во фразе из Лермонтова (1). В предложении (2) непонятно, к какому видо-временному состоянию мы должны привязать ситуацию: *мужиков переселяют* (процессуальное значение несовершенного вида) или *мужиков переселили* (перфектное — во французском значение acte parfait — значение совершенного вида); в примере (1) — *речь* еще длится или *речь* закончилась? Если бы действия *переселение* и *речь* были выражены глаголами, такая двусмысленность отсутствовала бы. Подобное стирание в признаковом существительном видо-временной характеристики действия, которую бы выразил глагол, по всей видимости, связано с представлением ситуации как «état de fait», как некоего состояния дел, а не процесса в его текущем или перфектном виде. Ср. с французским: *La vente de cette maison me chagrine. — Продажа (этого) дома меня огорчает*. Невозможность в данном случае с уверенностью сказать, идет ли речь о том, что дом выставили на продажу или он уже продан, связана с употреблением отглагольного существительного *vente*, которое, естественно, как и русское *продажа*, лишено морфологических средств выражения модальности и видо-временных отношений. Аналогично с переводом примера (2): *Nexljudov tirait profit de la migration des paysans / La migration des paysans était profitable à Nexljudov*. Перенося подобную конструкцию с языка на язык, переводчик должен осознавать ее предикативную неоднозначность и в том случае, если однозначное понимание критически важно для текста (например, в юридическом документе), прояснить двусмысленность доступными в языке перевода способами.

Структура человеческой деятельности подразумевает, с одной стороны, многосубъектность некоторых действий, симметричную (с равноправным положением участников, например: *обсуждать, целоваться, боксировать* и т. п.) или несимметричную (когда одна сторона выступает как главенствующая, ведущая, организующая деятельность: *интервьюировать, опрашивать, награждать* и т. п.); с другой — сопровождение некоторых действий наблюдением, их обычную осуществляемость в соприсутствии субъектов, активно в действии не участвующих (например: *выступать, красоваться перед зрителями*). Потенциальной субъектной неоднозначностью обладают конструкции с предикатами, у которых есть по крайней мере два неравноправных, асимметричных личных актанта. В примере (4) возможность моно- или полисубъектного прочтения предложения и разного распределения субъектных ролей обусловлена употреблением признакового существительного *ремейк* в конструкции *дать согласие на*.

Если в подобной конструкции имя вторичного предиката — это инфинитив, а не признаковое существительное, то неоднозначности не возникает. Субъект согласия совпадает с субъектом действия вторичного предиката: *Оператор проекта «Сахалин-2» Sakhalin Energy* ***согласился компенсировать*** *экологический ущерб, нанесенный компанией; Руководство ФМК* ***согласилось изменить*** *принципы начисления зарплаты и* ***со-***

вместно с профсоюзами разработать *систему премиальных; Он фактически* ***согласился снизить*** *налог на добавленную стоимость (НДС) с существующих 18% до 15%*. Ср.: *Оператор проекта* ***согласился на компенсацию*** *ущерба* (он будет компенсировать или ему?); *Руководство ФМК* ***согласилось на изменение*** *принципов начисления зарплаты* (оно будет изменять или оно согласно с тем, что это сделает кто-то другой, например правительство); *Он* ***согласился на снижение*** *налога* (он, например министр экономики, будет снижать налог или он выразил согласие с тем, чтобы это сделал кто-то иной).

Во французском языке мы **должны**, если можем, следуя оригиналу, передать субъектную неоднозначность в переводе, а не навязывать однозначное прочтение: *Eldar Alexandrovich a donné son accord personnel pourqu'un remake de son film* ***soit fait*** *tout en refusant d'y jouer un rôle*[2].

В примере (5) причина возможной неоднозначности — в двойственности семантики конструкции *ждать кого-то для чего-то*. Целью ожидания может быть непосредственное, более или менее активное, участие объекта ожидания в намеченном действии либо просто его присутствие при этом действии: *И когда его* ***ждали для дачи показаний****, Татаров был уже под Мюнхеном, по дороге в Россию* (Р. Гуль); *С невеселыми думами пришлось мне явиться в Министерство Финансов, где меня* ***ждали для выяснения*** *прежде всего формального вопроса о праве русского правительства на заключение займа перед самым созывам новых законодательных учреждений* (В. Н. Коковцов); *Еще раньше было условлено, что партийный агитатор, которого* ***ждали для предположенной массовки****, остановится в доме Триродова* (Ф. Сологуб); *В тот час, когда по повестке меня* ***будут ждать для издевательства*** *в горкоме, я буду спокойно работать дома* (П. Филонов); ***Ждем для переговоров*** *Гочитского относительно вопроса о верблюдах* (П. К. Козлов)[3].

Возможно заполнение конструкции *ждать кого-то для чего-то* именем действия, нейтрализующим асимметрию личных актантов, ср.: *Чернобыльцев* ***ждут*** *в военкоматах Алтайского края* ***для*** *оформления документов на льготы* (здесь отглагольное существительное *оформление*, как и глагол *оформлять*, используется и для обозначения действия лица, вступающего в отношения с официальными органами, и для обозначения действия этих органов: *Я оформил квартиру в собственность — Регистрационная палата оформляет квартиры в собственность граждан*); *Итак, завтра тебя* ***ждут для*** *собеседования* (П. Акимов) — в русском языке сейчас активно используются глаголы *собеседовать кого-либо* и *собеседоваться*, хотя и не отраженные в современных словарях русского литературного языка.

Кроме того, в русском языке существует конструкция *ждать кого-то на что-то / на чем-то*, также позволяющая не маркировать степень активности участия ожидаемого субъекта в действии, обозначенном вторичным предикатом: *Пора, — сказал Буравков, оказавшийся в парадном серо-стальном костюме и малиновом галстуке, в котором блистала алмазная булавка, —* ***нас ждут на фестивале*** *«Созвездие»* (А. Проханов); *Через четверть часа* ***меня ждут на совещании*** (Б. Васильев); *Фабула пьесы: члены Совнаркома* ***ждут на заседание Ленина*** (М. Козаков).

Как мы видим, во всех этих примерах валентности конструкции *ждать для/на* заполнены следующим образом: **имя лица-1, определенного или неопределенного, (субъект) —** *ждать* **— имя лица-2 (объект ожидания) —** *на/для* **событийное имя**. Но в нашем примере из «Сказки о царе Салтане…» все немного сложнее: на месте имени лица-2 — полупредикативный компонент, отглагольное имя, называющее действие лица-2, в то время как само лицо-2 выражено притяжательным прилагательным, ср.: *Ждать царя для законного решенья* и *Ждать царева возвращенья для законного решенья*.

Особый интерес вызывают примеры (3) и (6) с глаголами *приглашать* и *предлагать* соответственно. Функционирование глагола *предлагать* в русском языке существенно отличается от функционирования его французских[4] «эквивалентов» — *proposer* и *suggerer*. У глаголов типа *предлагать* есть субъект (тот, кто предлагает, т. е. каузирует действие) и адресат (тот, кому предлагается). Кто же из этих двух лиц выступает

как субъект каузируемого действия, называемого инфинитивом? Это может быть любой из них либо они оба. Во фразе *Он предложил мне улучшить (доработать) статью — Il m'a proposé d'améliorer mon article* мы можем соотнести инфинитив с субъектом речи (он сам будет улучшать статью) или с адресатом (адресату предлагается улучшить свою статью) или с обоими (мы вместе можем улучшить статью). И эта неоднозначность возможна, потому что с точки зрения здравого смысла оба могут переписать статью (вместе или по отдельности), все актантные позиции личного глагола уже заняты, а у инфинитива они не выражены. Предложение *Он предложил мне выступить с докладом, приготовить салат, навестить Анну в больнице* и т. п. может выражать его желание выступить с докладом, приготовить салат, навестить Анну; его призыв совершить эти действия, обращенный ко мне, или же приглашение к совместному действию: *Визенталь* ***предложил мне выслать*** *подробное досье на московский адрес, но в ноябре 90-го я посчитал это неблагоразумным* (М. Карпов) — кто будет высылать досье: Визенталь или субъект речи?; *Мой провожатый кивком* ***предложил мне подождать*** *и, сняв шляпу, слегка приоткрыл дверь* (Ф. Искандер) — кто будет ждать: только субъект речи или вместе с провожатым?; *Он даже* ***предложил мне давать*** *Юре уроки французского языка и* ***платить*** *за урок тарелкой супа* — кто будет давать уроки и платить? (В. Гроссман); *И вот этот Меллер заинтересовался моими работами,* ***предложил мне их опубликовать*** (Д. Гранин). В последнем примере субъектная неоднозначность «снимается» (так же, как и в примерах с существительными *оформление* и *размещение* выше) за счет способности глагола *опубликовать* обозначать как действие лица, отдающего свои труды в публикацию, так и действия печатного органа (или лица), публикующего их: *Я опубликовал свою статью в журнале «Вопросы филологии» — Журнал «Вопросы филологии» опубликовал мою статью.*

Неоднозначность возможна и в неопределенно-личной конструкции: *Через час* ***нам предложили*** *прислать подробные аксессуары банковского счета, через который пойдет перевод* («Известия», 2003.02.10); ***Нам предложили*** *продать две отечественные машины* («Автопилот», 2002.05.15).

Разрешению субъектной амбивалентности способствуют следующие факторы:

а) контекст и/или фоновые знания, как, например, в следующей фразе: *В отделении милиции нам предложили написать объяснения в протоколе;*

б) порядок слов: *Первоначально Маккартни предлагал выплатить супруге 20 миллионов* (ср. конструкцию с неоднозначной субъектной перспективой *Маккартни предлагал супруге выплатить 20 миллионов*);

в) использование основного предиката в условном наклонении со значением вежливости: *Я предложил бы вам переписать статью.*

Французский язык избегает двусмысленных конструкций с *предлагать* и предпочитает конструкции, в которых все связи выражены эксплицитно:

Il s'est proposé d'améliorer mon article.

Il m'a suggéré d'améliorer mon article.

Двусмысленность снята в первом случае за счет употребления прономинальной формы глагола (ясно, что субъект предложения сам будет переписывать статью), а во втором случае — заменой глагола *proposer* на недвусмысленный *suggerer*: *подать мысль, подсказать.*

В примере (3) *Миша пригласил Лялю посидеть в лодке* инфинитив в юмористическом повествовании Г. Остера создает двусмысленную ситуацию: *посидеть* может иметь субъектом Лялю, а может Мишу и Лялю. Но в отличие от конструкций с глаголом *предложить,* мы не можем считать в данном случае Мишу единственным субъектом каузируемого действия, выраженного инфинитивом: он посидит, а Ляля нет. Это противоречит логике вещей и значению глагола *пригласить*, включающему бенефактивность каузируемого действия для партнера: если кто-то *пригласил*, то участие адресата приглашения подразумевается и обязательно, иначе действие приглашения просто аннулируется. Разумеется, здесь тоже играет роль семантика инфинитивного предиката: некоторые действия подразумевают совместность

(*Он пригласил ее танцевать*), другие — нет. В неопределенно-личных предложениях с вторичным предикатом — инфинитивом субъектная неоднозначность не проявляется, в них субъект приглашения и субъект действия, к которому приглашают, различны: ***Нас пригласили сесть*** *за стол напротив них* (В. Бережков); *Накануне Дня Победы* ***нас пригласили выступить*** *в Министерстве гражданской авиации* (К. Ваншенкин).

Практическая значимость проведенного анализа очевидна, если мы обратимся к высказываниям, непосредственно связанным с жизнью и благосостоянием людей, например: *Переселение жильцов выгодно инвестору* (кто будет осуществлять или уже осуществил переселение жильцов?), *Он предложил мне переписать контракт* (кто будет переписывать контракт?). Не случайно предложения с неясной предикативной отнесенностью часто используются в качестве привлекающих внимание читателя заголовков СМИ. См., например, заголовок смакующей подробности личной жизни российских фигуристов статьи в «желтой» газете во время популярного телешоу «Ледниковый период» — «*Навка потрясена разводом*», намекающий на то, что звезда фигурного катания Татьяна Навка тяжело переживает свой развод. При чтении статьи выясняется, что в семейной жизни Навки все в порядке, она потрясена разводом другой звездной пары — Ирины Лобачевой и Ильи Авербуха, т. е. событием, о котором уже неоднократно сообщалось в СМИ. Чтобы заставить потенциальных читателей обратиться к статье, «желтое» издание применило хитрый тактический ход: в качестве заголовка использована амбивалентная полипредикативная конструкция, которая трактуется с первого взгляда как моносубъектная (у предикатов *потрясена* и *развод* прочитывается один и тот же субъект). Текст же заметки раскрывает полисубъектность заголовочного предложения.

Особую осторожность по отношению к данным конструкциям следует проявлять переводчику, который должен при встрече с подобной предикативной неоднозначностью при переводе принимать тактическое решение: либо прояснять ее в тексте на языке перевода, пользуясь лексическими средствами (добавляя субъектные компоненты или временные локализаторы) и грамматическими потенциями языка перевода, либо сохранять неоднозначность. Решение зависит прежде всего от типа текста (предикативная неоднозначность недопустима в юридических документах и может служить приемом в произведениях художественной литературы или СМИ) и возможности снять неопределенность, не утяжеляя текст и не искажая его стилистического облика.

В заключение подчеркнем, что в теоретическом плане наши наблюдения подтверждают продуктивность схемы субъектной перспективы как коммуникативно-грамматического инструмента анализа текста и правомерность предложенного Н. К. Онипенко [2: 217 и след.] распространения понятия таксиса с временных отношений также и на субъектные и модальные.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Случаи синтаксической неоднозначности являются в настоящее время популярным объектом рассмотрения лингвистов, прежде всего в аспекте машинной обработки текста. Однако в центре внимания стоят проблемы, иные, чем те, которые рассматриваются в нашей статье: проблемы определения синтаксических ролей «хозяина» и «слуги». См., например, на сайте http://www.dialog-21.ru труды участников ежегодных конференций «Диалог-21», в которых представлен экспериментальный подход к снятию неоднозначности сложных предложений, подобных читаемому вами сейчас: *труды…, в которых; участников…, в которых, конференций…, в которых*) [7; 8; 9; 10; 11].

[2] Интересно отметить также в примере (5) использование возвратно-притяжательного местоимения *свой*: *дал согласие на римейк* ***своей*** *картины*, которое одинаково устраивает и моносубъектное (Эльдар Рязанов согласился снимать) и полисубъектное (Эльдар Рязанов согласился, чтобы кто-то снял) прочтение предложения. Но это отдельный предмет обсуждения.

[3] Здесь и далее в статье частично использованы примеры из Национального корпуса русского языка.

[4] И английских — *propose* и *suggest*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамец П.* Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Прага, 1978.

2. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

3. *Казаков В. П.* Конструкции с предикатными актантами и принципы их выделения // НДВШ. Филологические науки. 1988. № 3. С. 43–53.

4. *Касевич В. Б., Храковский В. С.* Конструкции с предикатными актантами // Категории глагола и структура предложения. Л., 1983. С. 5–27.

5. Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.

6. *Тулина Т. А., Харитонова М. М.* Семантика предикатных актантов и их синтаксическая организация в простом предложении // НДВШ. Филологические науки. 1983. № 4. С. 46–52.

7. *Фёдорова О. В., Янович И. С.* Об одном типе синтаксической многозначности, или Кто стоял на балконе // Диалог-2004. — http://www.dialog-21.ru/

8. *Фёдорова О. В., Янович И. С.* Разрешение синтаксической многозначности в русском языке: роль длины и структуры придаточного. // Диалог-2005. — http://www.dialog-21.ru/

9. *Юдина М. В.* Понимание и порождение высказываний с синтаксической неоднозначностью (на примере относительных придаточных в русском языке) // Диалог-2006. — http://www.dialog-21.ru/

10. *Юдина М. В.* Разрешение синтаксической неоднозначности: возможна ли преднастройка? // Диалог-2007. — http://www.dialog-21.ru/

11. *Юдина М. В., Янович И. С., Фёдорова О. В.* Синтаксическая неоднозначность в эксперименте и в жизни // Диалог-2007. — http://www.dialog-21.ru/

[хроника]

XXIII МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА-ЯРМАРКА ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР «ЭКСПОЛИНГВА-2010»

Выставка состоялась 19–21 ноября 2010 года в Российском доме науки и культуры в Берлине (РДНК).

Самая крупная выставка подобного рода в Европе ежегодно предлагает экспонентам идеальную платформу для представления продуктов и услуг, которые касаются изучения иностранных языков. Посетители выставки имеют возможность получить советы от экспертов, а также стать членами профессиональной сети образовательной индустрии. «Эксполингва» является единственной в немецкоязычных странах международной выставкой-ярмаркой, посвященной языкам и культурам. В этом году на выставке было представлено 50 языков — 183 экспонента из 26 стран мира. Статус «языка-гостя» был отдан китайскому языку.

Организатором российской экспозиции стал Центр международного образования МГУ имени М. В. Ломоносова, подготовивший совместно с Российским домом науки и культуры в Берлине, правительством Москвы и российскими вузами-партнёрами при поддержке федеральной целевой программы «Русский язык. 2006–2010» объединённую российскую экспозицию. В российском павильоне прошли презентации программ по изучению и преподаванию русского языка, стендовые презентации образовательных программ российских вузов: МГУ, Санкт-Петербургского университета, Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, МАИ, РГУ нефти и газа имени Губкина, РосНОУ, МПГИ, а также МАПРЯЛ, РОПРЯЛ и Издательского дома «МИРС». В рамках программы российского участия в выставке состоялся научно-практический семинар «Актуальные аспекты преподавания русского языка как иностранного».

Перед открытием семинара президент фонда «Наследие» В. В. Шашлова огласила приветствие мэра г. Москвы Сергея Семёновича Собянина. Выступление Юрия Ильича Каплуна, директора Московского дома соотечественника правительства Москвы, было посвящено деятельности правительства Москвы по поддержке русского языка и культуры за рубежом. Наталья Олеговна Рогожина, зам. директора секретариата МАПРЯЛ, рассказала о новых направлениях в деятельности общественных организаций русистов — МАПРЯЛ и РОПРЯЛ.

С докладами на семинаре выступили зам. директора Центра международного образования МГУ имени М. В. Ломоносова В. А. Степаненко, зав. кафедрой немецкой филологии и методики МГПИ Е. В. Бирюкова, доценты ЦМО МГУ И. В. Курлова, А. Ю. Петанова. Участники семинара получили сертификаты повышения квалификации ЦМО МГУ.

В российском павильоне была организована выставка новинок учебной литературы по русскому языку как иностранному издательств «Златоуст», «Русский язык. Курсы», «Флинта», «МИРС», вызвавшая большой интерес у посетителей российского павильона.

Материал подготовила И. В. Курлова

И. В. Приорова

АГРАММАТИЗМ НЕСКЛОНЯЕМЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РЕЧЕТВОРЧЕСТВЕ

IRINA V. PRIOROVA

AGRAMMATISM OF INDECLINABLE BORROWINGS IN CREATIVE SPEECH-EXPRESSION

В статье рассматривается не традиционный подход изучения лексико-грамматической группы несклоняемых имён. Предлагается анализ грамматических нарушений несклоняемых заимствований в речетворчестве, которые приравниваются к полноценному стилистическому ресурсу. Зона допустимости творческого аграмматизма определяется чувством вкуса носителей и системными свойствами русского языка.

Ключевые слова: аграмматизм, заимствование, языковая игра, стилистический приём, грамматические окказионализмы, языковая компетентность, ортологическая ошибка.

The article considers not a traditional approach to study of lexico-grammatical group of indeclinable nouns. It offers the analysis of grammatical deviance of indeclinable borrowings in creative speech expression which is set equal to a complete stylistic resource in the zone of creative agrammatism acceptability which is defined by speaker's taste and systematical properties of Russian language.

Keywords: agrammatism, borrowing, language play, stylistic device, grammatical nonce formations, language proficiency, orthologous mistakes.

Ирина Валерьевна Приорова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Астраханского государственного университета
► irinapriorova@yandex.ru

Особенности несклоняемых заимствований признаются всеми лингвистами, но не все отмечают их функциональные свойства. Заимствование слов М. В. Панов определяет как «естественный и необходимый процесс языкового развития. *Лексическое заимствование* обогащает язык и обычно нисколько не вредит его самобытности, так как при этом сохраняется основной, «свой» словарь, а кроме того, неизменным остаётся присущий языку грамматический строй, не нарушаются законы языкового развития» [8: 101]. Если рассматривать несклоняемые заимствованные существительные как заимствования, чуждые грамматической системе русского языка, то это утверждение становится уязвимым относительно грамматики. Несмотря на то, что традиционно информация об этой группе существительных в учебных и справочных пособиях ограничивается догматическими предписаниями, она всё же, как правило, отмечает их чужеродность грамматической системе русского языка, но без каких-либо попыток установить причину такой исключительности. А исключительность их в рамках системных признаков русского языка начинается с обширной географии заимствования (около тридцати языков-доноров разной типологии). При изучении их специфики в авторитетных учебных пособиях не предполагается ссылаться на интересный иллюстративный материал в речетворчестве, который показал бы грань допустимости и недопустимости их формального изменения.

Так, в учебнике «Русский язык» В. В. Бабайцевой, Л. Д. Чеснокова в §79 «Неизменяемые существительные» [1] говорится буквально следующее: «Некоторые существительные в русском языке не изменяются по падежам и числам. Они имеют одну форму: *без пальто*, *к пальто*, *в пальто; новое пальто — новые пальто*. Число и падеж неизменяемых существительных можно определить в словосочетаниях и предложениях: *Проложены новые шоссе. — Машины мчались по широкому шоссе*. … К неизменяемым существительным относятся: 1) нарицательные и собственные имена существительные иноязычного происхождения: *ситро*, *какао*, *кофе, пальто, радио, метро, кенгуру, шимпанзе; Баку, Сочи, Гюго, Гейне, Дюма* и др.; 2) сложносокращенные слова: *ЭВМ, МГУ, АЭС*», но ничего не говорится об их родовой квалификации. Совершенно очевидно, что эта информация стимулирует рефлекторную воспроизводимость неизменяемой формы без ответа на вопрос, почему и при каких условиях некоторые формально узнаваемые заимствования иногда изменяются?

Но если в учебнике «Современный русский литературный язык» под редакцией П. А. Леканта, в параграфе «Словоизменительные категории имени существительного» [4: 196] информация чрезмерно сжата: «… 4. несклоняемые имена существительные, у которых наблюдается полная омонимия падежных словоформ (*новое пальто, нового пальто, новому пальто* и т. д.), образуют особое „нулевое“ склонение», то в учебнике «Современный русский язык» под редакцией Д. Э. Розенталя в §113 «Стилистическое использование категории рода» [5: 189] она расширяется за счёт анализа их стилистических возможностей: «… писатель может менять родовую принадлежность слова, создавая грамматические неологизмы. Такой перевод слова из одного рода в другой, несмотря на всю произвольность, базируется на языковых основаниях, и является одним из средств создания художественного образа. В стихотворении В. Маяковского „Две культуры“ существительное среднего рода *танго* превращается в склоняемое существительное женского рода *танга*, видимо, не без влияния других названий танцев (кадриль, мазурка и т. п.): *Поевши, душу веселя, они одной ногой разделывали вензеля, увлечены тангой*. Слово *танга* приобретает яркую экспрессивно-стилистическую окраску пренебрежительности, становясь одним из языковых звеньев, используемых для создания сатирического настроя стихотворения». Мы рассматриваем такой подход в репрезентации группы несклоняемых имен вполне перспективным.

Функциональная активность несклоняемых существительных в речевом пространстве связана с их потенциальными возможностями не только в пределах нормативного употребления. Не имея формального выражения числовых и падежных значений через изменение окончаний, они всё же могут изменяться, оказываясь за пределами действия литературной нормы. Однако учитывая, что на уровне программного обучения рассматривается только морфологическая (языковая, системная) проблемность этих слов, то анализ системного аграмматизма и анализ авторского аграмматизма дополнит представление о лексической и словообразовательной окказиональности грамматическими «инновациями» в речетворчестве.

М. В. Панов называет «словами-правонарушителями», «словами-беззаконниками» те слова, которые образуются вопреки законам словообразования. «Окказионализмы возникают тогда, когда получает активность непродуктивный элемент языка» [8: 197]. Для несклоняемых имён таким непродуктивным элементом является эксплицируемая парадигма, т. е. формально выраженные категории рода, числа и падежа, недопустимые при нормативном употреблении данных слов. Грамматические окказионализмы расширяют интерпретацию смысла, включающего грамматическую составляющую, отражая языковую компетентность носителя. Способность неизменяемых слов «включаться» или «не включаются» в словоизменительные парадигмы соответствует бинарности грамматической окказиональности, противопоставляющей системные окказионализмы несистемным.

Аграмматизм выражается банальными нарушениями в виде просторечий: *Я к тебе чай пить не приду. У тебя муж дома…, а я в бигуд**ях*** (из разговора); *Как в таких мин**ях** их в университет пускают, да ещё в педагогический* (из разговора технического персонала АГПУ, 2003); *Они аристократы… фейху**ами**, кив**ями**, бананами,*

*манг**ами** питаются…* (из разговора в маршрутном такси, 2001), но всё же отражает «всеобщую поэтичность языка», когда «крошечная словесная капля какого-нибудь болтуна…проистекает из того же источника, как бесконечный океан какого-нибудь Гёте или Шекспира» [7: 167]. Поэтому аграмматичность несклоняемых имён предопределена словотворчеством, которое обеднеет без формальных нарушений.

Однако следует чётко противопоставить мотивированный аграмматизм, который соотносится со *стилистическим приёмом*, и бессознательное нарушение, которое зависит от языковой компетентности. Авторский аграмматизм является ярчайшей иллюстрацией того, как индивидуально реализуются потенции языка в творчестве. Грамматические «аномалии» в творчестве В. В. Маяковского признавались им самим: «*…И ищешь мелочишку суффиксов и флексий в пустующей кассе склонений и спряжений…*» Ярко выраженная субъективность автора базируется вокруг авторского «я», позволяющему не отказываться от самого распространённого способа субъективизации и использовать просторечно-диалектные формы устного общения для выражения оценочности: *Что за **«фиаска»** за такая? / Из-за этой **«фиаски»** / Грамотей Ванюха / Чуть не разодрался…* (В. Маяковский. «О „фиасках“, „апогеях“ и других неведомых вещах»); *…на руках / и ногах / тыщи / кустов шерстищи; / руки / до пяток, / метут низы. / В общем, / У Муссолини / вид **шимпанзы*** (В. Маяковский. «Муссолини»).

Основной причиной изменения формы слова сам В. Маяковский считал соблюдение рифмы: «… без рифмы стих рассыпается. Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить её, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе», а «концевое созвучие, рифма — это только один из бесконечных способов связывать строки, кстати сказать, самый простой и грубый» (Маяковский. «Как делать стихи»). «Вместедержание» мысли В. Маяковского пронизывает не только структуру его узнаваемого стиха: *Это вам — / упитанные баритоны — / от Адама до наших лет, / потрясающие театрами именуемые притоны / ариями **Ромеов** и Джульетт* (В. Маяковский. «Приказ № 2 Армии искусств»), но и расширяет «грамматический размах» формы имени собственного: «*Париж получает свою порцию салатов и моркови для восстановления сил трудящихся **Пуанкарей** и консьержек* (В. Маяковский. «Париж»); *Бельведонский: Вы, разумеется, знаете и видите, как сказал знаменитый историк, что стили бывают разных **Луев**. Вот это **Луи** Каторз Четырнадцатый… Все три **Луя** приблизительно в одну цену, Победоносиков: Тогда, я думаю, мы остановимся на **Луе** Четырнадцатом* (В. Маяковский. «Баня»). Замена единственного числа узнаваемых антропонимов множественным (*разных **Луев**, трудящихся **Пуанкарей**, ариями **Ромеов** и Джульетт*) лишает индивидуальности известных персонажей в ономастической игре, которая раскрывает ассоциативный потенциал собственных имён, а *нарочитые* грамматические неправильности используются В. Маяковским всегда семантически оправдано: **1)** для портретной характеристики: *И вечером/Та или иная мразь / На жену / За **пианином** обучающуюся, глядя / Говорит, / От самовара разморясь: / «Товарищ Надя!...»* (В. Маяковский. «О дряни»); *Нет дураков, / ждя, / что выйдет из уст его, / стоять перед **«маэстрами»** толпой разинь* (В. Маяковский. «Приказ № 2 Армии искусств»); *На месте ваших / вчерашних чаяний / В **кафах,** / Нажравшись пироженью рвотной, / Коммуну славя, расселись мещане* (В. Маяковский. «IV Интернационал»); *А если вы / Любите / **Кофий** с сахаром, / То сахар извольте делать сами* (В. Маяковский. «Блэк энд Уайт»); *Я, / товарищи, — / из военной **бюры*** (В. Маяковский. «Хорошо!»); **2)** для «рифмодержания»: *Поевши, душу веселя, /они одной ногой/ разделывали вензеля, / увлечены **тангой*** (В. Маяковский. «Две культуры») и **3)** для языковой игры: *Где живет Нита **Жо** / Нита ниже этажом* (В. Маяковский); *Я и начал! С настойчивостью **Леонардо да Винчевою,** закручу, раскручу и опять **довинчиваю*** (В. Маяковский. «V Интернационал»).

Грамматические формы притяжательного прилагательного *Леонардо да Винчевою*, множественного числа вместо единственного (*Ромеов*), женского рода вместо среднего (*фиаска*) В. Маяковский использует как полноценные составляющие субъективного авторского пред-

ставления реальности наряду с разнообразными тропами и фигурами, где аграмматичная форма несёт эстетическую функцию языкового знака, естественно вплетаясь в художественную канву произведения.

Выявляя феномен эмотивного потенциала аграмматичных форм в творческом взаимодействии автора и читателя, необходимо учитывать то, что прагматическая установка автора может не совпадать с установкой получателя в силу не совпадения их языковой компетентности, но эстетическая функция деструктивой формы активизируется, как правило, при определённых иллокутивных целях: 1) для достоверности речевого портрета, индивидуализации персонажа и реального отражения исторической эпохи и 2) в «языковой игре» для усиления экспрессии.

Наиболее частотными (60%) являются случаи изменения формы несклоняемого слова с установкой на 1) речевую характеристику персонажа и на 2) художественное воспроизведение быта или исторической обстановки: *Мошкин. Как же-с, она играет* ***на фортепианах-с****; Эка погодка! В легоньком* ***пальте*** *теперь… Ой-ой!* (Н. Островский. «Поздняя любовь»); *Надеваю эти штаны, иду за* ***пальтом***; *Это, говорит, каждый гражданин настрижет веревок —* ***польт*** *не напасешься* (М. Зощенко. «Баня»); *Ты, значит, у* ***сельпа*** *стоишь, у высокого-то крылечка...* (В. Белов. «Привычное дело»); *У нас тут не скучно: если* ***кина*** *нет, дед его заменит* (М. А. Шолохов. «Свет и мрак»); — *Что же вы делаете с этими... С убитыми котами?– На* ***польты*** (в. п., мн. ч.) *пойдут, — ответил Шариков, — из них белок будут делать на рабочий кредит* (М. Булгаков. «Собачье сердце»).

Сознательное изменение авторами формы несклоняемых существительных *сельпо, пальто, кино* придаёт речевой колорит героям конкретного произведения, а в рассказе «*Кенгура*» собственно прямая речь малограмотного циркового распорядителя, использующего *кенгуру* в полной парадигме его числовых и падежных форм в женском роде: *Под конец музыка остановилась, выходит человек в вязаной фуфайке и с ним* ***кенгура****; Сейчас почтеннейшей публике австралийский зверь* ***кенгура*** *покажет упражнение в боксе. Редкий случай искусства…; Тут снова музыка ударила, и* ***кенгура*** *перестала драться; Вот, — говорит, — убедилась наглядно, как работает австралийский зверь* ***кенгура!****;* ***Кенгура*** *работает в перчатках…; Только он на арену —* ***кенгура*** *прыг!; Сидит на* ***кенгуре*** *и молотит, морду ей в песок вколачивает…; А* ***кенгуры*** *три недели в афишах не было, так мы и в море ушли* (Б. Житков), расставляет авторские акценты, совпадающие с русским ментальным сознанием: вынашивать детёныша может только особь женского пола, *кенгура*, прежде всего, — мать, а экзотичность её в том, что она на ринге не в женской роли.

Осознанная предпочтительность в выборе формы основана на логическом противоречии: *кенгуру* женского пола занимается на арене цирка совсем не женским делом — боксом и выражается грамматически: *зверь кенгура*. Авторское тиражирование естественных просторечий с помощью нанизывания деструктивной формы (полиптотон) воспроизводит в тексте «инородные черты» экзотического зоонима *кенгуру,* обобщая творческое начало и в разговорной, и в поэтической речи [7], которое начинается с декодирования формы в соответствии с художественным вкусом и социально-исторической ориентацией автора.

В подобных примерах использования «просторечной правдивости», «динамичной морфологии», т. е. в грамматических «смещениях», иллюстрируется языковой вкус определённого синхронического среза, а высокая степень рефлекторности и малая «степень осознанности» грамматических форм и категорий усиливают «подражающую, выбирающую и воспроизводящую способность» [7] вкуса: *…Но сам Хрущев сказал ещё в* ***ООНе*** / *Что мы покажем кузькину вам мать…* (В. Высоцкий. «Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям»); *…Она сегодня здесь, а завтра будет* ***в О́сле*** (В. Высоцкий. «Она была в Париже»); *Я в* ***Сорренту*** *прилечу, как я виновата; Я к тебе давно хочу, но чувствов — маловато*; *И в* ***Чикаге*** *мест не будет, тем, кто Родину забудет* (Света Дневная. — Заглавие с экрана); *Можно жить и не тужить, если ты богатый / В* ***Сочах*** *бедным плохо быть, лучший друг — лопата* (Олег Дружный. — Заглавие с экрана).

В основе активного поиска языковых ресурсов лежит творческая способность возвести

обычное в ранг «необычного», не изменяя эстетическому вкусу, при этом допускается, что «*однажды и навсегда — я с умыслом, а не по ошибке, гну язык на разные лады, беру все готовое, если есть у иностранцев, вымышляю, если нет; изменяю падежи для оттенков действия или изощрения слова. Я хочу и нахожу русский язык на все готовым и все выражающим. Если это моя вина, то и моя заслуга*» [2: 115]. Это касается, прежде всего, языковой игры, которая в лингвистике не имеет однозначного определения.

Эмоциональные интенции автора в «языковой игре» проявляются в шутке и в «острословии» и могут ограничиваться только аграмматичной формой слова, которая связана с образной, экспрессивной передачей содержания, или с усилением непринужденности общения, когда «ошибка» используется в качестве приёма. Оригинальность или типичность языковой игры, её «эстетическая ценность» объясняется не вкусом времени, а природой гения [7], которая, расширяя возможности формы языкового знака, расширяет границы всего текста в целом. Поэтому если изменить угол анализа формально узнаваемых несклоняемых слов, проявляющих свою аграмматичность в определённых условиях, то открываются перспективы предупреждения речевых ошибок на примерах того, где допустимы аграмматичные формы, а где они не допустимы. Ценность речетворческого материала заключается в том, что несклоняемое существительное, становясь в тексте текстообразующей единицей, становится маркером коммуникативно-творческих возможностей автора.

Соблюдение литературной нормы традиционно ассоциируется с правильностью речи. Однако стоит обратить внимание на двойственность понятия «правильность речи». Являясь в ряду прочих качеств речи основополагающим, оно имеет «нормативную», то есть структурную (из чего сделана), и «стилевую», то есть функциональную (как работают языковые единицы), стороны. Коммуникативная задача и коммуникативная ситуация определяют то, что одно и то же качество речи может рассматриваться то как достоинство, то как недостаток. В рамках изучения темы «Несклоняемые существительные» это зависит от стилистической мотивации их ненормативного употребления.

Отсутствие однословного семантического аналога в обозначении верхней одежды, кодифицированная неизменяемость слова *пальто*, утратившего русифицированность, согласно «книжной моде» [6: 155], всё же сохраняет исторически заложенную изменяемость формы в коммуникативном пространстве, становясь излюбленным приёмом в речетворчестве: *Еду я на* ***метре*** *в шибко драном* ***пальте,*** / *Только кажется мне, что мой поезд стоит.* / *Был вчера без* ***пальта,*** *а сегодня без ума…* (Константин Круглов. «Весы»). Однако нельзя оставлять без внимания языковое чутьё, определяемое чувством соразмерности, и не учитывать вкус времени, так как дестабилизация и нарушение языковой соразмерности, к сожалению, делает известное высказывание А. П. Чехова «*Для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличным, как не уметь читать и говорить*» не актуальным.

Речевая практика расширяет инициативную среду носителей, привлекая «морфологическую креативность» [3]: **а)** в современных КВНовских текстах: *Ко мне пришли друзья грузины и армяне,* / *Я* ***польта*** *с них сниму и приглашу к столу!*; *Мы катались на* ***метре****, ты была в своём* ***пальте****,* / *Ты сказала — я понял, в общем, полный трам-там-там…*; *Если ты не бреешься,* / *Если ты не моешься,* / *Очень скоро в зоопарк* / ***Шимпанзой*** *устроишься!; Мне нравится рубахой-парнем быть,* / *Мне нравится быть девкою-чулками!* / *Мне нравится шампанз****енское*** *пить* / *С такими как Тарзаны* ***шимпанзами****!* Современная «вкусовая интерпретация» активно популяризируется **б)** в известных телевизионных юмористических передачах «Смехопанорама», «Аншлаг», «Кривое зеркало», «Слава богу, ты пришёл», «Большая разница»; **в)** в анекдотах и газетно-журнальных публикациях; **г)** в речи героев российских телесериалов: *Лучше на метле в Париж, чем на* ***метре*** *в Бирюлево!* (сериал на телеканале СТС «Моя прекрасная няня»); *Ты что, Лидусик, решила своими* ***бигудями*** *нам праздник испортить* (сериал на телеканале СТС «Счастье мое»); *Дорвалась... душа до джакузи с* ***жалюзями****…* (х/ф. «Дети понедельника»); *Что же вы,* ***маэстры****….* (х/ф. «Иван

Васильевич меняет профессию»); **д)** в рекламных текстах, расширяя сферу просторечного употребления не только в устной форме: *Закажи более чем 2 кв. м* ***жалюзей*** *и получи скидку 15%*.

Часто востребованные реалии жизни требуют «облегчённых» грамматических форм, а в среде жалюзийного бизнеса «ненормативные» варианты оправдываются произносительным неудобством слова *жалюзи* в повседневной речи. Рекламный разнобой аграмматичной формы *жалюзи* сконцентрирован в тексте экспериментальной рекламы: *Вот ведь как! Вопрос простой — / Как же быть нам с* ***жалюзей****? / Мы без этих* ***жалюзей*** */ Не протянем пару дней. / Свет от солнца закрывает — /* ***Жалюзя*** *нам помогает. / Ну а если хочешь солнца? /* ***Жалюзя*** *— это не нонсенс! / Ты её перекрути / И лучи к себе впусти, / Чтобы с солнышком дружить /* ***Жалюзи*** *умей крутить!* Частотность употребления этого слова в изменённой форме объясняется его принадлежностью к разряду собирательных имён существительных со значением множественности, что способствует активизации его просторечной формы, которая в перспективе может стать кодифицированной, как и кодификация *кофе* в среднем роде.

Участники различных интернет-форумов, интернет-сайтов, интернет-переписок являются самыми «злостными» нарушителями норм литературного языка. Тенденция немотивированного употребления неизменяемых имён в полной парадигме снижает стилистическую планку информации и искажает прагматическую установку: *Настройка VPN вчера в течение семи часов закончилась* ***фиаской****…* (разговор о новых компьютерных технологиях); *Вообще-то поднятие цен на нефть всегда оказывалось в результате этого* ***фиаской*** *для СССР / России* (тема форума «Почему цена на нефть так высока?»); *Тонкий политический просчет закончился для болельщиков всей страны* ***фиаской*** *— лучшие комментаторы канули в лету и теперь их можно только читать*.

Разграничения по принципу приём/ошибка на примере функционирования несклоняемых существительных помогут обучающимся почувствовать грань допустимости или запрета в употреблении аграмматичной формы в процессе коммуникации, убеждаясь в том, что её удачное использование приравнивается к приёму выразительности. Просторечное употребление несклоняемых слов — это упрощённая форма использования «грамматической провокации», которая компенсирует поиск ресурсов плана выражения потенциальными, субституированными формами. Она не приравнивается к выразительным средствам, несмотря на то, что и «окказионализмы обычно не становятся фактами общенародного языка, а живут лишь в том контексте, который их породил» [8: 198], поэтому изучение их на примере программных произведений В. В. Маяковского, М. Зощенко, М. Булгакова и др. формирует представление о рамках допустимых изменений несклоняемых существительных не только в художественных текстах, но и в самом процессе речетворчества.

Таким образом, изучая тему «Несклоняемые существительные» с привлечением иллюстративного материала из программных текстов и коммуникативного пространства, параллельно закрепляется ряд таких понятий, как *заимствования*, *окказионализмы*, *аграмматизмы*, *стилистический приём*, *ортологическая ошибка*, *языковая игра*, что, несомненно, расширяет рамки традиционного изучения данной группы слов и способствует развитию языкового чутья обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д.* Русский язык: Теория: Учеб. для 5–9 кл. общеобраз. учеб. заведений. М., 1993. С. 90–91.

2. *Бестужев-Марлинский А. А.* Прямая речь. Мысли великих о русском языке / Сост., подг. текста и вступ. ст. Д. Н. Бакуна. М., 2007.

3. *Ремчукова Е. Н.* Креативный потенциал русской грамматики: монография. М., 2005.

4. Современный русский литературный язык: Учеб. для филол. спец. пед. ин-тов / П. А. Лекант, Н. Г. Гольцова, В. П. Жуков и др.; Под ред. П. А. Леканта. М., 1988.

5. Современный русский язык: Учеб. для вузов / Под ред. Д. Э. Розенталя, М., 1979.

6. *Срезневский И. И.* Русское слово: Избр. тр.: Учеб. пос. для пед. ин-тов / Сост. Н. А. Кондрашов. М., 1986.

7. *Фосслер К.* Грамматика и история языка (к вопросу об отношении между «правильным» и «истинным» в языковедении). М., 1910.

8. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М. В. Панов. М., 1984.

О. Ю. Авдевнина

СЛЕПЫЕ И *ЗРЯЧИЕ*, ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СПОСОБНОСТИ / НЕСПОСОБНОСТИ К ВОСПРИЯТИЮ

OLGA YU. AVDEVNINA
BLIND AND *SIGHTED*, OR THE REGULARITIES OF THE LINGUISTIC CONCEPTION OF THE ABILITY / DISABILITY FOR PERCEPTION

Статья посвящена исследованию семантики ’способность / неспособность человека к восприятию мира’. На основе анализа соответствующих словарных значений и их функционирования в речи автор приходит к выводу о том, что данная разновидность семантики характеризуется ярко и специфически выраженной антропоцентричностью и тенденцией к развитию таких значений, которые маркируют когнитивные представления о слитности психофизиологической и духовной природы человека.

Ключевые слова: перцептивная семантика, признак, наименование лица, оценочное значение, языковая антропология.

The article deals with the investigation of the semantics “ability / disability of a person for the perception of the world”. Basing on the analysis of the appropriate dictionary meanings and their functioning in the speech the author comes to the conclusion that this variety of semantics is characterized by vividly and specifically expressed anthropocentricity and tendency towards such meanings that mark the cognitive conceptions of the unity of psychophysiological and spiritual nature of a person.

Keywords: perceptive semantics, indication, designation of a person, appraising value, linguistic anthropology.

Ольга Юрьевна Авдевнина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, докторант кафедры русского языка Московского государственного педагогического университета
► rosauzb@gmail.com

Исследование семантики ‘способность / неспособность к восприятию’, выражающейся, главным образом, в лексических единицах языка, может осуществляться в различных направлениях и на пересечении различных научных парадигм: в русле лексико-семантического, лексико-фразеологического, лингвопоэтического, функционального и других подходов к изучению языковой системы. Набор значений, объединенных вокруг признака ‘способность/неспособность к восприятию’, может быть рассмотрен на пересечении двух видов когнитивных представлений: во-первых, представлений о восприятии как важнейшей ступени познания и, во-вторых, представлений о человеке и его месте в мире. Обе эти разновидности носят антропогенный характер и формируют не просто общую языковую модель картины мира, а, прежде всего, языковую антропологию — своеобразную модель человека, имплицированную средствами языка.

Группа анализируемой в данной статье лексики включает небольшой круг наименований: *слепой*, *глухой*, *зрячий*, *незрячий*, *слепец*. Парадоксальным в этой группе является то, что по линии обозначе-

ния способности/неспособности к восприятию из пяти видов чувств только два подвергаются концептуализации — зрение и слух. Вероятно, такая особенность языковой репрезентации перцептивных процессов отражает объективное положение вещей: в человеческом мире люди с ограниченной способностью к зрению или слуху встречаются гораздо чаще, чем люди с патологией в области вкусового, осязательного или даже самого дифференцированного обонятельного восприятия. Потеря способности к последним трем видам чувствительности возможна, но носит обычно временный характер: человек с насморком не чувствует запахов всего несколько дней, поэтому не возникает необходимости в появлении особого наименования этого его состояния.

Парадоксальным можно считать и то, что эта группа слов маркирует не общую являющуюся нормой для всех людей способность к зрению и слуху, а неспособность к полноценному восприятию. Это значение (‘неспособность к восприятию’) имеет бóльшая часть единиц этой группы (*слепой*, *глухой*, *незрячий*, *слепец*, *глухня*, *глухарь*). Это объясняется, на наш взгляд, тенденцией выделять для характеристики лица того признака, который не отождествляет человека с другими людьми, а отличает его от них. К таким признакам можно отнести, в частности, нарушение какой-либо нормы в физиологии человека, например в строении тела (ср.: *горбун*, *однорукий*, *одноногий*, *одноглазый*, «*трехглазка*» и т. п.), в том числе и в выполнении каких-то общих для всех людей функций восприятия и говорения (*глухой*, *слепой*, *немой*).

Поскольку основу таких наименований, включая и номинации по способности/неспособности к восприятию, составляет значение признака, большинство из них являются именами прилагательными, которые субстантивируются в речи, если употребляются в качестве наименования лица; ср.: прилаг. — *Он был* ***слепой****, совершенно* ***слепой*** *от природы* (М. Лермонтов. Тамань), сущ. — *Итак, я начал рассматривать лицо* ***слепого****; но что прикажете прочитать на лице, у которого нет глаз?..*; сущ. и прилаг. — *В голове моей родилось подозрение, что этот* ***слепой*** *не так* ***слеп****, как оно кажется*; сущ. — «*В тот день немые возопиют и* ***слепые*** *прозрят», — подумал я*; *Она подошла к* ***слепому*** *и села возле него* (М. Лермонтов. Тамань).

Однако, несмотря на регулярность субстантивации, признаковость в наименованиях лиц по способности к восприятию остается очень сильным компонентом значения. В. В. Бабайцева считает даже, что контекстуальная субстантивация прилагательных в случаях типа *Я узнал все того же самого* ***рябого*** *солдатика.* ***Рябой*** *подошел, прислонился пузом к перилам и неповоротливым, медленным своим языком начал переговоры, отнюдь не стесняясь присутствием публики.* (Е. Замятин, примеры из: [2: 243]) не превращает эти прилагательные в названия лиц, так как они обозначают «их признаки, актуализированные отсутствием слов с предметно-личным значением» [Там же].

О силе признаковой семантики в словах *слепой* и *глухой* свидетельствует, на наш взгляд, тот факт, что в области номинации лица по способности к восприятию статус существительного не подвергается закреплению словообразовательными средствами. Так, обозначение человека по неспособности к аудиальному восприятию осуществляется в основном только посредством субстантивата *глухой* (***глухой*** *повернул голову в сторону хлопнувшей двери; «Страна* ***глухих****»* — название художественного фильма). И это слово как лексическое средство выражения данного смысла практически не имеет эквивалентов среди грамматически оформленных существительных. Просторечное *глухарь*, у которого словарь отмечает значение: ‘глухой человек’ — *Одна беда… ведь этот глухарь-то, Гараська, он ведь за тобой ухаживает* (И. Тургенев. Муму) (МАС — [5]), используется в этом значении метафорически — в качестве переосмысления более распространенного главного его значения ‘крупная лесная птица семейства тетеревиных’ (МАС), скорее всего для иронического сравнения человека с животным.

Неспособность к зрительному восприятию тоже может быть обозначена не только словом *слепой* — прилагательным по своей грамматической природе, но и производным от него существительным *слепец*, одно из значений которого ‘Человек, лишенный зрения’; *В городе Глухове со-*

брался народ около старца бандуриста и уже час слушал, как слепец играл на бандуре (Н. Гоголь) (МАС). Однако более употребительным и более нейтральным, безоценочным, является именно прилагательное, что доказывается, например, использованием этого слова в медицинской терминологии и названиях официально-делового характера: не *школа слепцов*, а *школа слепых*, *азбука для слепых*, *переход для слепых* и т. п.

Возможность использования субстантиватов *слепой* и *глухой* в функции наименования человека обусловлена, таким образом, отсутствием соответствующих эквивалентов — грамматических существительных с таким же значением. Эта их функция закрепляется в толковом словаре (пометой «в знач. сущ. О человеке» — МАС) и принадлежит, в отличие от тех примеров субстантивации, которые приводит В. В. Бабайцева, не речи, а языку.

Частота их употребления в предметно-личном значении подтверждается их использованием в устойчивых выражениях, в которых они выступают как существительные: *не шепчи глухому, не мигай слепому*; *глухому с немым нечего толковать*; *Surdo canis — поешь глухому*; *Non canimus surdis*, *Narrare fabulam surdo* — рассказать басню глухому; *Посмотрим, сказал слепой, как будет плясать хромой* — «в смысле сомнения, что сказанное сбудется (о невеже, высказывающем свое мнение о том, чего он не понимает)»; *Увидим, сказал слепой, услышим, поправил глухой, а покойник, на столе лежа, прибавил: до всего доживем!* [4, т. 1].

Такая грамматическая двойственность слов *слепой* и *глухой*, без сомнения, свидетельствует об их синкретичном характере — функционировании на границе обозначения признака и лица.

Тот факт, что при субстантивации эти слова называют не предмет и не животное, а человека, подтверждает антропоцентричность их семантики, обусловленную наличием компонента перцептивного значения. Несмотря на то что способностью к восприятию обладают все живые существа, в языке она концептуализируется именно как человеческая способность. Быть слепым или глухим может и животное (*слепая лошадь*, *глухой пес*), но в случаях типа *Слепой поднял голову к небу* — с субстантивированным прилагательным — имеется в виду только человек. Свойство выступать средством выражения антропогенных аспектов представлений об отношениях мира и человека проявляется не только в перцептивной лексике, но и в других прилагательных, обозначающих физический недостаток: *хромой*, *горбатый*, *одноглазый* и т. п.: в их субстантивном варианте употребления — это наименования лиц, а не каких-либо других живых существ.

Естественным проявлением антропоцентричности перцептивной семантики становится развитие у слов *слепой* и *глухой* оценочных значений. Так, сему оценки человека можно выделить в некоторых переносных значениях лексемы *слепой* — ‘Не замечающий, не понимающий совершающегося, происходящего вокруг’; *Она слепая женщина, она не видит, что он разлюбил ее давно* (А. Островский). ‘Не способный по незнанию, по невежеству понять окружающее’; — *Вы люди темные, слепые, забитые, ничего вы не видите, а что видите, того не понимаете* (А. Чехов) (МАС). Оценку душевных свойств человека способно выразить и слово *глухой* — ‘Равнодушный, неотзывчивый’; *Счастливые глухи к добру* (Н. Некрасов) (МАС).

Сравнив переносные значения слов *слепой* и *глухой*, можно заметить, что они противопоставляют зрение слуху, связывая их с разными областями человеческой психологии: с разумом и чувствами. Так, предикаты зрения становятся метафорами рациональных способностей: *не видит* — это в переносном значении ‘не понимает’, т. е. ‘не постигает умом, сознанием’, ‘не осознает’, соответственно: *слепой* — ‘не замечающий, не понимающий совершающегося, происходящего вокруг’ и т. д. (см. выше). Слуховое же восприятие связывается в представлениях об организации психики человека с областью эмоций, душевных проявлений: *слышать чужую боль, чужие страдания* — это ‘сопереживать, сочувствовать’, а *не слышать* в подобном смысловом контексте — ‘быть равнодушным, бесчувственным’ или ‘проявлять равнодушие’, а потому и *глухой* приобретает переносное значение ‘равнодушный, неотзывчивый’ (см. выше).

Другим когнитивным следствием функционирования слов *слепой* и *глухой* в качестве прилагательного и существительного становится различение репрезентированных в них представлений о степени способности к восприятию. Так, признаковое слово — прилагательное — может имплицировать различные степени признака ‘неспособность к восприятию’: как полную, так и частичную потерю способности. Например, у прилагательного *слепой* выделяется не только значение полной неспособности к зрительной перцепции: ‘Лишенный зрения, способности видеть; противоп. зрячий’; *Но отчего они (котята) не глядят? — Недоумевала Нина. — У них глаза слепые* (Чехов), но и частичной его потери: ‘Со слабым зрением’; — *Ох, слепа стала совсем. Днем еще кое-как, а как вечер — совсем не вижу* (Решетников) (МАС). Аналогичное сочетание значений наблюдаем и у прилагательного *глухой*: ‘Полностью или частично лишенный слуха’; *Глух на одно ухо. Старуха на все мои вопросы отвечала, что она глуха, не слышит* (М. Лермонтов. Тамань) (МАС).

Эти же слова в субстантивной функции обозначают только полную потерю зрения или слуха, т. е. только одну и конкретно — высокую степень признака, в соединении с предметным значением — названием лица: *слепой беспомощно протянул руки перед собой* — здесь возможен только один вариант интерпретации степени слепоты, а именно высокой ее степени.

Эта особенность отличает, на наш взгляд, саму лексико-грамматическую семантику предметности. Так, *красивая девушка* может быть и очень красивой и просто милой, симпатичной, хорошо сложенной (ср.: *красивый* — словарное значение ‘приятный на вид … имеющий привлекательные черты лица’ — МАС), а *красавица* — это, по мнению говорящего, очень красивая девушка (главное словарное значение этого слова — ‘о ком-, чем-либо очень красивом’ — МАС). Так и *горбатый человек* может иметь и небольшой, едва заметный нарост на спине, а наименование *горбун* не оставляет сомнений в наличии горба такой величины, которая делает этот недостаток главной внешней приметой человека, так что даже появляется необходимость в соответствующей его номинации по этому признаку[1]. В словах *красавица* и *горбун*, в отличие от слов *красивая*, *горбатый*, имплицируется некая потенциальная оценочность (положительная, отрицательная), выходящая за пределы оценки внешности человека в область выражения отношения к его личности. Помимо синкретизма, обусловленного контаминацией признаковости и предметности и, так или иначе, ощущающегося в субстантивных употреблениях слов *слепой* и *глухой*, развитию оценочности в их семантике способствует, на наш взгляд, еще и эта когнитивная информация, заложенная в самой предметности, а именно тенденция к закреплению, абсолютизации в существительном самой сильной степени признака.

Вероятно, этой тенденцией к появлению оценочности в предметном слове (существительном) объясняется и тот факт, что существительное *слепец*, хотя и имеет своим прямым значением семантику потери зрения, однако чаще употребляется в оценочном значении: ‘Перен. Человек, обманувшийся в ком-, чем-л., не замечающий или не заметивший чего-л.’; *Слепец! Я в ком искал награду всех трудов!* (А. Грибоедов. Горе от ума); *Вы думаете, что никто не знает, где вы бываете каждый вечер? Слепец!* (А. Куприн. Поединок) (МАС).

Отметим (по материалам Национального корпуса русского языка — далее НКРЯ[2]) высокую частотность употребления этого лексико-семантического варианта слова в составе предложения, «содержащего экспрессивную качественно-оценочную характеристику определенного лица, названного в контексте» [1: 393][3]:

Потом ты живешь всю жизнь, опасливо заглядывая в зеркала, но твои глаза застит надежда, и — ***слепец*** *— ты не видишь на своем лбу их печати* (Е. Чижова. Лавра); *Как вот эти двое, не ведающие, что они счастливы, что все их беды, ссоры, разрывы, что все это — счастье, одно только счастье. Глупцы!* ***Слепцы****! Счастливцы! Да, он был счастлив* (Л. Карелин. Подснежник); *Может быть, вы думаете, что никто не знает, где вы бываете каждый вечер?* ***Слепец!*** *И у стен есть уши* (А. Куприн. Поединок); *С этого, с этого надобно начинать —* ***о слепцы****, ничего не понимающие!*

(Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); Такая синтаксическая позиция лексемы *слепец* свидетельствует о ее близости к словам признаковой семантики. Мы снова имеем дело с балансированием слова на грани признака (в данном случае оценки, выраженной определенной синтаксической позицией существительного) и предметности (в данном случае — лица).

Можно сделать (также) вывод о том, что оценочное значение — довольно регулярный, предсказуемый результат развития семантики признака высокой степени — развития, сопровождающегося переводом слова из области номинации конкретных объектов (предметов, их внешних признаков) в область интерпретации этих объектов, их характеристики, выражения отношения к этим объектам, номинации ментальных процессов (оценок, мнений, знаний).

Слово *слепец*, возникшее для наименования лица по способности к зрительному восприятию, развивая свою семантику, переходит в область характеристики личности, оценки деятельности человека, его поведения, отношений с другими людьми. Оно характеризует человека уже не по способности к восприятию, а по линии его личностных качеств — прежде всего способности понять других людей или разобраться в социальной действительности. Периферию анализируемой группы наименований способности/неспособности к восприятию составляют слова *зрячий* и *незрячий*. Слово *зрячий* возникает, вероятно, из необходимости не столько обозначить способность человека к зрительному восприятию, которая является нормой для природы человека, сколько создать понятие, противоположное понятию «слепой»: не случайно слово *зрячий* с пометой «противоп.» появляется в словарной статье слова *слепой*.

Вероятно, именно эта каузация слова *зрячий* наличием в языке понятия «слепой», во-первых, делает его однозначным, а во-вторых, определяет аналогичность его грамматической реализации функционированию слову *слепой*: оно так же используется и как признаковое слово (прилагательное), и как субстантиват с предметно-личным значением: ‘**Зрячий,** обладающий зрением, видящий; противоп. слепой. … В знач. сущ. О человеке. **Зрячий, зрячая**’ (МАС). Связь понятий «слепой» и «зрячий» настолько тесная, что им свойственно оппозиционное, биномное функционирование[4]. При этом если слово *слепой* отличается относительной независимостью в употреблении, то слово *зрячий*, в том числе и в качестве существительного — наименования лица, — выступает в речи в основном в контексте со словом *слепой*. Их соседство в контексте почти всегда подчинено конструированию разных форм антитезы: *зрячий* в противоположность *слепому*. ***Зрячий*** *расслабленный (дух) должен воспользоваться* ***слепым*** *силачом (природа), чтобы на его плечах достигнуть цели своего странствия; когда она достигнута, им следует расстаться* (В. Соловьев. Оправдание добра); *Он утверждал, что Бог так устроил мир, что одни люди осуждены быть* ***зрячими****, другие —* ***слепыми*** (Л. Шестов. На весах Иова); *Раз мы ясно видим нашу слепоту, значит, мы все же не совсем* ***слепы****, но в то же время и не совсем* ***зрячи*** (С. Франк. Смысл жизни); *И я жадно вглядывался в эти глаза — как будто* ***слепые*** *и в то же время бесконечно* ***зрячие*** (В. Вересаев. К жизни); *В каждом человеке живут два человека: один* ***слепой****, телесный, а другой* ***зрячий****, духовный* (Л. Толстой. Путь жизни) и т. п.

В этих своеобразных парах (биномах) слова употребляются как в прямых (*слепой* — ‘лишенный зрения’, *зрячий* — ‘обладающий способностью видеть’), так и в переносных значениях (*слепой* — ‘недальновидный’, ‘погруженный в суету жизни’, ‘бессознательный, инстинктивный’ и т. п., *зрячий* — ‘прозорливый’, ‘духовно просвещенный’ и т. п.).

Многие умозаключения, построенные на смысловой и синтаксической модификации этого понятийного комплекса, приобретают характер ярких по выразительности и мысли выражений: сентенций, каламбуров, афоризмов, парадоксов, с использованием переносных значений слова *слепой*, которым «подчиняется» и парное ему по смыслу слово *зрячий*: «*Разум без просвещения Божия —* ***слеп****», но в свете Христовом разум становится* ***зрячим*** (В. В. Зеньковский. История русской философии); *Сама вся в гря-*

зи, а иных очищает; сама ***слепа****, а* ***зрячим*** *путь указывает!* (Н. Гудзий. История древней русской литературы); *Может ли тот, кто* ***слеп*** *дома, быть* ***зрячим*** *в гостях?* (Л. Толстой. Путь жизни); *Они* ***слепые****, а что хуже всего, — уверенные, что* ***зрячи*** (Т. Сухотина-Толстая. О том, как мы с отцом решали земельный вопрос); *Я, признаться, люблю Мервиса, люблю его* ***слепое*** *лицо, изборожденное* ***зрячими*** *морщинами* (О. Мандельштам. Египетская марка); *Однако странно: в стихах* ***зряч****, здесь* ***слеп*** (А. Битов. Лес). Ср. также: ***Слепой зрячего*** *ведет (тот и другой не знает, куда бредет)* [4, т. 2].

Согласование прилагательного и существительного, сочетание признакового и предметно-личного значений порождает оксюморон, в составе которого в качестве существительного обычно выступает слово *слепой* как более «опредмеченное» по сравнению со словом *зрячий*: *Дай Бог артистам с прекрасным зрением заслужить и выстрадать возможность быть такими же счастливыми, каким был в конце жизни почти* ***слепой*** *Игорь Владимирович Ильинский.* ***Великий зрячий слепой****! Есть чудеса, ей-ей!* (Е. Весник. Дарю, что помню). Материалы НКРЯ помогли обнаружить один пример и иного соотношения понятий: *зрячий* в роли существительного: *Представлена была прекрасно; а малая комедия была «****Слепой зрячий****»* (Д. Фонвизин. К родным).

Близки к оксюморонным употреблениям случаи типа *слепой со зрячим сердцем*, *слепой со зрячими руками*: ***Слепой*** *узнает милое лицо, едва прикоснувшись к нему* ***зрячими перстами****, и слезы радости, настоящей радости узнаванья, брызнут из глаз его после долгой разлуки* (О. Мандельштам. Слово и культура). В большей части примеров оба эти слова используются в предметно-личном значении и чаще всего — в качестве обобщенно-собирательного названия: *слепой* (*слепец*) и *зрячий* не как наименование конкретного человека, а как обобщенные обозначения (часто в форме мн.ч.) определенных категорий людей, человеческих типов: ***Зрячие****, выколите себе глаза, ибо стыдно* ***зрячим*** *смотреть на* ***слепых*** *от рождения!* (М. Волошин. Леонид Андреев и Феодор Сологуб); ***Зрячего слепые*** *не собьют, а он их за собой поведет* (А. Писемский. Тысяча душ); *Как у* ***зрячих*** *судят глаза о расстоянии предметов, их взаимных отношениях, так у* ***слепых*** *осязание, удивительно тонкое, верно соглашенное с памятью и воображением* (Н. Карамзин. Письма русского путешественника); *Но если бы* ***слепой*** *стал утверждать, что его опыт есть единственный истинный, а опыт* ***зрячего*** *и знания астронома суть заблуждения, то лишь в этом утверждении, а не в том опыте, с которым оно связано, явилась бы ложь и заблуждение* (В. Соловьев. Чтения о Богочеловечестве); ***Слепой*** *должен удостоверяться у* ***зрячих****, что небо осталось голубым, а трава — зелёной* (А. Солженицын. В круге первом) и т. п.

Эти и многочисленные другие примеры употребления слов *слепой* и *зрячий* в одном контексте подтверждают наш тезис о том, что эти понятия не просто взаимно обусловлены, а образуют своеобразную понятийную формулу, словесно-понятийный комплекс, отличающийся от других видов словесных сочетаний, например устойчивых выражений, высокой степенью синтаксического варьирования. Этот своеобразный бином концептуализирует слитность, единство разных ступеней духовного развития человека и человеческого общества. Специфически характеризуя человека и человечество в психологическом и духовном плане, он выражает идею об их духовной эволюции. Семантически более сильным является понятие *слепой*: влиянием именно его значений обусловлены контекстуальные смысловые приращения слова *зрячий*.

Средством вербализации неспособности человека к зрительному восприятию выступает также слово *незрячий*, явно восходящее к слову *зрячий* и своеобразно замыкающее круг противопоставлений: *слепой — зрячий — незрячий*. Словарные значения этого слова также отражают антропоцентричность его семантики и фиксируют две формы грамматической реализации в речи: в роли прилагательного (признак лица) и в роли существительного (обобщенное наименование лица): ‘**Незрячий**, лишенный зрения, слепой’; *Незрячий человек. Слепой инстинктивно поворачивал к солнцу свои незрячие глаза, как буд-*

то чувствуя, к какому центру тяготеет все окружающее (Короленко. Слепой музыкант); ‘В знач. сущ. О человеке. **Незрячий, незрячая**’ (МАС).

Анализ примеров сочетаемости этого слова с другими словами показывает, что его употребление не связано с выражением оценочности, конкретно — оценки человека. Поэтому частотно его употребление не столько в сочетании с обозначением человека и не столько в качестве наименования человека, сколько в качестве признака предмета: в прямом значении — признака инструментов зрения или частей тела: *Сашенька же была еще худее, чем я, и поступь ее была так легка, что слепцы окликали не всегда, а только смотрели, ведя* ***незрячими глазами*** *вслед и принимая ее за птицу* (В. Маканин. Утрата); *Она потянулась к Сергунку* ***незрячей****, слепо искавшей* ***рукой****, но тот уклонил свою голову, нелюдимо отшатнулся от непонятно кричавшей бабки* (Е. Носов. Усвятские шлемоносцы); *Сказав последние слова, он смолк, опустил* ***незрячие очи****, наслаждаясь горькими и счастливыми выдохами своих слушательниц* (И. Бунин. Лирник Родион); *Сидела напротив матушка с тупым****, незрячим лицом****, пробивались сквозь шторы желтые лучи, дрожали руки — так минут десять* (С. Сергеев-Ценский. Движения); *Только одни глаза глядели все тем же ровным и неподвижным,* ***незрячим взглядом*** (В. Короленко. Слепой музыкант).

Бóльшая часть проанализированных нами примеров употребления слова *незрячий* является сочетаниями этого слова со словом *глаза* (вариант: *очи*, *взгляд*). Оно реализуется в них как в прямом, аналогичном значению слова *слепой*, так и в метонимически переносном значениях: ‘глаза сонного человека’, ‘невидящий взгляд’, ‘невнимательный взгляд’ и т. п.

Другая часть примеров — *незрячий* как признак человека или обобщенное наименование людей с патологией зрения:

Лишь только белый плащ с багряной подбивкой возник в высоте на каменном утёсе над краем человеческого моря, ***незрячему Пилату*** *в уши ударила звуковая волна: «Га-а -а …»* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Более того, всемирная организация слепых выделила 400 тысяч долларов для восхождения* ***незрячего спортсмена*** (А. Сотников. Здесь вам не равнина) и т. п.

Из преимущественного употребления лексемы *незрячий* в прямом значении следует вывод о том, что это слово, если характеризует человека, практически не подвергается переносу, т. е. не приобретает вторичного интерпретативного, например оценочного, значения. Это объясняется, на наш взгляд, во-первых, его живой легко просматривающейся связью со словом *зрячий*, которое, как было сказано выше, выступает в переносных значениях главным образом только в составе бинома со словом *слепой*, и, во-вторых, глагольностью, актуализированной в нем, благодаря приставке и суффиксу, этимологически принадлежащему причастию (ср.: *незрячий — не зрит*; *зрячий — зрящий*).

Переносное метафорическое значение возникает у этого слова в сочетании с неодушевленными существительными: названиями предметов, обобщенных множеств живых существ и т. п.: *Небо в Китае обычно светло-голубое, иногда молочно-белое, как у Вертинского в стихотворении «Китай»: «Над Желтой рекою* ***незрячее белое небо****»* (Л. Вертинская. Синяя птица любви, НКРЯ); *Предмет был той неправильной округлой формы, что не создается ни машиною, ни человеком, а образуется естественно,* ***незрячей игрой природных сил*** (А. Азольский. Лопушок) и т. п.

Таким образом, *незрячий*, в отличие от слова *слепой*, тяготеет к адъективному функционированию и чаще всего используется для номинации группы людей, а не отдельного конкретного человека (сущ. *незрячие* — во мн.ч., нам не встретилось сущ. *незрячий*). При этом оно не приобретает оценочного значения и не метафоризирует представления о способности человека к зрительному восприятию, не сдвигает их в область представлений о ментальных состояниях, этапах духовного развития и т. п. Даже те редкие переносные значения, которые возникают у этого слова под влиянием контекста, относятся в большей степени к метонимическому изобразительному, а не метафорическому интерпретативному типу: *незрячие ночи* — ‘очень темные ночи, когда ничего не видно’, *незрячая статуя* — ‘статуя с белыми

гипсовыми глазами без зрачков, как у незрячего человека' и т. д.

Таким образом, лексика, называющая или характеризующая человека по его способности/неспособности к зрительному восприятию, весьма ограниченная в количественном отношении, сосредоточена вокруг понятий, концептуализирующих именно неспособность к визуальной перцепции, и главного вербализатора этого понятия — слова *слепой*. Ведущим же направлением дальнейшего развития семантики отсутствия способности к зрению является перенос этого слова в область обозначения ментальных способностей, т. е. способностей к пониманию, осознанию, развитию идей, а не чувств, душевных качеств, эмоциональной сферы психологии человека.

В целом же анализ концептуализации способности/неспособности к разным видам восприятия помогает обнаружить, во-первых, то, что неспособность к перцепции актуальнее для языка, чем способность, и, во-вторых, что эта неспособность осмысляется шире, чем просто физический недостаток, что язык стремится вывести перцептивную семантику в область категоризации не только явлений человеческой психологии, но и духовно-нравственных способностей человека.

Последнее свидетельствует о том, что когнитивную платформу развития интерпретативных значений единиц, репрезентирующих в языке семантику восприятия, составляют представления о слитности психофизиологических процессов с явлениями духовного порядка и жизнью души. Эти представления, может быть, несколько беспощадно, но емко, устами Печорина выразил М. Ю. Лермонтов в романе «Герой нашего времени»: «Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою: как будто с потерею члена душа теряет какое-нибудь чувство». Как было показано выше, такое «предубеждение» отчасти проявляется и в языке — главным образом, в развитии негативно-оценочных компонентов в значении слов, именующих неспособность к восприятию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О тенденции к выделению в самостоятельное значение именно высокой, а не промежуточной (средней) степени признака, свидетельствует, на наш взгляд, распространенное в русском языке явление лексикализации превосходной степени прилагательного: переход суперлятива в элятив (*реакционнейшая партия* в значении 'очень реакционная', *милейшая девушка* — 'очень милая' и т. п.). Высокая степень признака способствует развитию в слове субъективно-оценочных значений и в конечном итоге — закреплению их в отдельном значении слова.

[2] Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] — http://www.ruscorpora.ru. Здесь и далее примеры приведены по этому источнику.

[3] Предложение *Слепец!* можно отнести к предложениям типа *Молодец!*, которые расцениваются В. В. Бабайцевой как структурно синкретичные, сочетающие признаки двусоставных и односоставных. С двусоставными их сближает то, что «они выражают типичные логические суждения с вербализованным субъектом и предикатом и без существенного изменения семантики могут быть дополнены местоимением-подлежащим или существительным, называющим лицо» [1: 394]. В словарном примере из произведения А. С. Грибоедова: *Слепец!* ***Я*** *в ком искал награду всех трудов!* Местоимение *я* называет лицо, оценивающееся словом *слепец*. Похожими же на односоставные их делает характер предикативной основы, а также «неопределенность лексической номинации субъекта, предельная эмоциональность» [Там же]. Последнее особенно важно для интерпретации семантического потенциала анализируемого качественно-оценочного слова *слепец*.

[4] Понятие «бином» мы заимствуем у С. М. Беляковой, которая, рассматривая проблемы антропоморфного освоения мира, проявляющегося в языке, анализирует метафоризацию сочетаний типа *дед да баба* и использует понятие «бином» для обозначения архетипических этноязыковых комплексов [3: 18]. Бином, по нашему, мнению, не обязательно должен представлять собой сочетание с союзом *и* (*слепые и зрячие*): могут возникать и более сложные сочетания, главным в которых остается то, что данные понятия становятся центром смыслового противопоставления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабайцева В. В.* Система односоставных предложений в современном русском языке. М., 2004.

2. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.

3. *Белякова С. М.* О принципе антропоморфизма в русском языке, или *жили-были дед да баба* // Мир русского слова. 2010. № 1. С. 13–18.

4. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. М., 1994.

5. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.

В. В. Химик

МЕНТАЛЬНАЯ ИНФАНТИЛЬНОСТЬ
В РУССКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И РЕЧЕВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

VASILIY V. KHIMIK
MENTAL INFANTELISM IN RUSSIAN SOCIO-CULTURAL AND VERBAL REALITY

В статье рассматривается идея инфантильности основного субъекта-типажа современной массовой культуры и речевого общения, устанавливаются два основных вектора массовой коммуникации: упрощённость и рекреативность, которые реализуются в популярных номинациях и типовых текстах, проникают в массовое сознание, формируют культуру, речевое поведение и влияют на политику.

Ключевые слова: массовая культура, педократия, возраст, молодёжный, инфантильная личность, упрощённость, рекреативность, ментальный, жаргон, номинация, текст, речевое поведение.

The article deals with the idea common subject — modern mass culture and verbal communication image. Two principal lines of mass communication are denoted — simplicity and entertaining nature — are implemented in popular nomination and typical texts and penetrate into mass mind, form culture, verbal behavior and influence politics.

Keywords: mass culture, pedocracy, age, youth, infantile personality, simplicity, entertaining nature, mental, jargon, nomination, verbal behavior

Василий Васильевич Химик

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой, Санкт-Петербургский государственный университет
▸ vvkhimik@mail.ru

I. Ключевым словом современной культуры стало имя прилагательное ***массовый***: *массовая* культура, *массовая* литература, *массовое* искусство, *массовое* потребление, *массовая* коммуникация, *массовая* информация, *массовое* сознание И это не просто высокочастотные синтагмы, это сочетания с явной тенденцией к устойчивости и терминологизации. А теперь стало очевидно, что изменился и основной субъект массовой культуры нового времени, ее *массовый* носитель и потребитель, который стал определяющим в развитии массовой культуры, а значит, и речевой действительности.

Кто же этот объект, или центральный типаж современной культуры, политики и речевой коммуникации?

Одним из первых задумался об этом в своем замечательном монологе «Исчезновение» М. М. Жванецкий — человек с удивительной социальной интуицией: «...У нас внезапно исчезло целое поколение. Мы делаем вид, что ничего не случилось. Пропадают женщины после пятидесяти. Они исчезли с экранов, они не ходят в кино, они не появляются в театрах...» [3].

Писатель Ю. В. Крупнов подходит к этому вопросу с другой стороны: «В послевоенные годы произошла инфантилизация и феминизация, или оженствование сильного пола. Вместо грубоватого, но ясного обра-

щения „Мужчина!“ появилось неясное „Молодой человек“, показывающее, что важно быть молодым, а остальное — и мужественность в первую очередь — вторично» [6: 12].

Другой автор, С. Ю. Яржембовский, отмечает феномен, который он называет пуэрилизацией человечества (от лат. puĕr — ‘мальчик’, или puĕrīlis — ‘детский’): «Психология детского и юношеского возраста растягивается теперь на многие годы жизни человека. Если бы дело ограничивалось только моложавой внешностью, лихим молодёжным жаргоном и непринужденной манерой поведения, в этом еще не было бы беды. Увы, пауэрилизация — процесс более глубокий, процесс духовный: похоже, что человечество как некая целостность уже состарилось и впадает в детство» [15: 228].

Можно подумать, что здесь некоторое преувеличение. Но вот авторитетный голос известного поэта и мыслителя Н. М. Коржавина: «...В подсознании многих с юности сидит представление, что противостояние молодости и новизне есть проявление узости, скудоумие и вообще некультурно и позорно. Вспомним, однако, что авторы „Вех“ еще в 1911 году называли это состояние педократией, т. е. властью детей. Уже тогда началась эта капитуляция разума и опыта...» [5].

И. О. Шайтанов, проф. РГГУ, первый заместитель главного редактора журнала «Вопросы литературы» объясняет сложившееся положение следующим образом: «У культуры всегда есть оптимальный возраст, он разнится от эпохи к эпохе. Возраст классической культуры — зрелость, недавней „шестидесятнической“ — молодость: „нам двадцать лет“, „буду вечно молодым“. Возраст нынешней культуры еще понизился, до планки от 14 до 16 лет. Этот возрастной биоритм пытается диктовать закон всей культуре, что и порождает опасность» [13: 11].

Как это происходит? Как возрастной биоритм, детский, подростковый, молодёжный, влияет на культуру и на язык? По двум основным и взаимодействующим каналам: СМИ и коммерция. С. Ю. Яржембовский поясняет на простом примере: «Если сто миллионов подростков купят компакт-диск за десять долларов, то один только этот копеечный по себестоимости диск создаст оборот в миллиард долларов… „Маленький человек“ превратился в диктатора и самодура. Он хозяин жизни — как массовый покупатель и как массовый избиратель[1]…» [15: 226].

Итак, центральный персонаж современной культуры, ее *массовый* носитель и потребитель, лингвокультурный типаж [4: 298–302], — это подросток, юноша или девушка, молодой человек в первичном понимании словосочетания. И это центральный персонаж современной культуры не только в прямом возрастном смысле, но и в метафорическом, ментальном, культурном: состояние массовой культуры, ее коммуникативно-речевые идеалы определяет **инфантильная личность** и её вкусы. Эти вкусы устанавливают два главных вектора, два основных качества массовой культуры вообще и ее языка в частности: **упрощённость** и **рекреативность** (развлекательность), которые в полной мере реализуются на всех уровнях языка и речи, начиная с номинативного.

II. Упрощённость в массовой культуре и речевой коммуникации реализуется разными способами. Наиболее очевидный — приёмы навязчивого сокращения, морфологического или семантического стяжения номинаций в обиходной и особенно подростково-молодёжной речи, которые тут же подхватывают и распространяют СМИ: *нал/безнал* вместо ‘наличные/безналичные деньги’; *комп* вместо ‘компьютер’. В университетской среде широко распространились такие образования, как: *пре́под, преп, универ, фак, заочка.* В молодёжной среде, а теперь и за её пределами широко гуляют: *фан, шиз, а́зер, порца́, бу́тер, инфа́, нака́ч*[2] и множество других аббревиаций и стяжений, которые можно встретить не только в бытовой речи, но и в публичной. Активный отклик в молодёжной речевой среде находят популярные сейчас универбаты: *анома́л, виртуа́л, реа́л, безысхо́дка, бюдже́тка*, некоторые из которых производят впечатление откровенно упрощённых и эпатирующих особенностями своей формы: *веселя́к, грустня́к, крайня́к, медля́к, безвыходня́к* и т. п.

Но, разумеется, не только номинация. Упрощённость как вектор массовой культуры

и речевого общения нуждается в особом синтаксисе. Современные публичные тексты массовой коммуникации отторгают разного рода осложнения и распространения, причастные и тем более деепричастные конструкции, развернутые сложные синтаксические целые. Писатель Валерий Попов рассказывает: «Одна студентка мне сказала: „Мы читаем только Гарри Поттера и Довлатова“. Наверное, Довлатов потому попал в литературу будущего, что догадался: она будет лёгкая, телеграфная, без междометий и сложных предложений» [9]. К текстам мы ещё вернёмся, а пока обратимся к другому вектору.

Второй коммуникативно-речевой идеал современной масскультуры — тотальная **рекреативность**. Развлекательность сейчас едва ли не главное требование к публичной коммуникации со стороны массового носителя речи. Молодёжная субкультура интерпретирует и обозначает этот второй идеал массовой коммуникации обширным рядом характерных номинативных и семантических образований: *прико́л* (‘шутка, розыгрыш’), *стёб* (‘насмешка, иронизирование, ёрничество’), *расслабу́ха* (‘состояние удовольствия, приятной лёгкости’), *понты́* (‘бравада, действия на показ, уловки’)[3].

Успех и популярность каждого нового лексического образования жаргонизированной молодёжной коммуникации целиком зависит от соответствия идеалу развлекательности, провоцирующей экспрессии. И этот идеал порождает такие, например, экспрессивные субстантивы, как: *вышибо́н, шизе́лово*, *депрессу́ха, безнадёга*; глагольные образования: *тащи́ться*, *улета́ть* (‘получать удовольствие’), *бота́нить* (‘интеллектуально напрягаться, учить что-л.; готовиться к экзаменам’), *дя́тлиться* (‘работать на клавиатуре, печатать’), продуктивные наречия-реноминации: *запростя́к, внагля́к*. А также, разумеется, многочисленные эпатирующие игровые идиомы, такие, например, как: *шнурки в стакане*, *прикинуться веником, по самые помидоры, кинуть мыло, скинуть на мыло*[4]. Или чрезвычайно востребованные, но быстро устаревающие и обновляющиеся междометные экспрессивы: забытое ныне *ништяк*, еще недавно популярные среди студенчества *отп´ад* и *балдёж*, более поздние *кайф, улёт*, навязчивое *блин*, актуальное *супер* и совсем «свежее» *жесть* (в функции междометия и предикатива)[5].

Упрощённость и развлекательность легко приобретают фамильярный и вульгарный характер даже в городской топонимии. Так, Петербургский Екатерининский садик (сквер перед Александринским театром, спланированный знаменитым К. Росси) в просторечном обиходе — *Катька*, Васильевский остров — *Васька*, Дворцовая площадь — *Дворцовка*. А началось когда-то с фамильярной клички города — *Питер*[6].

Массовое влечение к номинативной упрощённости активно проявляется и в новых «продвинутых» формах межличностного общения и обращения. О. Б. Сиротинина в связи с этим пишет: «Журналисты ввели и широко распространили еще недавно чуждое русской традиции общения именование взрослого человека без отчества (*Борис Ельцин*, *Владимир Путин*), использование ты-общения и обращений по домашним именам не только в неофициальной, но и в официальной обстановке» [10]. Возможно, это некоторое воздействие глобализационной англо-американской культуры. Но не только. Настойчивое обращение по имени и «на ты» в официальных ситуациях приобретает в ментальных условиях русской культуры снисходительно патерналистский характер, по модели «родители — дети», и тем самым так или иначе стимулирует ментальную инфантильность адресата. В русской речевой среде начальник в знак снисходительного доверия, как правило, говорит «ты» подчиненному, офицер только так и не иначе обращается к солдату. К сожалению, школьный учитель говорит «ты» старшекласснику, и даже в университетской среде преподаватель нередко предпочитает фамильярно-патерналистское «ты» в адрес студента и аспиранта, забывая о воспитательной функции уважительного «вы», а может быть, и обращения по имени и отчеству.

Упрощённость массовой речевой коммуникации, рассчитанная только на молодых, особенно очевидна в сфере мобильной связи и Интернета. Операторы ведущих компаний и интернет-про-

вайдеры строят свою сетевую коммуникацию исключительно в фамильярном расчете на молодых и социально близких. Остальные, кажется, в расчёт не берутся. Автор статьи звонит в службу поддержки Билайн и слышит стереотипный отклик:

— ***Привет****! Это Юля! Жаль, что ваш абонент недоступен. Позвоните еще раз! Ваш Билайн.* Возникает ощущение, что разговаривают с кем-то другим.

Оплачиваю счет в системе *Yandex-деньги*, и последовательная процедура в Интернете завершается бодрым подростковым словцом на экране: — ***Класс****! Деньги получены.*

III. Но дело, разумеется, не только в выборе слов и форм общения. Коммуникативная упрощённость и развлекательность повлияла и на формирование типового вербального текста. Позицию речевых образцов в современной языковой действительности заняли короткие, простые тексты, типа дайджестов, которые напоминают литературу для младшего и среднего детского возраста. Массовый читатель ориентируется теперь в основном на быстрое просмотровое и ознакомительное чтение, как его называют в методике. Идеал такого текста находим в СМИ, в глянцевых журналах, в Интернете. И это в лучшем случае. А в худшем чтение массового потребителя письменной русской речи ограничивается SMS-текстами (*эсэмэсками*) со смайликами, рекламными текстами, объявлениями, короткими текстами-фразами в интернетовских блогах и комментах. Спектр текстов, которыми теперь оперирует современный массовый читатель, этим и ограничивается. Письменные сочинения на 6–7 стр., которые прежде писали в школе или техникуме, остались далеко в прошлом, нет таких заданий и в ЕГЭ. Вместо них тоже упрощённые (по композиции, по мысли и по языковым средствам) короткие «эссе».

Разумеется, в «толстых» литературных журналах есть и другие тексты, большие и серьёзные, с хорошей лексикой и полноценным синтаксисом. Более того, современная русская культура пока ещё рождает хорошую литературу, замечательные художественные и публицистические произведения, которые требуют **изучающего** чтения[7]. Но кто их читает? Они не интересны тем, кому 14–16 лет физического или ментального возраста, поэтому толстые журналы терпят финансовое бедствие и всё более и более теряют читателя. Иначе говоря, проблема русской художественной литературы — это проблема не автора, а читателя. Молодой читатель потерян уже давно, и не только, впрочем, в России[8].

Генеральная установка на упрощённость и развлекательность открыла путь бурному развитию новых или относительно новых жанров массовой коммуникации, из которых можно отметить три самых заметных: комикс, видеоклип, реклама.

Комикс — графический тип текста. Мы наблюдаем сейчас взрывную популярность комиксов, которая пришла вместе с глобализацией из американской массовой культуры. Но если раньше комиксы были в основном для детей, как раз до 14 лет, то теперь их рисуют для взрослых, по технологии комиксов делают мультфильмы, создают целые телеканалы (напр., «2´2»). А что самое характерное и ценное для потребителя в комиксах? Упрощённость и развлекательность, выраженные графическими средствами, понятными и смешными картинками[9].

Видеоклип — второй заметный и востребованный массовый жанр, развлекательный аудиовидеотекст, также целиком ориентированный на тинейджеров, возрастных, ментальных. Как и комиксы, это ещё один популярный жанр коммуникации, телевизионный, который обходится без вербального текста: только музыка и изображение. Главное в клипе — фрагментарность и эмоция (а это и есть упрощённость и развлекательность!). В последнее время заговорили даже о клиповом (т. е. подростковом) мышлении массовой телеаудитории, суть которого и есть фрагментарность и эмоции, полное отсутствие линейной связи, сюжета, прежде всего мелькание и настроение[10].

Реклама — ещё один популярный жанр, самый заметный, коммуникативно-речевой тип текста со всеми его разновидностями и подвидами. Как известно, реклама — жанр синтезированный по функционально-стилистической принадлежности: с одной стороны, это публицисти-

ческий (информационный и воздействующий) жанр, а с другой — официально-деловой, поскольку непосредственно обслуживает бизнес. Главный адресат и потребитель рекламных текстов — дети, подростки, молодёжь. Все остальные читатели/зрители рекламы для рекламного дела вторичны либо **воспринимаются как дети**. Американский журналист и историк Льюис Лэйпам пишет, что коммерческие СМИ обращаются со всей своей аудиторией, как с детьми, которые хотят купить рекламируемую игрушку. Это очень серьёзно, потому что, как пишет С. Янковская, с помощью СМИ «мы формируем инструменты, а потом эти инструменты формируют нас» [14: 191]. Совершенно очевидно, что инфантилизация массового сознания и массовой культуры наиболее интенсивно происходит через рекламу, с помощью рекламы. Достаточно вспомнить популярные слоганы: *Новое поколение выбирает Пепси! Остановись, сникерсни!* Или поощрительный рекламный текст 1990-х гг.: *Бери от жизни всё!* — т. е. фактически наставление молодому поколению, подталкивающее, кстати, и к экстремальному поведению. А поскольку основной адресат рекламы — дети, то для старшего поколения содержание рекламных текстов нередко оказывается недоступным, рекламисты старших часто и не берут в расчёт[11]. Некоторые рекламные тексты могут понять только «продвинутые» потребители, владеющие жаргоном. Вот реклама одного коммерческого банка: ***Очкуешь**, товарищ?/ С наличкой тревожно?/ Сделай же вклад / В банке надежном!* — первое слово, как мы убедились путём небольшого опроса, части взрослого населения совершенно непонятно, тем более, что текст сопровождается изображением мужчины, поправляющего очки на лице.

И вообще, авторы рекламных текстов, рекламодатели, очень любят использовать жаргонизмы, особенно молодёжные. А жаргон в публичной речи — это своеобразный маркёр возраста, как правило, выражение этической упрощённости и вульгарной развлекательности, т. е. несомненное проявление инфантилизма, но теперь уже ментального.

Польские лингвисты М. Надель-Червинска и А. Червински пишут: «… пристрастие к молодёжному жаргону, если оно проявляется в более зрелом возрасте, предполагает некоторую ювенильную незрелость личности. Проявляется это на коммуникативном уровне в стремлении разговаривать на равных с молодёжью (что называется, говорить на ее языке) и тем самым как бы приравнивать себя к ней… принимая молодёжный стереотип мышления и поведения» [8: 126]. В бытовом сознании такое поведение характеризуется русским глаголом *молодиться*, в семантико-прагматической структуре которого явственно ощущаются ироническая окраска и такой компонент значения, как ‘тщетность усилий’ (напр., в тексте Л. Улицкой: *Взрослый сын подчеркивал ее возраст, и **молодящаяся** Эва Казимировна страдала* [Путешествие в седьмую сторону света. 2000]). Есть в русском лексиконе и другие обозначения рассматриваемого явления: так, слово *моложавый* содержит поощрительную оценку, *молодящийся* — ироническую. Но наиболее точную номинацию подчёркнуто инфантильного речевого поведения приводил в своём знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль: «***молодёжничать***, прикидываться молодёжью, молодым» [1, т. 2], т. е. подражать молодёжи в одежде и поведении, что, естественно, выглядит нелепым. Именно так, иронически, как воплощение «тщетности усилий» прикидывающегося взрослого и воспринимается молодёжный жаргон в речи не очень молодых людей, фрондирующих молодёжными жаргонизмами в публикациях некоторых печатных СМИ и в популярных передачах радио (особенно радиостанции «Маяк») и телевидения.

IV. Инфантильную ментальную природу социоцентрического типажа массовой культуры, который в своём речевом поведении «молодится» и «молодёжничает», показательно иллюстрирует популярное в массовом обиходном общении нового времени словцо ***пацан***, динамика его семантического и культурно-денотативного становления на протяжении целого столетия.

Как отмечают исследователи (см.: [2: 110–111]), первоначально, на заре минувшего XX века,

пацан — это местное, южно-русское словечко, которое обозначало ребёнка, мальчика примерно до 10 лет в простонародной социальной среде[12]. Однако во второй половине XX столетия значение слова расширяется: так начинают называть мальчика возрастом от младенца до подростка в широком смысле, т. е. всякого невзрослого мужского пола. (Для женского, впрочем, утвердился ещё более сниженный суффиксальный вариант: *пацанка*.) Постепенно изменяется и функция: слово *пацан* начинают использовать в разговорной речи (точнее, в сниженной), притом уже по всей России и в широком денотативном ракурсе[13]. Можно слышать такую, например, фразу: *У нее очень славный* ***пацан*** *растет, ему 4 года* (режиссер Динара Асанова сняла худ. фильм о трудных подростках, который назывался: «Пацаны» (1983)). А еще раньше писатель В. Аксенов в повести «Пора, мой друг, пора» (1963) пишет об одном из своих героев: *Я будто заново стал шестнадцатилетним плохо одетым* ***пацаном****...*

Но вот наступают памятные 1990-е гг., и содержание слова приобретает уголовную коннотацию[14]: *крутой пацан, правильный пацан, чисто реальные пацаны, конкретные пацаны*, и это уже не подростки, даже не юноши, а молодые бандиты. Слово как будто бы взрослеет. От уголовников номинация попадает в армию: в художественных текстах о чеченской войне (например, в произведениях А. Бабченко, Вяч. Миронова, А. Карасева, и др.) *пацаны* — это солдаты, чаще всего контрактники, которым обычно далеко за 20 лет. Так «пацан» вырос, возмужал и, наконец, в обиходной речи последнего времени стал представлять еще и всякого молодого неженатого мужчину[15]. Например:

Ведущий Анатолий Тишин попросил главного партийного защитника зачитать приветствие Лимонова, адресованное съезду. «Девушки и ***пацаны****!» — начал зачитывать послание Беляк* [Р. Фаляхов. Слова Лимонова… // «Газета», 2003]; *И какие-то малопонятные* ***пацаны****, кажется Васильев с Фоменко, ездили пару раз на неприличных Порше в Ле Мане... но это так — баловство, конечно...* [Автогонки-2 (форум) (2005)]; [Костя… муж, 21] *Да ладно* [Артур… муж, 23] *Ладно /* ***пацаны****. Я поехал* [Р. Гигинейшвили. Жара, к /ф (2006)][16].

Так что же, «номинация повзрослела» или впадает в детство социум? Скорее всего, и то и другое. Можно, очевидно, говорить о продолжающейся инфантилизации части общества, о его затянувшемся детстве, о расширении зоны социальной, ментальной невзрослости российского социума, которая отражается в динамике отдельного слова и русской речи в целом.

Таков и наш общий вывод: определяющее свойство массового сознания, массовой культуры и актуальной речевой действительности — **инфантильность** (в терминологии других авторов: «пуэрилизация», «ювенильность», «педократия»). Один из коммуникативно-речевых признаков затяжной инфантильности и заметной инфантилизации — функциональное расширение сферы употребления молодёжного жаргона: от устного общения молодых в обиходно-бытовой речи до активного использования в публичной коммуникации — в СМИ, в рекламе, в обыденной речи физически взрослых людей. Так педократия из собственно возрастного социального явления становится ментальным, популярным речевым идеалом массовой культуры, скрытым механизмом формирования массовой культуры: упрощённой, развлекательной и непременно сниженной.

Главный персонаж массовой культуры, в частности культуры речевой, её социоцентрический типаж — молодой человек, «пацан» в условно-расширительном смысле: от «подростка с улицы» (в нижних слоях общества) — до «молодого шоумена, типичного теле- или радиоведущего» (в СМИ, т. е. на верхних уровнях общества). В переносном, ментальном смысле — это, к сожалению, преобладающая у нас **инфантильная личность** — главный потребитель массовой культуры, основной субъект и носитель сниженной и жаргонизированной обиходно-бытовой речи. Вот на этого субъекта преимущественно и работает наша массовая культура: популярная литература, львиная доля кинематографа, СМИ и прежде всего телевидение. А инфантильная личность, как известно, — лёгкая добыча и очень

удобный объект для властных манипуляций, которые мы имеем возможность наблюдать на всём протяжении нашей отечественной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Могут возразить: молодежь, дескать, не ходит на выборы. Это так, но молодые люди, несомненно, оказываются косвенными «избирателями», оказывая своими *массовыми* предпочтениями решающее влияние на вкусы, на культуру и даже на политику.

[2] Значение этих и других приведенных в статье разговорно-сниженных или жаргонных экспрессивов см. в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» [12].

[3] В воскресном (праймтайм!) эфире 29 января 2008 года ведущая радиостанции «Маяк» Ф. Толстая адресовала гостю передачи Влад. Пельшу «глубокомысленный» вопрос: — *Насколько вы понтовый человек?* В ответ последовала столь же «изящная» реакция: — *Понты понтам рознь!*

[4] На университетскую кафедру в поисках преподавательской работы обратилась молодая женщина. Как это принято, её попросили представить резюме. Незамедлительно прозвучал бойкий ответ: — А давайте я вам *скину на мыло*.

[5] Ср.: *Сегодня не день, а просто* ***жесть*** — 38 градусов. ***Жесть****!!! Грузовик наехал на парней! Занесло, не рассчитал!* «Жесть!» — эмоциональный возглас, выражение сильных чувств: ужаса, возмущения, досады, удивления и т. п. Образовано от слова «жёстокий», но с ассоциативно-фонетической связью с сущ. «жесть». Возможно, под влиянием х/ф — психологического триллера «Жесть» (2006 г., реж. Д. Нейдман, сценарий К. Мурзенко).

[6] Любопытное обстоятельство: сниженное образование *Питер* гораздо более распространено за пределами Санкт-Петербурга, москвичи и представители других городов используют этот фамильярный вариант названия города заметно чаще и активнее петербуржцев.

[7] Среди таких авторов нового времени, заслуживающих внимания, напр.: В. Бенигсен, Н. Веревочкин; В. Маканин, В. Пелевин, Т. Толстая, Л. Улицкая и многие другие.

[8] Редактор одного немецкого литературного журнала пишет: «…Совершился тайный переворот читательского круга… <новому> читателю нужны совершенно иные раздражители, резкие сигналы, короткие тексты, чтобы они трогали его, а еще лучше — захватывали…» [7: 190].

[9] Генеральный консул Франции (!) в Санкт-Петербурге (!) М. Обри в одном из интервью признался, что очень любит и коллекционирует комиксы. От комментариев воздержимся.

[10] Ради справедливости отметим, что клиповое мышление, по мнению некоторых авторов, «обладает не только недостатками — это просто развитие одних когнитивных навыков за счет других… которое более соответствует той информационной среде, в которой обитает подросток» [11: 187].

[11] Взрослый читатель легко может проверить себя на «субкультурную некомпетентность» рекламной фразой: *Отмочитос в стиле «Читос»* (для непосвященных — реклама кукурузных чипсов).

[12] В художественных текстах впервые встречается у М. А. Шолохова в «Тихом Доне» (в 1928 г.) и у А. С. Макаренко в «Педагогической поэме» (1935 г.).

[13] Об укреплении и семантическом расширении номинации свидетельствует появление в живой молодежной речи и новых производных: наряду с известным *пацанёнок* — для младших, ***пацик*** — для «старших пацанов» (в Яндексе более 100 тыс. употреблений).

[14] Сказывается, очевидно, социальное происхождение номинации, а также коннотация пренебрежительной оценки младшего, зависимого, подчинённого в уголовной иерархии.

[15] М. Т. Дьячок: «Верхняя возрастная граница составляет примерно 30–35 лет» [2: 113]

[16] Тексты из «Национального корпуса русского языка» — http://www.ruscorpora.ru/.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 1–4. СПб.; М., 1880–1882.

2. *Дьячок М. Т.* Пацан: слово и понятие // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). Екатеринбург, 2007. С. 110–116.

3. *Жванецкий М.* Исчезновение // Огонёк. 2006. 2–15 янв.

4. *Карасик В. И., Дмитриева О. А.* Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика. Волгоград, 2005.

5. *Коржавин Н.* Свобода за границами своей применимости // Континент. 2003. № 117.

6. *Крупнов Ю.* Прекратите нас беречь! // Литературная газета. 17–23 янв. 2007. № 3.

7. *Лёффлер З.* Кто решит, что нам читать? // Знамя. 2003. № 11.

8. *Надель-Червинска М., Червински А.* Место уголовного жаргона в русскоязычной картине мира (шкала ценностей) // Политическая лингвистика. Вып. 2 (28). Екатеринбург, 2009. С. 125–133.

9. Попов В. Довлатов: Главы из книги // Октябрь. 2010. № 8.

10. Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи // Сиротинина О. Б., Кузнецова Н. И., Дзякович Е. В. и др. Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов, 2001.

11. *Фрумкин К.* Откуда исходит угроза книге // Знамя. 2010. № 9. С. 184–194.

12. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

13. *Шайтанов И.* Не требовать шедевров (Беседу вела Надежда Горлова) // Литературная газета. 2004. № 5. 4–10 февраля.

14. *Янковская Т.* Искусство в потребительском обществе // Нева. 2009. № 2. С. 191

15. *Яржембовский С.* Интересный век // Звезда. 2004. № 6.

Е. В. Андрющенко

ОТРАЖЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

EVGENIA V. ANDRYUSCHENKO

REPRESENTATION OF DISTINCTIVE PHONETIC FEATURES OF SPOKEN LANGUAGE IN FICTION

В статье рассматриваются фонетические особенности разговорной речи, встречающиеся в текстах современных авторов. Делается вывод о том, что в художественных текстах находит отражение главным образом эллипсис согласных и гласных в высокочастотных словах.

Ключевые слова: разговорная речь, художественные тексты, высокочастотные слова, эллипсис согласных и гласных.

The article deals with representation of distinctive phonetic features of spoken language in modern fiction. The author comes up with an opinion that contemporary fiction is characterized by consonant and vowel ellipsis in high frequency words.

Keywords: spoken language, fiction, high frequency words, consonant and vowel ellipsis.

Евгения Владимировна Андрющенко

Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

► evlada5@rambler.ru

В последние десятилетия усилился интерес лингвистов к разговорной речи (РР). По мнению большинства исследователей, РР имеет нормы, отличные от норм кодифицированного литературного языка (КЛЯ). «Кодифицированный язык и разговорная речь имеют свои, не совпадающие системы норм, не сводимые к какой-то общей, единой универсальной норме литературного языка» [1: 17].

Если говорить об отличии РР от КЛЯ на фонетическом уровне, то прежде всего нужно вспомнить предложенное Л. В. Щербой выделение двух стилей произношения — полного и неполного [3]. В таком случае для КЛЯ типичен полный стиль произношения, а для РР — неполный. Когда люди говорят на кодифицированном литературном языке, они чётко произносят звуки (как дикторы на радио и телевидении, лекторы). Но при неофициальном, дружеском общении артикуляция говорящего становится уже не такой чёткой, некоторые звуки и сочетания звуков могут изменяться или даже совсем не произноситься. Это объясняется быстрым темпом говорения и невниманием к внешней форме речи: говорящему важно, **что** он говорит, а не **как** он говорит. Поэтому в целом для разговорной речи характерна ослабленная артикуляция.

При этом одни и те же слова могут быть произнесены по-разному: с большим или меньшим ослаблением, с большей или меньшей редукцией. Это зависит от темпа речи, от личных особенностей говорящего, даже от его настроения или степени усталости [Там же: 195].

Фонетические особенности разговорной речи встречаются и в художественных текстах. В этом случае автор хочет показать живой, неофи-

циальный характер общения героев. Разумеется, в художественных текстах отражаются далеко не все фонетические особенности РР. Какие же из них чаще всего используются современными авторами? Для ответа на этот вопрос были проанализированы отрывки из художественных произведений конца XX — начала XXI века, взятые из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Проведённый анализ показал, что в современных художественных текстах отражается разговорное произнесение высокочастотных слов. Это вполне объяснимо. Во-первых, в РР особенно сильно изменяется фонетический облик именно этой группы слов. Во-вторых, частичная потеря фонетической информации не создает в данном случае проблем для носителей языка, поскольку язык обладает определённой степенью избыточности (т. е. одно и то же значение передается с помощью нескольких языковых средств) и эта избыточность способствует успешности речевого акта даже при неполной фонетической информации. «Язык страхует себя от искажений механизмом избыточности, этим своеобразным запасом механической прочности» [2: 34].

Одной из ярких черт РР является эллипсис согласных и гласных звуков. Именно это фонетическое явление и отражается в современных художественных текстах при написании высокочастотных слов. Рассмотрим конкретные примеры.

В разговорной речи в словах типа *только, сколько, столько, несколько* часто выпадает согласный [л']. В современных художественных текстах написание слова *сколько* встретилось в двух вариантах, отражающих эту фонетическую особенность: **скока** и **скоко**. Например:

> *— Алексеич, — сказал он, — деньги нужны? — А* ***скока****? — живо спросил я. — Сколько нужно? — А* ***скока*** *не жалко?* (В. Рецептер. Узлов, или Обращение к Казанове. 1993).
>
> *В пятницу конкретно перепишем, ему остаток отдадите— и всё, и разбежались. Ты ему* ***скоко*** *назначил?* (А. Волос. Недвижимость // Новый мир. 2001. № 1–2).

Интересно отметить, что в первом варианте отражено произношение конечного безударного *о* как /а/. Кроме того, ни разу не встретился возможный в РР вариант этого слова с редукцией конечного гласного до нуля: **скок**.

Написание слова *только* было представлено тремя вариантами, правда, последний из них (с эллипсисом конечного гласного) был отмечен только один раз:

> **тока:** *«****Тока*** *мама никогда не предаст,* ***тока*** *мама,...* ***тока*** *мамочка...»* (Е. Гришковец. Как я съел собаку. 1999).
>
> **токо:** *— Да мне, если человек хороший, хоть всю жизнь живи —* ***токо*** *веселее будет* (С. Романов. Парламент. 2000).
>
> **ток:** *Еще он успевал вставить, обиженно хныкая: — Сами* ***ток*** *что взяли по сто двадцать у Шурика с Малюшенки* (В. Высоцкий. Роман о девочках. 1977).

В первом варианте также отражено произношение конечного безударного *о* как /а/.

В разговорной речи слово *тысяча* очень часто произносится как /ты́ш':а/. Фиксируется такое произношение и в современных художественных текстах, причем как в форме единственного, так и в форме множественного числа в разных падежах: **тыща, тыще, тыщи, тыщами, тыщу, тыщ**. Например:

> 1. *— У папы знаешь какая зарплата?* ***Тыща*** *рублей! — кричал я* (Б. Минаев. Детство Левы. 2001).
>
> 2. *— Да вы что, ребята?! Во-первых, я наркотики никогда в жизни не употреблял, во-вторых, зарплата у меня — всего полторы* ***тыщи****, в рублях, конечно* (А. Житков. Кафедра. 2000).
>
> 3. *— Или ты мне полсотни* ***тыщ*** *баксов простить не можешь? Жалко, да? — Да при чем тут полсотни* ***тыщ****? — передернул плечами Максим и поднялся* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы. 1997).

Что касается других числительных, то некоторые из них тоже достаточно часто упрощаются в разговорной речи, например, *пятьдесят* может произноситься как /п'иис'а́т/ или /п̯'с'ат/, *семьдесят* — как /с'е́м̯'с'ит/, *шестьдесят* — как /шыис'а́т/ или /щс'ат/, *двадцать* и *тридцать* — как /двац:/ и /тр'иц:/. Но в современных художественных текстах отражение разговорного произнесения этой группы слов встречается редко:

пиисят, шиисят, семисят, семисит: 1. *На рассвете Анна трясла меня за ногу: — **Пиисят** второй объявили. Вставай!* (В. Астафьев. Веселый солдат // Новый мир. 1998).

2. *Помню еще старого барина, Петра Африканыча, — **семисит** лет ему было, а каждое утро велел седлать жеребца...* (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев. 1995–1996).

3. ***Шиисят** пять уже было, давно было. Уже **семисят** четыре* (А. Вампилов. Прошлым летом в Чулимске. 1971).

При написании этой группы слов авторы в большинстве случаев отражают произношение безударных *е* и *я* как /и/.

Как уже говорилось выше, нормам РР свойственна большая вариативность. Например, существуют различные разговорные реализации слова *здравствуйте*: /здра́с'т'и/, /здрас'т'/, /драс'т'/, /рас'т'/ и так далее. В нашем материале встретилось четыре варианта написания этого слова:

здрасти, здрась, дрась, драсть: 1. — *А! Вы дачники! **Здрасти**! — Добрый вечер, — хором ответили мы* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха. 2004).

2. *Прервавшись на мгновение, он сказал Кондрашину: «**Здрась**, Владпетрович, спасибо, Владпетрович», и тот кивнул ему в ответ* (М. Зайчик. В нашем регионе // Звезда. 2002).

3. — *Секундочку! — деловито сказал Слой, миновав было одну из многочисленных дверей. Приоткрыл, сунул нос: — **Дрась**! Вовы еще не было?* (А. Измайлов. Трюкач. 2001).

4. — ***Драсть**... — не оборачиваясь, буркнула Карина и продолжала с необыкновенным упорством выколачивать польку* (Д. Рубина. Уроки музыки. 1982).

Однако надо отметить, что наиболее частым является только вариант **здрасти**, остальные встретились по одному разу.

Высокочастотное слово *вообще* также может по-разному произноситься в разговорной речи: /вапш':е́/, /ваш':е́/, /апш':е́/, /аш':е́/. Нами было отмечено три различных написания этого слова:

ваще, воще, вобще: 1. *Она вышла из машины. — Ну вы **ваще**! Я и не думал, что вы такая!* (М. Милованов. Кафе «Зоопарк». 2000).

2. — *Ты кто такой **воще**? — угрюмо спросил Цыря* (А. Иванов. Географ глобус пропил. 2002).

3. — *Папа любит жареную рыбу. Он может есть её прямо с головой. В голове много всего ценного для организма. И **вобще** прекрати разговаривать со мной на эту тему* (Б. Минаев. Детство Левы. 2001).

При этом наиболее частым оказался вариант **ваще**, передающий произношение безударного *о* как /а/. Реже всего было отмечено написание **вобще**, которое отражает одно из специфических явлений РР — стяжение гласных.

Другое высокочастотное слово *сейчас* в разговорной речи очень часто произносится как /ш':ас/. В современных художественных текстах встречаются различные написания этого слова:

щас: — *А где пояс? — заинтересовалась Мареева. — **Щас** принесу. Я мигом* (В. Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату. 1984).

ща: — *Эх, — вздохнул Николай, — держите брезент, **ща** колесо поменяю и довезу вас* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки. 2004).

счас: *Не плачь — ему-то небось **счас** хуже, чем нам* (М. Веллер. Карьера в Никуда. 1988).

Наиболее распространенным является написание **щас**.

В местоимениях *тебе, тебя, себе, себя* может происходить выпадение интервокального согласного, в результате чего в непосредственном соседстве оказываются два гласных. Следующей ступенью упрощения является стяжение этих гласных. В нашем материале встретилось написание слова *тебя* как **тя** и *тебе* как **те** (первое встречается значительно чаще, чем второе). Написание разговорных вариантов местоимений *себя* и *себе* отмечено не было:

тя: — *Ко мне пришел мой возлюбленный, любимый человек, короче. **Тя** как звать, любимый?* (Л. Петрушевская. Три лица. 1999).

те: — *Попробуй подожги. Нет Нинки, я **те** серьёзно говорю. Уехала она* (В. Шукшин. Калина красная. 1973).

Слово *чего* может произноситься в разговорной речи как /ч'о/. Нами было отмечено два различных написания этого слова:

чё: — *Ты **чё**, — сказал Семен, — это ж помереть можно* (В. Пелевин. Музыка со столба. 1991).

чо: — *А **чо** их менять? — спросил я. — Видите, еще крепкие* (А. Лиханов. Кикимора. 1983).

Аналогично двумя вариантами было представлено написание слова *ничего*: **ничё** и **ничо**, причем второй вариант встречался реже:

ничё: — *Ну что,* ***ниче*** *девочка? — тихо спросила Анька и подмигнула самой себе в зеркало* (А. Житков. Супермаркет. 2000).

ничо: — *Да не, — сказал я. — Шутка. —* ***Ничо*** *себе шутка!* (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени. 1996–1997).

В современных художественных текстах встречаются также разговорные варианты глагола *говорить* (в личных формах): *говорит* — **грит**, *говорят* — **грят**, *говорю* — **грю**:

1. — *Сейчас в метро мужик какой-то замуж звал. Вы,* ***грит****, очень мне подходящая, мне лицо ваше нравится. — Доброе,* ***грит****, лицо...* (Д. Рубина. День уборки. 1980).

2. — *У нас такого добра и днем с огнем не откопаешь, — сказала она. — Ни в нашей лавке, ни в районе,* ***грят****, перевелась эта рыбка в море* (П. Проскурин. В старых ракитах. 1983).

3. *Правильно я* ***грю****? — ласково спросил он, вставая* (В. Слипенчук. Зинзивер. 2001).

У одного автора встретилось написание деепричастия *говоря* как **гря**:

— *Это вот, — указал на статую, — так, а жильцы пишут коллективно, что большая, грубо* ***гря****, нагрузка. У нас же перекрытия, грубо* ***гря****, деревянные, а у Тухватуллиных трещины в потолке* (В. Войнович. Монументальная пропаганда // Знамя. 2000).

«Разговорное» написание других личных форм этого глагола зафиксировано не было (*говорите* как **грите**, *говорим* как **грим**, *говоришь* как **гришь**).

В РР наблюдается явление, отсутствующее в полном стиле произношения, — выпадение интервокальных согласных. Обычно редуцированию подвергаются звонкие согласные. В рассматриваемом нами материале отражение этого явления было отмечено (причем достаточно редко) в словах *бабушка* и *девушка*:

баушка: *Зина отмахивается от нее, как от комара. — Молчи,* ***баушка*** (Е. Гинзбург. Крутой маршрут. 1990).

деушка: — *Так бы сразу и говорил, — сказала Неля. — А то* ***деушка-деушка****, который час?* (М. Анчаров. Самшитовый лес. 1979).

Написание **деушка** может также представлять собой редуцированную форму от слова *дедушка*, но подобные примеры зафиксированы не были.

В РР в высокочастотных словах могут упрощаться группы из двух согласных, причём чаще выпадают слабые в артикуляционном отношении звуки. Например, в слове *разве* может выпадать звук [в’]:

рази: — *Так уважают меня в институте, Фрол... Неловко как-то. — А чо им тебя не уважать?* ***Рази*** *ты плохой человек?* (Е. Парнов. Третий глаз Шивы. 1985).

Написание **рази** отражает произношение безударного *е* как /и/, другое возможное написание **разе** отмечено не было.

Встречается также упрощение группы согласных в конце слова, например, *есть* пишется без конечного *т*:

есь: *Жанна кивнула. — Но вы не бойтесь! Никто не знает, сколько есть чего после! — А* ***есь****? — Не знаю. Есть только сон. Может, еще что, я не знаю* (Д. Липскеров. Последний сон разума. 1999).

В современных художественных текстах находит отражение еще одно явление РР — редукция конечного гласного до нуля. Например, написание слов *это* и *прямо* без конечного гласного:

эт: — *Во-о -от!* ***Эт*** *хорошо, что ты меня слушаешься!* (А. Измайлов. Трюкач. 2001).

прям: *Гарик отмахнулся: — Ты* ***прям*** *как царевна-лягушка...* (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый мир. 2000. № 8–9).

В рассматриваемом нами материале встретилось также написание слова *пожалуйста* как **пожалста**. Эта форма, достаточно часто встречающаяся в РР, является результатом выпадения гласного в первом заударном слоге (при этом соседний согласный может становиться слоговым, что способствует сохранению слоговой структуры слова: /пажáл̯ста/):

Для полноценного пьянства им теперь подавай колорит, пыль веков, оборванные обои полуни-

*щей эпохи — **пожалста**, получите!* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени. 1996–1997).

Слово *сегодня* может по-разному произноситься в разговорной речи: как /с'óдн'а/ или /с'óн'а/. В нашем материале встретился только первый вариант написания — **сёдня**:

сёдня: *«Ты уйдешь **седня**?» — возвысила голос Пелагия Андреевна* (В. Астафьев. Веселый солдат// Новый мир. 1998).

В разговорной речи существует краткая форма обращения. Обычно она используется в разговоре с хорошо знакомыми людьми. Образуется эта форма от имен и некоторых названий родства (мама, папа, тетя, дядя), а также от сочетания слов *тетя, дядя, баба* с именем собственным. Это явление, отсутствующее в КЛЯ, достаточно часто отражается в современных художественных текстах:

мам: *Я обернулся — женщина, сидевшая за столиком с темным магом, вошла в коридорчик, держа за руку сына. — Не хочу, **мам**! — капризно выкрикнул ребенок* (С. Лукьяненко. Ночной дозор. 1998).

пап: *— Слышишь, **пап**, — сказал мальчик, — мне сейчас вдруг показалось, что мы с тобой давно заблудились* (В. Пелевин. Жизнь насекомых. 1993).

дядь: *А один, совсем мальчонка, ещё не понимая, без зла: «**Дядь**, а за что ты моего батьку застрелил?»* (А. Солженицын. На краях. 1994–1995).

теть + имя: *Из сеней раздался голос Раисы: — Открой, **теть Люб**!* (Л. Петрушевская. Никогда. 1997–1999).

дядь + имя: *— **Дядь Мирон**, — обратился я вежливо, — а какой она породы?* (А. Лиханов. Кикимора. 1983).

баб + имя: *— Привет, **баб Лиз**, — деловито заметил Мика, снимая с себя верхнюю одежду* (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда». 2004).

имена: 1. *— **Зин**, одолжи́ пятёрочку! — вы́крикнул Михал Иваныч* (С. Довлатов. Заповедник. 1983).

2. *— **Володь**, позвони мне, как только сможешь, хорошо?* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости. 2003).

В разговорной речи часто происходит упрощение имени и отчества, что также находит отражение в художественных текстах:

имена + отчества: *Если кто не согласен, пусть сразу уходит. Так что определись, **Михал Михалыч**. — Да я что? Я — как все...* (Ю. Нагибин. Бунташный остров. 1994).

Иногда краткие формы употребляются не только при обращении:

*С **Пал Сергеичем** мы сидели в столовой за одним, на четыре персоны, столом* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана. 1997).

В рассматриваемом нами материале встретилось написание слова *так* как **дак**. Озвончение глухих также является одной из форм ослабления согласных в РР, поскольку происходит замена более напряжённого глухого на менее напряжённый звонкий:

дак: *— **Дак** мы люди подневольные. Скажут — охраняем, скажут — уйдем* (Д. Быков. Орфография. 2002).

По одному примеру было отмечено на написание разговорных форм от слов *может быть, теперь, смотрю, правильно, будешь*. Высокочастотные слова *может быть* и *теперь* имеют в РР различные варианты произнесения: /мóжбыт'/, /мóбыт'/ и /т'иéр'/, /т'ер'/. В рассматриваемом нами материале встретились более сокращенные формы **мобыть** и **терь**. Написание разговорных вариантов слов *смотрю* /смар'ý/ и *будешь* /бýиш/ отражает произношение безударных *о* и *е* как /а/ и /и/ соответственно: **смарю** и **буишь**:

мобыть: *— А **мобыть**, негр! — засомневался Елпидифор в национальной принадлежности убежавшего аборигена* (В. Конецкий. Начало конца комедии. 1978).

терь: *— Вы **терь** что на зоне, что в зоне, а я помиловки дать не могу* (О. Павлов. Дело Матюшина. 1996).

смарю, праильно: *— То-то я **смарю**! — удивился Фома. — А зачем? А ваще-то **праильно**...* (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой. 1998).

буишь: *— Ты, пальцем деланный, ты **буишь** набирать правильно номер?!* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени. 1996–1997).

В целом можно сделать следующие выводы.

1. В современных художественных текстах находят отражение некоторые фонетические особенности разговорной речи, а именно эллипсис согласных и гласных в высокочастотных

словах. Другие произносительные особенности РР, связанные с ослаблением артикуляции, практически не встречаются. Это можно объяснить различными причинами. Во-первых, эллипсис согласных и гласных действительно является самой яркой чертой разговорной речи. Во-вторых, некоторые произносительные особенности достаточно сложно отразить в орфографической записи (например, произнесение согласного с ослабленным шумом [h] на месте [x]) или, наоборот, их отражение будет воспринято как индивидуальная особенность говорящего (например, шепелявое произнесение щелевых согласных /ш, ж/). При этом такие произносительные особенности встречаются в РР значительно реже и являются гораздо менее яркими, чем эллипсис.

2. Наличие в РР различных фонетических вариантов одного и того же слова также отражается в текстах произведений современных писателей. В нашем материале встретилось два различных написания слов *сколько, чего, ничего*, три различных написания слов *только, вообще, сейчас* и четыре — слова *здравствуйте*.

Разумеется, фиксируются не все возможные фонетические реализации одного и того же слова.

Интересно, что в текстах может отражаться более редуцированная форма и не употребляться менее редуцированная: например, для слов *говорит* и *теперь* встречаются формы /гр'ит/ и /т'ер'/, но не зафиксированы формы /гаар'и́т/ и /т'ие́р'/. В то же время может иметь место и обратная ситуация: для слов *пятьдесят* и *сегодня* были отмечены менее сокращённые реализации /п'иис'а́т/ и /с'о́дн'а/, но не зафиксированы формы /п̯'с'ат/ и /с'о́н'а/.

3. Запись разговорных форм слова может отражать произношение безударных *о, е, я* как /а/ и /и/ соответственно: **скока, тока, пиисят, шиисят, семисят, семисит, ваще, рази**. При этом для одного и того же слова могут быть зафиксированы различные орфографические записи: **скоко** и **скока**, **токо** и **тока**, **воще** и **ваще**.

4. В некоторых фразах было зафиксировано сразу несколько фонетических особенностей РР, например:

— ***Теть Саш, че, прям*** *все корабли им отдадим?* (Н. Садур. Немец. 1996).

5. В большинстве случаев произносительные особенности РР отмечаются в диалогах. Но иногда это явление можно наблюдать и в авторской речи:

Анастас каждому из гостей по ***тыще*** *подарил, а художникам по две* (С. Юрский. Петров день. 1988).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 2004.

2. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970.

3. *Щерба Л. В.* Избр. раб. по русскому языку. М, 1957.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Русская разговорная речь. М., 1973.

Федорова Н. А. Фонетические особенности русской разговорной речи (Методические рекомендации и учебные задания). Л., 1987.

Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н. Д. Светозаровой. Л., 1988.

[представляем новые книги]

Алефиренко Н. Ф. **Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 288 с.**

В учебном пособии представлена системная панорама становления лингвокультурологической теории слова в рамках взаимодействия новых парадигм когнитивной семантики, семасиологии и лингвосинергетики. В соответствии с принципами двухуровневого обучения в высшей школе авторское видение ее методологических принципов и категорий дано в сопряжении с устоявшимися в лингвокультурологии традициями. Раскрываются истоки синергетического кодирования культурно-исторического опыта системой языка и системой мышления.

Для магистрантов направления «Языковое образование» Пособие может быть использовано в общеобразовательном курсе «Культурология», изучающемся во всех высших учебных заведениях. Оно также обращено к лингвистам-исследователям, преподавателям, аспирантам и всем, кто интересуется ценностно-смысловым пространством слова.

В. К. Лебедев

«УМЕРЕННОСТЬ И АККУРАТНОСТЬ»

VLADIMIR K. LEBEDEV
"MODERATION AND NEATNESS"

В статье на основе анализа различных текстов и результатов анкетирования студентов рассматриваются изменения в восприятии выражения «умеренность и аккуратность» от А. С. Грибоедова до наших дней.

Ключевые слова: «умеренность и акуратность», ассоциации, интерпретация.

The changes in the perception and interpretation of the expression "moderation and neatness" from the time of A. S. Griboyedov till now are studied in the article on the basis of the analysis of different publications and the survey of students' knowledge.

Keywords: "moderation and neatness", association, interpretation.

Владимир Кузьмич Лебедев

Кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов
▸ vklebedev@gmail.com

Выражение «умеренность и аккуратность» впервые прозвучало в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» [15: 359]. Эти «два таланта» считал важнейшими для себя секретарь Фамусова Алексей Степанович Молчалин. Современники Грибоедова спорили по поводу главного героя комедии (Чацкого), но в основном сходились в оценке Молчалина, полагая его человеком хитрым, угодливым, подленьким, и осуждали как самого Молчалина, так и его «таланты». Тенденции развития характера этого героя они видели в усилении его отрицательных качеств. «Молчалин не довольно резко подл; не нужно ли было сделать из него и труса? старая пружина, но штатский трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог быть очень забавен», — писал в конце января 1825 года А. С. Пушкин А. А. Бестужеву [22: 138]. «Молчалин — тоже замечательный тип. Метко схвачено это лицо, безмолвное, низкое, покамест тихомолком пробирающееся в люди», — читаем у Н. В. Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» [11: 362]. А. И. Герцен рассуждал об «умеренности и аккуратности» в «Былом и думах» и публицистической книге «Концы и начала». Он бичевал мещанство, под влиянием которого «все переменилось в Европе»: «Рыцарская честь заменилась бухгалтерской честностью, изящные нравы — нравами чинными, вежливость — чопорностью, гордость — обидчивостью, парки — огородами, дворцы — гостиницами, открытыми для всех (т. е. для всех, имеющих деньги)» [9: 126] и подчеркивал: «У мещанства, как у Молчалина, два таланта, и те же самые: „умеренность и аккуратность“» [10: 136].

В 1872 году И. А. Гончаров в посвященной «Горю от ума» статье «Мильон терзаний» высказал мысль о том, что начавшееся преобразование общества приведет к постепенному исчезновению потребности в Молчалиных. М. Е. Салтыков-Щедрин, в какой-то мере отвечая Гончарову (задачи, которые он ставил перед собой, разумеется, были гораздо шире), в «Господах Молчалиных» утверждал, что Молчалины не могут исчезнуть, так как они представляют собой значительную

часть общества, и что «среда умеренности и аккуратности» не так уж и мала. Об этой среде в произведениях сатирика говорилось хотя и с долей сочувствия, но отнюдь не одобрительно.

Через несколько десятилетий (уже в XX веке) Александр Блок в статье «Интеллигенция и революция» напишет, что русские художники «никогда не сомневались в том, что Россия — большой корабль, которому суждено большое плаванье. Они, как и народная душа, их вспоившая, никогда не отличались расчетливостью, умеренностью, аккуратностью: „все, все, что гибелью грозит“, таило для них „неизъяснимы наслажденья“ (Пушкин)» [2: 232]. Неприятие «умеренности и аккуратности» слышится и в словах И. А. Бунина, вспоминающего об А. И. Эртеле: «Он верил, что существует абсолютная истина, но стоял лишь за условное осуществление ее, любил говорить: „В меру, друг, в меру!“ — то есть: не ускоряй насильственно этот поступательный ход истории. Безусловное понимание добра и зла и условное действие в осуществлении первого и в борьбе с последним — вот что нужно для всякой деятельности, в том числе для всякой протестующей, говорил он. Значит ли это, однако, что он проповедовал „умеренность и аккуратность“? Редко кто был менее умерен и аккуратен, чем он, вся жизнь которого была страстной неумеренностью, „вечным горением в делах душевных, общественных и житейских, страдальческими поисками внешней и внутренней гармонии“» [5: 275].

Вероятно, внимательно читали «Горе от ума» лидеры большевистской партии. В частности, В. И. Ленин часто цитировал комедию А. С. Грибоедова и обвинял своих оппонентов и политических противников в «умеренности и аккуратности» [14]*. В советские годы руководители государства считали человека не более чем «винтиком», тем не менее тогда много говорилось о необходимости борьбы с «умеренностью и акккуратностью». В литературоведении советского периода и методических работах по литературе подчеркивалось, что «умеренность и аккуратность» — «два отвратительнейших достоинства» [1: 320].

Итак, на протяжении XIX и большей части XX века «умеренность и аккуратность» ассоциировались прежде всего с грибоедовским Молчалиным, и уже поэтому отношение к этим качествам было преимущественно отрицательным. Редкие исключения, когда Молчалин рассматривался как достойный, деятельный человек [24] или как человек неплохой, но слабый [8] (и поэтому его «умеренность и аккуратность» не вызывали отторжения) или когда об этих качествах говорилось без оглядки на Молчалина [13: 62], общей картины не меняли.

В эпоху перестройки в СССР, а позднее в новой России у значительной части общества отношение к «умеренности и аккуратности» остается прежним. Приведем несколько примеров. В 1988 году Б. Сарнов и Е. Чуковская публикуют в журнале «Юность» документы, связанные с судьбой Михаила Зощенко. Комментируя приведенные в повести Зощенко «Возвращенная молодость» слова Гете «лучше несправедливость, чем беспорядок», они замечают: «Это, пожалуй, даже отвратительнее, чем знаменитое молчалинское: „умеренность и аккуратность“» [26: 81]. В 2006 году В. Новиков, рассуждая о так называемой «качественной литературе», осуждающе скажет: «К „качественной литературе“ сторонники этого термина обычно относят „умеренность и аккуратность“. Без всяких там дерзостей и приколов, без рискованного проникновения в глубины подсознания. Но главная беда в равнодушии оценщиков к содержанию, к самому художественному „посланию“ книги» [19]. В 2009 году в рецензии И. Чайковской на книгу А. Марченко об Анне Ахматовой читаем: «Она написала живую, интересную книгу, не оглядываясь на общепринятое и не пряча в карман добытое ею. Чтение было увлекательным и пробуждающим мысль, о чем свидетельствуют мои многочисленные заметки на книжкиных полях. В ее авторе нет „умеренности и аккуратности“, но есть желание найти и сказать свое, что всегда импонирует читателю» [31: 211].

В то же время частью общества «умеренность и аккуратность» стали оцениваться поиному. Приведем несколько примеров из прессы, прямо относящихся к общественно-политической сфере. В декабре 2006 года в «Политическом журнале» была опубликована статья Вадима

Момотова, посвященная столетию со дня рождения Л. И. Брежнева, в которой говорилось о сильных сторонах внешнеполитической деятельности СССР в 60–80-е годы и делался вывод о том, что «эпоха Брежнева была пиком мощи первого государства рабочих и крестьян, его золотым веком» и в то же время «его прощальной лебединой песней». Название этой статьи — «Умеренность и аккуратность» [16: 3]. В российских газетах и журналах, в интернет-изданиях можно прочитать, а по радио и телевидению услышать, что «умеренность и аккуратность» — главные качества председателя Европейского суда по правам человека Жана Поля Коста [12], премьер-министра Японии Ясуо Фукуда [7], председателя Центробанка РФ С. Игнатьева [3], главы президентской администрации (ныне заместителя Председателя правительства РФ) С. Собянина [4]. Во многих случаях «умеренность и аккуратность» декларируется в анонсах, названиях статей или рубрик. Из средств массовой информации мы можем узнать также, что подбор кинофильмов для обновленного Пятого (петербургского) канала телевидения призван «создать фон „умеренности и аккуратности“ для новой телепродукции» [28] и что «умеренность и аккуратность» — «одна из составляющих американских миллионеров» [18]. Если выйти за пределы общественно-политической сферы, то выяснится, что «умеренность и аккуратность» — «достоинства мужчины» [33] и главное в новогоднем наряде [6], что в одежде они стали «девизом нового поколения» [21], что следует соблюдать «умеренность и аккуратность» при пользовании парилкой [25] и что девизом православного отдела агентства недвижимости «Держава» также является «умеренность и аккуратность» [30].

Наряду с безоговорочным осуждением или полным принятием «умеренности и аккуратности», встречается осудительно-снисходительное к ним отношение. Особенно часто это бывает в сообщениях о вручении разного рода премий, при оценке произведений литературы и искусства и спортивных достижений: «В день празднования 179-летия со дня рождения Л. Н. Толстого в музее-усадьбе „Ясная Поляна“ были названы четыре финалиста одноименной литературной премии <...>. „Умеренность и аккуратность“ вообще характерны для нынешнего списка» [20]; «„Умеренность и аккуратность“ — вот, пожалуй, два качества, которыми можно охарактеризовать прозу Бориса Екимова» [27]; «Не выглядит катастрофой возможный (и, более того, очень даже вероятный) уход Адвоката: на взгляд со стороны, голландец уже сделал все, что желал, — именно так и будет играть „Зенит“, даже если нынешний главный тренер будет работать и дальше. Потенциал питерской команды выше, чем потенциал ее нынешнего наставника, главными достоинствами которого являются „умеренность и аккуратность“» [29].

Отметим и тот редкий случай, когда сходятся точки зрения представителей различных (порой полярных) политических воззрений. Имеется в виду утверждение, что «умеренность и аккуратность» — качества «не русские». Приведем прозвучавшие в разных местах, в разное время, независимо одно от другого высказывания по этому поводу известного историка и политолога профессора Н. Нарочницкой, придерживающейся национально-консервативных взглядов, и далекого от подобных воззрений политолога и политического обозревателя Л. Радзиховского. Н. Нарочницкая в радиопрограмме Сретенского монастыря «Церковь и мир» 29 июня 2003 года: «Русский интуитивно отвергает и презирает „умеренность и аккуратность“ как черту коллективной посредственности и деградации всякой яркой личности» [17]. Л. Радзиховский в интернет-газете «Взгляд.ру» 20 апреля 2009 года: «В русской культуре, в русском характере нет гена „компромиссного поведения“ (это не значит, конечно, что отдельные люди не умеют идти на компромиссы). Душа не принимает! „Коль убить — так сгоряча, коль рубить — так уж с плеча!“, какой же русский не презирает медленную езду, да по правилам, „умеренность и аккуратность“» [23]. В аналогичном ключе о том, что «умеренность и аккуратность» — качества, не характерные для русского человека, пишет Ирина Шестакова в статье о Савве Морозове: «Как истинно русский человек он был страстен. Безудержно, гибельно страстен.

Не умел осторожничать, оглядываться, проявлять „умеренность и аккуратность“»[32].

Заметим, что А. С. Грибоедов с позиций «русскости — нерусскости» ни Молчалина, ни его «умеренность и аккуратность» не рассматривал, хотя в комедии много говорится о необходимости отказаться от преклонения перед иностранцами и иностранным («А все Кузнецкий мост и вечные французы», «дверь отперта для званых и незваных, особенно из иностранных», «как с ранних пор привыкли верить мы, что нам без немцев нет спасенья», «чтоб умный, бодрый наш народ, хотя по языку нас не считал за немцев», «господствует еще смешенье языков французского с нижегородским»). Разумеется, угодливых, услужливых чиновников, мечтающих «и награжденья брать и весело пожить», можно найти в любой стране мира, но грибоедовский Молчалин взращен на родной почве. Он русский, вероятно, тверской («И будь не я, коптел бы ты в Твери», — говорит ему Фамусов), ничего «иностранного» нет ни в его поступках, ни в его речи («Ах! Злые языки страшнее пистолета», «День за день, нынче, как вчера», «Ведь надобно ж зависеть от других», «Пойдем делить любовь плачевной нашей крали», «Надежды много впереди, без свадьбы время проволочим»).

Обратимся к опросам общественного мнения. По данным фонда «Общественное мнение», в 2008 году на вопрос о жизненных ценностях 20% молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет ответили, что для них «главное в жизни — деньги» и что «их девиз — умеренность и аккуратность» [34].

В 2009 году нами было опрошено 500 студентов первого и второго курсов — будущих экономистов, юристов и менеджеров и 60 первокурсников — будущих специалистов по переводу и переводоведению, переводчиков в профессиональной сфере. Им задавались следующие вопросы: 1. Какие ассоциации возникают у Вас, когда Вы слышите выражение «умеренность и аккуратность» (литературные герои, сценические персонажи, киногерои, общественные или политические деятели, окружающие Вас люди)? 2. Как положительные или как отрицательные качества воспринимаете Вы «умеренность и аккуратность»? Почему?

Ответы распределились следующим образом: только у 23% будущих переводчиков и всего у трех студентов-нефилологов (0,6%) были ассоциации с Молчалиным. Называли Андрея Болконского, Печорина, Чичикова, Акакия Акакиевича Башмачкина, Обломова, Карлсона, Золушку, В. В. Путина, Д. А. Медведева, А. Д. Сахарова, Д. С. Лихачева, знакомых, родственников и друзей. Положительными считают «умеренность и аккуратность» 86% опрошенных, скорее положительными, чем отрицательными, — 11%, отрицательными — 3%.

Приведем несколько ответов, мотивирующих отношение к предложенному высказыванию:

– Эти качества позволяют человеку всегда держать ситуацию под контролем, разумно вести свои дела в профессиональном и личном плане. Человек, обладающий этими качествами, не будет вмешиваться в личное пространство другого.

– Благодаря этим качествам, человек может разложить по полочкам не только свои вещи, но и свою жизнь.

– «Умеренный и аккуратный» человек (типа Молчалина) знает, где опасный край, и может остановиться перед ним.

– «Умеренность и аккуратность» — это осознание ответственности перед собой, обществом и природой. Эти свойства сродни интеллигентности.

– Благодаря таким качествам, человек не теряет времени, все делает точно и в срок.

– Я хочу стать государственным служащим, на государственной службе эти качества необходимы.

– Без «умеренности и акуратности» не добьешься ни высокой должности, ни денег.

– Это очень хорошие качества. В нашей стране они есть у немногих. Нас окружают вспыльчивые, агрессивные, злые люди.

– Такие люди предсказуемы, рядом с ними скучно жить.

– «Умеренный и аккуратный» — это средний. Средним быть ни хорошо, ни плохо.

– В целом «умеренность и аккуратность» — положительные качества, но нельзя забывать, что людьми правят ненависть, страх и любовь. Без этих чувств человек не был бы человеком.

– «Умеренность и аккуратность — это далеко не лучшие качества. Люди с такими качествами, как правило, пустые и холодные.

– У меня эти черты есть в очень малой степени, поэтому на «умеренность и аккуратность» других людей я не обращаю особого внимания.

Наблюдения над современным использованием выражения «умеренность и аккуратность» приводят к выводу, что сохранявшаяся в течение многих десятилетий связь его с литературным источником в наши дни утрачивается быстрыми темпами и что отношение различных людей к «умеренности и аккуратности» не только не совпадает, но и бывает прямо противоположным. Случай не уникальный, но из него следует, что при употреблении этого выражения необходимо проявлять максимальную осторожность и непременно прояснять свою точку зрения (особенно журналистам). То, что у вчерашних выпускников средней школы при ответе на вопрос об «умеренности и аккуратности» редко возникали ассоциации с Молчалиным, героем произведения, изучаемого текстуально, свидетельствует (наряду с другими факторами) о резком падении уровня школьного литературного образования и о том, что пора принимать разумные решения о месте литературы в школе, о программе по литературе и путях совершенствования методов преподавания одной из важнейших школьных дисциплин, формирующих личность.

ПРИМЕЧАНИЕ

* См., например: Т. 1, С. 239, 338; Т. 3, С. 12; Т. 5, С. 61; Т. 8, С. 243; Т. 9, С. 54, 219; Т. 10, С. 335, 349; Т. 11, С. 377; Т. 12, С. 95; Т. 15, С. 32; Т. 17, С. 24; Т. 22, С. 203; Т. 28, С. 91; Т. 33, С. 179.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айзерман Л.* Преданная литература // Континент. 2000. № 2 (104).
2. *Блок А.* Интеллигенция и революция // Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. Л., 1982.
3. *Борисов А.* Либеральный «постепеновец» // Санкт-Петербургские ведомости. № 62 (2692). 30.03.2002.
4. *Борисов А.* Умеренный и аккуратный // Санкт-Петербургские ведомости. № 222 (3523). 26.11.2005.
5. *Бунин И. А.* Эртель // Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1988.
6. В чем встретить Новый год. — http://www.maminmag.ru/news/131.html
7. В Японии победили «умеренность и аккуратность» — http://www.gzt.ru/world/2007/09/23/220028.html
8. *Вяземский П. А.* Заметки о комедии «Горе от ума» // Новое литературное обозрение. 1999. № 4 (38). С. 230–250.
9. *Герцен А. И.* Былое и думы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 10. М., 1956.
10. *Герцен А. И.* Концы и начала // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 16. М., 1959.
11. *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.,1978.
12. *Голиков Н.* Жан Поль Коста — умеренность и аккуратность // Бизнес — Адвокат. 2006. № 24 (239).
13. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 20. Л.,1980.
14. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. Изд. 5. М., 1958–1965.
15. *Мокиенко В. М., Семенец О. П., Сидоренко К. П.* «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Цитаты, литературные образы, крылатые выражения. Учебный словарь-справочник. СПб., 2009.
16. *Момотов В.* Умеренность и аккуратность // Политический журнал. 2006. № 47–48.
17. *Нарочницкая Н.* О протестантском и русском духе. — http://www.pravoslavie.ru/analit/russkiydux.htm
18. Наука процветания — http://dyhanie.narod.ru/jornal/2/nauka.htm
19. *Новиков В.* Роман с языком. «Прикольно» или «качественно»? // Вечерняя Москва. № 158 (24449). 31.08.2006.
20. *Новикова Л., Шулепова Е.* Битва бомжей // Коммерсант. № 163/П. 10.09. 2007.
21. *Прохорова М.* Умеренность и аккуратность // Коммерсант. № 181/П. 28.09.2006.
22. *Пушкин А. С.* Полн. собр.соч.: В 17 т. Т. 13. М.,1996.
23. *Радзиховский Л.* Чувство меры — http://www.vz.ru/columns/2009/4/20/278018.html
24. *Розанов В. В.* «Горе от ума» // «Век нынешний и век минувший...». Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 225–234.
25. Русская баня — купель здоровья. — http://banya-club.moy.su/
26. *Сарнов Б., Чуковская Е.* Случай Зощенко (Повесть в письмах и документах с прологом и эпилогом, 1946–1958) // Юность. 1988. № 8.
27. *Сычева Л.* Спокойная жизнь // Литературная Россия. № 17 (2357). 25.04.2008.
28. Третья попытка Александра Роднянского. — http://www.telekritika.kiev.ua/telebachennya-svit/2010-03-25/51864
29. Умеренность и аккуратность. — http://www.championat.ru/hockey/article-15342.html
30. Услуги православного агентства недвижимости. — http://www. pravosvet.ru/uslugi.html
31. *Чайковская И.* В попытке разгадать жизнь. Анна Ахматова // Нева. 2009. № 10.
32. *Шестакова И.* Савва Морозов: «Мы натуры широкие, карамазовские...» — http://www.persons-journal.com/index.php?context=submenu2&id=331&pid=327&s=196
33. *Шишова Т. Л.* Воспитание мальчиков — http://www.portal-slovo.rupedagogy/38041.php
34. *Юрьева О.* Чего хочет поколение Last? // Вечерняя Москва. № 135 (24913). 30.07.2008.

С. Э. Зверев

ВОЕННАЯ РИТОРИКА РУСИ

SERGEY E. ZVEREV
MILITARY RHETORIC OF RUSSIA

В статье рассматриваются история и отличительные особенности средневековой русской военной риторики. Обосновывается смена преобладающего в домонгольский период героического пафоса военных речей пафосом религиозным и постепенное перерастание его в пафос национальный в период борьбы с монголо-татарским игом. Отмечается следование русских полководцев определенному воинскому риторическому канону.

Ключевые слова: военная риторика, военная речь, пафос, воинский риторический канон.

In the article the history and peculiarities of the medieval Russian military rhetoric are studied. The change in heroic inspiration of pre-Mongol period of military oration and its graduated to the religious and national inspiration during the struggle against Mongols-tartars invaders is substantiated. The fact Russian military orations were organized according to the definite military rhetoric rules is observed.

Keywords: military rhetoric, military oration, military rhetoric rules.

Сергей Эдуардович Зверев

Кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры организации и методики образовательного процесса ВУНЦ ВМФ (ВМА им. Н. Г. Кузнецова)
► SER_869_79392@yandex.ru

Начиная с возникновения в конце X — начале XI века русской литературы, в ее произведениях мы находим обращения военачальников перед сражением к войскам со словами ободрения.

Современному исследователю трудно, а порой и невозможно судить об исторической точности в передаче дошедших до нас текстов речей летописцами. Так, например, говорить об исторической точности текста легендарной речи князя Святослава, произнесенной им в сражении с византийцами при Доростоле (971), вряд ли допустимо, автора «Повести временных лет» отделяли от изображаемых им событий почти полтораста лет. Это типичный случай эпического отражения исторической действительности.

Подтверждает эту мысль, в частности, сюжетный ход с обманом в выплате неустрашимому князю-богатырю дани греками, которые «лживы и до наших дней», и прямым предательством русского князя болгарами, якобы сообщившими печенегам о малочисленности дружины при возвращении Святослава на Русь. Преданный царем (королем, императором) герой — чрезвычайно распространенный эпический образ у разных народов, начиная с Геракла у греков и заканчивая Зигфридом в древнегерманском эпосе о нибелунгах. Причем Святослав у Нестора «предчувствует» свою смерть в лучших традициях героического эпоса: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня» [10: 87].

Таким образом, хрестоматийная речь Святослава может заинтересовать исследователя военной риторики разве что как характерный

образец использования русскими князьями *героического* пафоса в военных речах домонгольского периода. Поэтому, нам кажется, что версия речи Святослава на военном совете накануне решающего сражения с византийцами, приведенная Львом Диаконом, заслуживает, с определенными допущениями, больше доверия.

По версии византийского историка, современника Святослава, князь сказал своим воинам: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабощавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, [достойные] доблестных мужей!» [6, т. 9: 7].

Сравним текст этой речи с содержанием «ободрения» других русских князей Мстислава Удатного и Владимира Псковского, обращенного к воинам перед одной из самых известных битв домонгольского периода между новгородцами и смолянами с одной стороны и суздальцами с другой на реке Липице (1216). «Начали Мстислав с Владимиром воодушевлять новгородцев и смолян, говоря: „Братья, мы вступили в эту сильную землю: станем же твердо, надеясь на Бога, не озираясь назад: побежав, не уйдешь. Забудем, братья, дома, жен и детей, а уж коли умирать — то, кто хочет пеший, кто хочет — на конях“» [11: 121–122].

За исключением возлагания упования на Бога князьями-христианами, эти речи весьма схожи «прагматичностью», заключенной в простой и ясной для воинов мысли: отступать некуда, остается победить или умереть. Во второй речи эта мысль выражена яснее и проще, поскольку основана повесть, по мнению Я. С. Лурье, на источниках, близких к князю Мстиславу Удатному.

Интересный материал для исследования военной риторики Руси представляет Галицко-Волынская летопись. Западная Русь из всех русских земель оказалась в наименьшей степени затронутой монголо-татарским нашествием, что позволяет судить по ее литературным памятникам о возможных путях развития Руси до монголов. На примере Галицкого княжества можно отметить особенности русской военной риторики, обусловленные соседством с западными народами, зачастую выступавшими не только противниками, но и союзниками русских князей. Так, например, великий князь Даниил Романович Галицкий (1201–1264), выступавший союзником краковского великого князя Болеслава Стыдливого (1225–1279) в походе против чехов (1254), вынужден был ободрять польских воинов. «И великий страх напал на ляхов. Приехал Даниил и сказал им: „Что вы ужасаетесь? Разве вы не знаете, что война не бывает без убитых? Разве вы не знаете, что натолкнулись на мужей и воинов, а не на баб? Если муж убит на войне, что за диво? Другие дома умирают без славы, а эти со славой умерли! Укрепите ваши сердца и поднимите оружие против врагов!“» [2: 327]. В этой военной речи заметно использование фигур риторики: риторические вопросы в сочетании с анафорой.

Мы бы рискнули предположить и умелый учет князем Даниилом различий русского и западного этоса в этой речи. В рассмотренных выше обращениях к русским воинам князя Святослава и речей князей в битве на Липице заметно преобладание пафоса *героической смерти*, который впоследствии многократно звучал на полях сражений на протяжении всей русской истории и воспроизводился в произведениях русской литературы; вспомним хотя бы знаменитое лермонтовское «Умремте ж под Москвой!». Этот пафос очень редко встречается в речах полководцев Запада; нет его и у Даниила Романовича, который, по словам летописца, «спешил и стремился воевать… и не было прежде в Русской земле никого, кто бы завоевывал Чешскую землю…»; речь князя построена на классическом *героическом* пафосе стяжания чести и славы.

Другой особенностью русского военного красноречия домонгольского периода является *национальный* пафос. Этому способствовало образование сильного государства Киевской Руси

в X–XI вв. как необходимого условия формирования национального самосознания народа. Тема любви к Родине, тема национального характера проявляется на Руси даже в условиях раздробленности и княжеских феодальных междоусобиц в XII–XIII вв. В русской литературе эти темы мощно прозвучали в знаменитом «Слове о полку Игореве», которое само, как убедительно показал И. П. Еремин, может рассматриваться как «памятник художественного „торжественного“ красноречия Киевской Руси» [4: 28]. Мы бы еще добавили: и памятник красноречия военного. «Братья и дружина! — обращается князь Игорь Святославич к воинам. — Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на борзых коней да посмотрим на синий Дон» [16: 375]. В речи князя слышен типично рыцарский *героический* пафос, которым восхищается и автор «Слова». Но он же, выступая радетелем за всю Русскую землю, устами великого князя Святослава Киевского восклицает: «Рано вы начали Половецкую землю мечами терзать, а себе искать славу. Не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили» [16: 381]. Содержание воинской чести видится автору «Слова» в служении князя-рыцаря всей Русской земле, без чего ни победы, ни жертвы не приносят чести.

Раннее развитие национального чувства на Руси и соответственно национального пафоса в военных речах объясняется вековой борьбой русских против кочевых народов Великой Степи, начавшейся задолго до нашествия монголов. Однако процесс складывания национального пафоса в русской военной риторике, к сожалению, был существенно отодвинут во времени монголо-татарским нашествием.

«Монголо-татарское нашествие, перешедшее затем в страшное иноземное иго, когда, по словам летописца, „и хлеб во уста не идешеть от страха“, принесло жесточайший урон русской культуре… С середины XIII века основными жанрами русской литературы стали воинские повести, жития мучеников за веру, проповеди, взывавшие к нравственному очищению как залогу будущего освобождения», — писал Д. С. Лихачев [8: 5]. Этот страх вызвал ощущение зыбкости и эфемерности человеческого существования, что повлекло значительное усиление религиозного чувства.

Влияние религиозности русского сознания сказалось на содержании русской военной риторики периода XIII–XIV вв., периодом борьбы с монголо-татарским игом. В это время в русской военной риторике сложился своеобразный канон, которому неукоснительно следовали либо все князья при обращении к войскам, либо летописцы при изложении исторических событий. В следовании канону нет значительных различий между летописной и житийной литературой.

Подготовка войска к сражению, в соответствии с каноном, начиналась с молитвы полководца перед войсками, причем молитвы *гласной* и *публичной*. Только после этой молитвы наступал черед обращения князя к войскам. Традицию следования этому канону заложил, очевидно, уже рязанский князь перед первым столкновением с татарами (1237), как изображает это «Повесть о разорении Рязани Батыем»: «И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих и воевод, храбро и мужественно скачущих, возвел руки к небу и сказал со слезами: „Изми нас от враг наших, Боже, и от восстающих нань избави нас, и покрый нас от сонма лукавнующих, и от множества, творящих беззаконие. Буди путь их тма и ползок“. И сказал братии своей: „О государи мои и братия, если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?! Лучше нам смертию славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божьи церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича“» [12: 187].

«Житие Александра Невского» представляет речи полководца, в этом приближаясь к жанру воинской повести. Так, отправляясь на Невскую битву со шведами (1240), Александр, выйдя из соборной церкви Новгорода, «начал ободрять дружину свою, говоря: „Не в силе Бог, а в правде. Вспомним Песнетворца, который сказал: „Одни с оружием, другие на конях, мы же имя Господа Бога нашего призовем: они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо“» [5: 429]. Песнетворец, упоминаемый в «ободрении», —

ветхозаветный израильский царь Давид, автор псалмов, нашедших широкое употребление в богослужебной и личной молитвенной практике христианства. Псалмы, как можно видеть из молитвы рязанского князя, цитирующего псалом 19, служили основой воинских молитв.

В молитве Александра перед Ледовым побоищем (1242) мы также видим интересное переплетение сюжетов ветхозаветной и русской истории. «Суди меня, Боже, — воздев руки к небу, воззвал князь, — рассуди распрю мою с народом неправедным и помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика и прадеду нашему Ярославу окаянного Святополка» [5: 433]. Имя киевского князя Святополка Окаянного (ок. 979–1019), погубившего впоследствии причтенных к лику святых князей Романа и Давида (Бориса и Глеба), было для русских людей символом предательства и нарушения божественной *правды* светского правления. Александра же после победы на Чудском озере автор «Жития» сравнивает со знаменитым ветхозаветным полководцем Иисусом Навином, при котором евреями была завоевана Палестина («Здесь прославил Бог Александра пред всеми полками как Иисуса Навина у Иерихона» [5: 435]).

Речи русских полководцев на Куликовом поле (1380) (сюжетом нескольких летописных повестей и литературных произведений первой четверти — середины XV в.) также демонстрируют следование указанному канону на всех этапах подготовки и развития сражения.

Принимая решение перейти Дон, великий князь московский прежде сотворил молитву «…Яви, боже, величие свое и ныне; Господи, перемени печаль мою на радость! Помилуй меня, как помиловал слугу своего Моисея. В горести душевной возопившего к тебе, и огненному столпу повелел ты идти перед ним, и морские глубины в сушу превратил, яко владыка и господь, ты страшное возмущение в тишину обратил», а затем обратился к войскам: «Пришол, братья, время брани нашей и настал праздник царицы Марии, матери божьей Богородицы и всех небесных чинов, госпожи всей вселенной, и святого ее Рождества. Если останемся живы — ради Господа, если умрем за мир сей — ради Господа!» [15: 121]. Переправившись, как говорит нам летописная повесть, князь оградил себя крестом и помолился, говоря: «Помоги мне Господи, Боже мой, спаси меня милостью своею, виждь яко умножишася врази мои… (и далее текст псалма. — *С. З.*)» (Пс. 24: 19).

Любопытно, что уже тогда слова Александра Невского «Не в силе Бог, а в правде» широко цитировались; именно так аргументировали литовские князья свой совет великому князю Дмитрию перейти Дон и дать битву Мамаю. Этот же совет показывает, что речевое воздействие полководцев на войска рассматривалось в то время на Руси непременным атрибутом подготовки к сражению: «Тебе же, государю великому князю, ныне нужно забыть о смерти, **смелыми словами речь говорить, чтобы от тех речей укрепилось войско твое** (выделено нами. — *С. З.*)» [15: 163].

Князь так и поступил. После коленопреклоненной молитвы прямо перед черным знаменем большого полка, на котором было вышито изображение Спасителя, «сев на коня своего, стал он по полкам ездить с князьями и воеводами и каждому полку говорил: „Братья мои милые, сыны русские, все от мала до великого! Уже, братья, ночь наступила, и день грозный приблизился — в эту ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крепитесь, Господь с нами, сильный в битвах. Здесь оставайтесь, братья, на местах своих, без смятения. Каждый из вас пусть теперь изготовится, ибо гости наши уже приближаются… и утром нам с ними пить общую чашу, друг другу передаваемую, ее ведь, друзья мои, еще на Руси мы возжелали. Ныне, братья, уповайте на Бога живого, мир вам пусть будет с Христом, так как утром не замедлят на нас пойти поганые сыроядцы“» [15: 167].

В день сражения князь, «воззрев на небо с мольбою и преисполнившись скорби, сказал словами псалма: „Братья, Бог нам прибежище и сила (Пс. 45: 2. — *С. З.*)“» [7: 123], и так обратился к войску, объезжая полки: «Отцы и братья мои, Господа ради сражайтесь и святых ради церквей и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная; ни о чем, братья, земном не помышляйте, не отступим ведь, и тог-

да венцами победными увенчает нас Христос-бог и спаситель душ наших» [15: 171].

Перед тем как битва вступила в основную фазу, великий князь, очевидно, обращаясь уже к воинам из своего непосредственного окружения, произнес краткое слово: «Вот уже гости приблизились и передают друг другу круговую чашу, первые уже испили ее, и возвеселились, и уснули, ибо уже время пришло, и час настал храбрость свою каждому показать» [15: 177]. Был у русских воинов и клич, с которым войска вступали в бой — «С нами Бог!», — и еще: «Боже христианский, помоги нам!» [Там же].

Текст летописной повести и литературный текст «Сказания о Мамаевом побоище» очень близки, что, как отмечал Я. С. Лурье, говорит о том, что их авторы, создавая свои произведения, пользовались одними и теми же источниками и свидетельствами очевидцев, что придает даже литературно обработанному тексту историческое правдоподобие. Эта точность следования историческим обстоятельствам битвы проявляется в подробностях. Так, автор «Сказания» всегда подчеркивает, что великий князь, произнося речи, объезжал полки вдоль линии боевого построения, ибо только в этом случае его речи могли быть услышаны растянувшимися поперек всего поля войсками. После эпизода с объездом войск повесть не забывает упомянуть о том, что князь, готовясь к бою, пересел на своего лучшего коня. Когда воины бросаются в бой, отмечается, что «стегнул каждый воин своего коня», а согласно мнению М. В. Горелика, русское войско на Куликовом поле состояло исключительно из конницы. Эти и многие другие важные исторические подробности придают повествованию определенную достоверность и заставляют всерьез рассматривать многочисленные речи персонажей «Сказания» как произведения военной риторики русского средневековья.

Следует отметить также традиционное звучание пафоса *героической смерти* в военных речах, произносившихся русскими на поле Куликовом.

Чем объясняется преобладание пафоса *героической смерти* на протяжении всего времени борьбы русских с монголами? И почему мы не находим его в речах князя Александра Ярославича перед сражениями с западными рыцарями?

С одной стороны, можно считать, что присутствие этого вида пафоса в речах показывает всю необоримую силу монгольского нашествия, единодушно воспринимаемого современниками как гнев Божий. Военная опасность с Запада, как это следует из военных речей Александра Невского, не связывалась с угрозой неотвратимой гибели. Русские воины северо-западных княжеств, очевидно, были хорошо знакомы с боевыми качествами рыцарского войска и, скорее всего, не ставили их очень высоко. С таким врагом можно было бороться и побеждать; этим и объясняется преобладание *героического* пафоса в военных речах князя Александра.

С другой стороны, нельзя забывать, что княжеские дружинники на Руси и впоследствии поместное дворянство Московского государства так и не стали воинским сословием, подобным рыцарскому на Западе. Рыцарство как таковое оформилось, напомним, в результате *завоевательных* Крестовых походов, когда европейские народы жили в относительной безопасности от внешней агрессии и веками не испытывали всех ужасов истребительной войны на своей территории. В результате усилиями трубадуров в западной культуре сложился миф, значительно идеализирующий войну и характер воинского труда.

Совершенно иную картину мы наблюдаем на Руси. Русское воинство было вынуждено веками вести борьбу на *своей* территории, противостоя многочисленным, сильным и агрессивным соседям, воинам-кочевникам. Нашествие монголов привело фактически к полному уничтожению профессионального русского княжеского войска. Но более тяжелым было осознание невозможности выполнить воинский долг — защитить силой оружия народ от иноземных захватчиков. То, что определенная деморализация русского профессионального войска и падение его авторитета в глазах народа имели место, говорит былинный эпос. Самый могучий богатырь русских былин всегда «человек из народа», обороняющий власть, когда «русские богатыри со страху разбежались»,

т. е. разбежались именно княжеские дружинники, по долгу обязанные быть защитниками народа, как в былине «Илья Муромец и Идолище». Это унизительное сознание неспособности выполнить свой долг, соединенное с молчаливым осуждением и скепсисом народа, никак, конечно, не могло способствовать развитию гордого *героического* пафоса в княжеском сословии Древней Руси и в русской вооруженной силе. Оставалось доказывать, что при невозможности победить воины способны хотя бы умереть с честью, принести ту жертву «за други своя», которая превыше всяких других человеческих и воинских достоинств.

Все «внешнее» в свете пафоса *героической смерти* отходило на второй план. Русская воинская эмблематика так и не выросла в геральдику, а произведения жанра воинской повести в литературе оказались насквозь проникнутыми религиозным духом жертвенности. Стоит заметить, что попытки народа выполнить функции профессионального войска в столкновении с врагом, полагавшим, что «[величайшее] наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами… [в том, чтобы] превратить животы его прекрасноликих супруг в ночное платье для сна и подстилку» [13, 2, 8], были равным образом обречены.

Нельзя сказать, чтобы рыцарские черты не развивались и в русском военном сообществе домонгольского периода. Образ Ярославны из «Слова о полку Игореве» — единственный романтический женский образ древнерусской литературы и эпоса. «Приключения» храброго князя Игоря воскрешают в памяти подвиги неудержимого и безрассудного Ричарда Львиное Сердце, кстати, его современника. Трудно отрицать в условиях тесных политических и династических контактов Руси домонгольского периода с Европой знакомство княжеского сословия, вообще образованных русских людей того времени, с Крестовыми походами, составлявшими канву истории европейского средневековья, и самим феноменом рыцарства. Отголоски этих явлений доносят до нас русские былины и духовные стихи. Самым любопытным из последних является стих об Анике-воине, имя которого не случайно стало нарицательным в русской фразеологии.

В первых строках стих представляет нам храброго воина, «славного своею силою и опустошительными наездами, гордого, жестокого и самонадеянного» [9: 169]. Однако в ряду *богатырей*, равных ему силой: библейского Самсона и Святогора, Аника почему-то назван только *воином*.

Далее следует достаточно обычный для былин сюжетный ход: поиск молодцем к чему бы приложить силушку богатырскую. И вот здесь Аника исключительно оригинален и совершенно не похож на *русских* богатырей.

Как задумал Оника он ехать в Ерусалим-град:
А хочет Оника Ерусалим-город взять,
Божьи-ти церкви и под дым спустить,
Святые иконы да копьем выколоть,
Попов-патриархов под мець склонить,
Христианскую веру да **облатынити**
(выделено нами. — *С. З.*),
Злато-серебро телегами повыкатить… [1: 74].

Вместе с тем Аника — не заезжий удалец из Великой Степи, чьей целью обычно является убийство князя и «женитьба» на княгине, как, например, Кудреванищи, который

Хоцет князя Владимира под мець склонить <…>
А как кнегиню Опраксею за себя хоцет взять
[1: 507].

Иногда былины еще определеннее указывают на «непотребство» степных хищников:

Сидит Издолишше поганое,
На коленях держит матушку Апраксию,
Руками бродит под подолами [14: 354].

Аника-воин отличается от них, как видим, прежде всего сребролюбием и желанием христианскую веру «облатынити». Из сказанного следует со всей очевидностью, что в Анике-воине русским народным сознанием отражен образ западного (латинского) рыцаря-крестоносца. Попутно заметим, что это допущение позволяет даже датировать возникновение стиха, которое, по всей видимости, могло произойти не раньше взятия крестоносцами Константинополя. Именно отсю-

да возникает это «смешение» названий городов и целей походов: после разорения и ограбления христианской православной столицы цель западного воинства в отношении святынь Гроба Господня и Иерусалима стала восприниматься на Руси как откровенно грабительская и прозелитическая. Отражен в стихе и безрезультатный исход Крестовых походов, понимаемый как наказание за гордыню и самоуверенность.

Поехал Ника-воин в Ерусалим-град:
Победить и церкви ограбить.
Там Господень гроб на воздусях.
А Господь не допустил, вишь, —
И послал Смерть навстречу… [3: 477].

В схватке со Смертью, которая (редкий случай для русских былин, предпочитавших обходиться в этих случаях эвфемизмами) названа своим собственным именем, оказывается тщетной сила, рыцарская гордость и самонадеянная кичливость Аники-воина. Само описание Смерти как Чуда на конских ногах, с туловищем звериным и длинными волосами весьма напоминает дикого всадника. В этого своеобразного «кентавра» вполне мог трансформироваться образ монгольского кочевника, большую часть жизни, по свидетельствам современников, проводившего в седле. В этом сюжетном ходе, надо полагать, подспудно присутствует скрытая издевка над профессионализмом и сословной гордостью рыцарства, не сталкивавшегося с настоящей, действительно смертельной опасностью в лице монгольского нашествия, борьба с которым выпала на долю русского народа.

Итак, стих демонстрирует активное неприятие народным сознанием западной модели воинского сословия (рыцарства). Это скептическое отношение народа к профессиональному воинскому сословию и послужило, на наш взгляд, главной причиной того, что русское воинство раз и навсегда приняло эпитет «христолюбивого», а *героический* пафос в военных речах надолго уступил место пафосу *героической смерти*.

***

В развитии военной риторики Руси мы видим очень интересную последовательную смену *героического* пафоса *национальным*, затем, в период монголо-татарского нашествия, сменившимся пафосом *религиозным*. Возрождение национального пафоса в военных речах начинается со времени собирания русских земель вокруг Московского княжества и проявляется в речи великого князя Дмитрия Ивановича, обращавшегося к воинам не только традиционно «братья мои милые», но и особо выделяя «сыны русские».

Сложившийся в этот период воинский риторический канон сочетал обращение полководца к войску с жанром воинской молитвы, который почти всегда строился на псалмах, именах или сюжетах ветхозаветной истории.

Обращения к воинам, исполненные религиозного пафоса, лексики и фразеологии, мало чем отличались от жанра военной проповеди, распространенного в западной военной риторике. Русские военачальники обычно призывали воинов оставить заботы о земном существовании и «прошлой» жизни, очистить душу, настроить сознание на перенесение тягот воинской страды. Значительное место занимал и показ справедливости целей борьбы против врагов, в адрес которых распространенной практикой было применение инвектив. Эти инвективы также немало говорят о характере и степени опасности, которые те или иные противники представляли для русских. Против западных воинов, воспринимаемых как врагов веры, применялись возвышенно-религиозные инвективы (народ гордый, Амалик), в то время как против монголо-татар инвективы по большей части основывались на национально-бытовом неприятии (поганые сыроядцы, т. е. язычники, поедающие сырое мясо). Любопытно, что в русских воинских повестях о нашествии Мамая последний всегда упоминается с эпитетом «безбожный». Несмотря на то что Орда с первой четверти XIV века уже была мусульманской, русское народное сознание по-прежнему воспринимало татар, как и во времена Батыя («безбожныя татарове»), язычниками.

Таким образом, *религиозный* пафос русских военных речей оказывается таковым только по форме, по духу же он значительно ближе к пафосу *национальному*. Народное сознание не случайно приписывало Мамаю замысел *завоевания*

территории Руси: «Я не хочу так поступить, как Батый, но когда приду на Русь и убью князя их… тут и осядем, и Русью завладеем…» [15: 135].

Однако в речах не наблюдается мотива разжигания ненависти к противнику. Дух русских военных речей возвышенно печален; он чем-то неуловимо напоминает народные песенные «страдания». Даже готовясь к схватке с татарами-сыроядцами, русский князь, видимо осознавая всю трагичность готовящегося массового человекоубийства, замечает: «… нам с ними пить общую чашу, друг другу передаваемую». Образ это восходит, очевидно, к евангельскому сюжету (Мф. 26: 39; Лк. 22: 42; Мк. 14: 36) о молении Христа перед вступлением на крестный путь: «Да минует меня чаша сия!» Подобное настроение очень характерно для русского военного человека средневековья. Еще в «Слове о полку Игореве», наряду с инвективами в адрес врагов «черный ворон, поганый половчанин», встречается и горько-отстраненное «сватов напоили, и сами полегли…». Не в этой ли преимущественной нацеленности русских военных речей на подготовку души воина к вечности, а не на мобилизацию всех его духовных и физических сил на разгром врага заключается одна из причин такой высокой кровавой цены, которую вынуждена была платить Русь за свои победы? Об этом предоставляем судить читателю.

Чрезвычайно важно то, что, в отличие от западной практики подготовки войск к сражению, в русском войске не наблюдалось разделения речевых функций духовенства и военного командования. Нигде в источниках мы не находим упоминания о проповедях духовных лиц, как не находим указаний и на то, что священнослужители сопровождали войско в походе. Благословение великого князя московского Дмитрия Ивановича преподобным Сергием состоялось при выступлении войска в поход, а иноки Пересвет и Ослябя сражались в общем строю как простые ратники. **Русские князья, в отличие от западных полководцев, объединяли в своем лице функции духовных и военных ораторов.** Пример личного благочестия возгревал нравственное чувство в воинах, а личный пример полководца, стоявшего в первых рядах сражающихся, питал боевой дух войска и подкреплял истинность сказанных им слов. Это, как правило, давало замечательные результаты.

Высокую эффективность русской военной риторики в деле религиозно-нравственного воспитания и формирования морально-боевого духа войск иллюстрирует тот факт, что русские, потеряв 5/6 всего войска [15: 187], не только сохранили боеспособность, но выстояли и одержали победу в Куликовской битве. Причем даже после такого изнурительного сражения воины, собираясь к знаменам, «шли весело, ликуя, песни пели: те пели богородичные, другие — мученические, иные же — псалмы, — **все христианские песни** (выделено нами. — *С. З.*)» [15: 185].

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым: В 3 т. Т. 3 / Под ред. А. А. Горелова. СПб., 2003.
2. Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 236–426.
3. Духовные песни Обонежья (По матер. экспедиций 1926–1932 гг.) / Публ. Л. И. Петровой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4–5.
4. *Еремин И. П.* К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 12. Изд-во АН СССР, 1956. С. 28–34.
5. Житие Александра Невского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.С. 426–440.
6. *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко. М., 1968.
7. Летописная повесть о Куликовской битве // Памятники литературы Древней Руси. XIV— середина XV века. М., 1981. С. 112–132.
8. Литература трагического века России // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 5–28.
9. *Петрова Л. И.* Стих об Анике-воине. Материалы к исследованию // Русский фольклор. Т. 33. СПб., 2008. С. 168–180.
10. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978. С. 23–279.
11. Повесть о битве на Липице // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 114–128.
12. Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 184–200.
13. *Рашид ад-Дин.* Сб. летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952.
14. Свод русского фольклора: В 25 т. Былины Печоры. Т. 1. СПб.
15. Сказание о Мамаевом побоище // Памятники литературы Древней Руси. XIV— середина XV века. М., 1981. С. 132–190.
16. Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 373–389.

ЗАСЕДАНИЕ КАФЕДРЫ В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ К. А. РОГОВОЙ

DEPARTMENT MEETING IN HONOUR OF KIRA A. ROGOVA'S JUBILEE

В феврале состоялось заседание кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, посвященное юбилею почетного профессора СПбГУ Киры Анатольевны Роговой. На заседание была приглашена Елена Семеновна Чижова — автор романа «Время женщин», отмеченного Букеровской премией. Обсуждение таких произведений доставляет обоюдное удовольствие и автору, и читателю, особенно если это читатель-филолог. С этого и начал свое вступительное слово директор Института русского языка и культуры, заведующий кафедрой русского языка как иностранного и методики его преподавания Евгений Ефимович Юрков.

Е. Е. Юрков: Дорогие коллеги, друзья! Сегодня у нас очень солнечный день. Он солнечный и по погоде, светит уже почти весеннее солнце, и потому что это день Киры Анатольевны, очень дорогого нам всем человека: замечательного учёного, коллеги-преподавателя, просто прекрасного человека и необычайной женщины, я говорю это от всех мужчин. Но Кира Анатольевна не была бы Кирой Анатольевной, если бы мы только поздравляли её и не было бы ничего трудового, рабочего. Поэтому мы решили попросить Киру Анатольевну и уважаемую Елену Семёновну оказать нам высокую честь, чтобы мы ещё и приобщились к тому прекрасному, без чего немыслима наша профессиональная жизнь и жизнь человеческая, к литературе, которая объединяет нас, лингвистов, филологов, с жизнью. Я не знаю ни одного известного мне современного лингвиста, который так увлечённо и так профессионально обращался бы к литературе, и именно к литературе современной. Вы знаете, что у нас, лингвистов, очень часто так получается, к великому сожалению, что мы увлекаемся всё больше классикой, но если мы не будем читать современную литературу, если не будем интересоваться её судьбами, то, думаю, и интерес к классике постепенно угаснет. И поэтому я очень и очень рад, что мы начинаем сегодняшнее заседание с нашей родной литературы.

К. А. Рогова: Спасибо. Я думаю, что мы все должны быть очень рады, что Елена Семёновна согласилась прийти к нам сегодня. Я хочу сказать несколько слов, поскольку филологи не могут без вступления. Мы все, наверное, очень хорошо помним, как в 1991 году Виктор Ерофеев выступил с огромной статьёй, сказав о том, что вообще-то русская литература вроде как и умирает. Но вот прошло 20 лет, и ни один толстый журнал не закрылся, литература печатается, и не только в журналах. Стоит войти в «Дом книги» или в «Буквоед», и мы видим огромное количество красивых, ярких, интересных, хорошо аннотированных книжек.

Есть ещё один момент: я обратила внимание, поскольку каждый день езжу в метро, — почти перестали читать детективы. Я очень хорошо помню, как в 1990-е годы они были у всех в руках (не буду называть всем очень хорошо известные фамилии). Я подумала, может, это мне показалось, но тут я прочитала, что если десять лет назад книг Акунина главный московский книжный магазин «Москва» продал 13 тысяч экземпляров, то сейчас, за последний год, — 4. Вы видите, это значит, читают другое. Читают интересную, новую, современную литературу. И ещё один такой момент очень много оказалось премий. Во-первых, конечно, это «Русский Букер». С 2000 года он входит в ряд премий международных. В 2004

году — и наш университет принимал в этом участие — был введён «Студенческий Букер». Затем появилась «Большая книга», прекрасный пример того, что, награждаться могут произведения самых разных жанров. Наверное, вы обратили внимание: в прошлом году ею была награждена очень интересная книга Павла Басинского, посвящённая Льву Толстому. Существует наш «Национальный бестселлер», который идёт под заголовком «Проснуться знаменитым». В прошлом году он был присужден петербургскому писателю, театральному художнику Эдуарду Степановичу Кочергину за книгу «Крещённые крестами». Я думаю, что большинство её знает, если нет, то наверняка вам будет интересно её прочитать. И вот сейчас я ещё узнала, что есть ещё одна премия, которая называется «НОС». Это Прохоровы, издатели «НЛО», «Нового литературного обозрения», ввели такую премию: «Новая социальность & новая словесность». Первые премии уже вручены, в этом году её получил Сорокин. Мы можем по-разному к этому относиться, но дело в том, что вы видите, какое у нас количество замечательных писателей, достойных премий. Ясно, что всё-таки наша русская литература позиций не сдаёт.

Но среди этих премий, наверное, одно из первых мест принадлежит «Букеру». Елена Семёновна, мы рады, что Вы оказались лауреатом этой премии, потому что, полагаю, большинство из тех, кто читал эту книгу, согласятся, что «Время женщин» — это настоящее событие. И то, что эта книга была отмечена, наверное, это было сложно для жюри, потому что эта книга — в какой-то мере действительно новая словесность. Я могу даже потом сказать, почему я так думаю. Мы очень Вас просим, расскажите нам немножко о себе.

Е. С. Чижова: Спасибо. Я присоединяюсь к поздравлениям Киры Анатольевны. Я очень рада Вас сегодня поздравить.

Что касается моего сегодняшнего выступления, честно говоря, я не думаю, что в этой аудитории мне стоит рассказывать о своей жизни. Во всяком случае, в подробностях, которые никому, даже мне, уже не очень интересны. В двух словах могу просто сказать, что моя жизнь проходила более или менее вот на этом пятачке, который находится по ту сторону Невы: родилась я на Театральной площади, жила на улице Союза Связи, нынешней Почтамтской, там моя 238-я школа, а значит, и «Крошки Цахес». С этой стороны Невы Библиотека Академии наук, в которой я некоторое время работала, что более или менее подробно описано в «Полукровке», правда, книг не воровала, но видела, как это делается. Правда, с этой же стороны Невы у меня произошёл один, как теперь говорят, «облом»: в 1974 году меня не приняли в замечательный Государственный университет, поскольку для того времени у меня оказалась неподходящая анкета. Частично это также описано в «Полукровке», хотя все остальное в этой книге, я имею в виду «подменённую» анкету, — это не моя история. На этом пятачке происходило и многое другое, но все более или менее существенное мною уже описано в моих книгах, в которых многое опирается на события моей биографии, хотя и не сводится к ним. Могу сказать и больше: в большинстве случаев это биографическое сходство в каком-то смысле видимость, в чём любой читатель может легко убедиться: даже хронологически: я не могла одновременно находиться и в том психологическом состоянии, которое описано в «Полукровке», и одновременно в том, которое описано в «Лавре». То есть это, в общем, в значительной степени вымысел. Что касается этой аудитории, меня значительно больше вдохновляет, если бы мы с вами поговорили, скорее, о литературе. Поэтому если Кира Анатольевна задаст мне какие-то вопросы, касающиеся моих книг, я с удовольствием на них отвечу. Если возникнут у кого-то вопросы в зале, я тоже отвечу на них с огромным удовольствием.

К. А. Рогова: У меня первый вопрос такой. Книга «Время женщин», которая, наверное, привлекла моё внимание и к другим Вашим произведениям, очень сильно отличается от тех книг, которые Вы писали раньше. Может быть, Вы бы рассказали историю создания этого текста? Поскольку мы все лингвисты, то, конечно, чрезвычайно интересно, как удалось передать тот язык, которым написана эта книга, как его можно было усвоить, удержать в себе. Он совершенно другой по сравнению с остальными Вашими книгами.

Е. С. Чижова: Спасибо. Вот этот язык, о котором сказала Кира Анатольевна, наверное, больше всего бросается в глаза именно во «Времени женщин», потому что действительно он каким-то образом выбивается из ряда, если иметь в виду другие мои книги. Но я должна сказать, что каждый раз начиная новый роман, первое, что я всегда пытаюсь сделать, это нащупать, точнее, расслышать звук того времени, о котором собираюсь писать. И в этом отношении для меня абсолютно ясно, что языковое звучание «Лавры» совершенно отличается от звучания «Крошек Цахес», от звучания «Полукровки». И, конечно, отдельно в этом списке стоит «Время женщин», потому что действие происходит в начале 1960-х годов.

Я ещё, наверное, краем застала время, когда в Ленинграде жили люди, чей язык формировался не под влиянием телевидения, а как некое соединение каких-то фольклорных, может быть, евангельских элементов. Конечно, и под влиянием радио, которое постоянно играло почти в каждой квартире и привносило в живую речь какие-то клише и советизмы. Они тоже становились элементами живой речи. Язык бабушек, который я пыталась показать во «Времени женщин», это тот язык, на котором я разговаривала в детстве. В то же время сама история «Времени женщин», конечно, вымышлена. Никаких трёх бабушек у меня не было, я выросла в самой обычной семье. Но у меня была прабабушка Копусова Евдокия Тимофеевна. В трёх книжных бабушках отразились её разговоры, какие-то стороны её жизни, какие-то биографические обстоятельства. В сущности, этот язык и был языком моего детства, поскольку я не ходила в детский сад, а она разговаривала со мной именно на этом языке. И я должна сказать, что я сильно удивилась, когда пришла в школу и поняла, что все вокруг разговаривают как-то по-другому. То есть не так, как я привыкла. Первое полугодие первого класса меня это всё ещё удивляло, но потом я, конечно, как все нормальные дети, перестроилась и стала разговаривать точно так же, как и все остальные, и всю оставшуюся жизнь я, естественно, говорила на «нормальном» русском языке. Тем не менее тот язык, те интонации, фразы, пословицы, поговорки, даже ругань (ругали меня в детстве тоже совсем не теми словами, которыми принято ругать нынешних детей), то есть вся атмосфера в доме, эти рассказы о блокаде, эти воспоминания, видимо, где-то во мне остались, потому что года три назад мне начало это сниться. Я просыпалась ночью и понимала, что в течение нескольких последних часов (или секунд, не знаю, как движется время во сне) во мне сидят три старухи и всё время разговаривают именно на этом языке. Однако прошло довольно много времени, действительно, наверное, несколько месяцев, и я стала себя ловить на том, что хожу и мысленно строю какие-то их диалоги. И этот язык продолжает во мне звучать. Но только через полгода, поскольку это очень отличалось от того, что я делала до этого, я вдруг поняла, что, собственно, пишу новый роман. Этот механизм, когда во мне включается какой-то языковой слух, когда я слышу «ноты», ощущаю движение языка, — он включается всегда, когда я начинаю писать новый роман. Так начались «Крошки». Таким же образом началась и «Лавра»: я шла по Дворцовому мосту и неожиданно почувствовала какое-то жжение в пальцах и услышала первую фразу «Лавры». И когда я услышала первую фразу, я поняла, что «поймала звук». И у меня мгновенно появилось ощущение, что, в сущности, всё, книга готова. Остается только сесть и написать. Вот такая странная вещь. Потом я, конечно, писала «Лавру» два с половиной года, писала и переписывала. И позже для книжного издания внесла значительные правки. Книга отличается от журнального варианта. Но это всё для меня более или менее нормальная работа. Самое трудное — уловить. Когда мне удалось уловить звук «Времени женщин», дальше всё пошло более или менее просто, собственно, потребовалось только написать… То, что в результате опубликовано, кажется, шестой вариант, но тем не менее это уже работа. Если в этот естественный язык погружаешься, то потом в нём чувствуешь себя очень легко, как в каком-то абсолютно родном пространстве. Похоже, это не только мое ощущение. Сейчас «Время женщин» ставит московский театр «Современник», заканчивает репетиции. Спектакль они выпускают в начале апреля. Всё

это делает молодой режиссер Егор Перегудов, который сам выбрал эту книгу и сам написал инсценировку. А наш БДТ только начинает репетиции в апреле. У нас, в Петербурге, спектакль ставит Геннадий Рафаилович Тростянецкий, и у него получается большой спектакль, с множеством действующих лиц. Знаю это доподлинно, потому что с Геннадием Рафаиловичем инсценировку мы писали вместе, вместе погружались в стихию того языка, на котором в те времена разговаривали люди, чей слух ещё не был настолько испорчен телевидением — этим общим телевизионным «звуком». Вот что я могу сказать о языке «Времени женщин».

К. А. Рогова: Как Вам удалось построить этот текст многомерно? Дело в том, что речь идёт действительно о трёх старушках, которые без конца разговаривают между собой:

> — Ох, — Гликерия сахару кускового досыпает, — ладно, молчит пока (говорит она о девочке, которая пока не разговаривает. — *К. Р.*). А заговорит — про отца ведь спросит. Евдокия губы поджала:
>
> — Пусть у матери своей спрашивает — мать-то на что?
>
> Ариадна оглядывается, щипчики ищет.
>
> — Сколько лет прошло… Так ни разу не появился. Видно, непорядочный человек.
>
> — А может, помер уже?..
>
> — Помрет он, жди-дожидайся, — Евдокия сухарь макает, размачивает. — Такие-то кобелины долго живут.
>
> — Да ладно тебе, — Гликерия за него заступается.

То есть даже не маркируется, кто говорит: Ариадна сейчас, потом Гликерия или Евдокия. Но язык каждой настолько специфичен, что мы действительно слышим этот диалог. И ведь это диалог не только о том быте, которым живут эти люди в своих коммунальных квартирах. Это проходит вся жизнь: здесь ведь об отце девочки пошла речь, и мы знаем только, что нашу героиню соблазнил молодой человек, Григорий, а потом исчез. В этом смысле кто-то даже сравнивал Ваше «Время женщин» с «Москва слезам не верит». Хотя это совершенно разные вещи. И вот он исчез. И на протяжении всего текста вы всё время чего-то ждёте. Об этом Григории не думаешь почему-то, что он такой «кобелина», а начинаешь достраивать ту действительность, которая могла привести к этому разрыву.

Значит параллельно идёт и эта линия, которая наполняет текст тем, наверное, что называется фоном. Но на самом деле это не фон, это то, чем жили люди всё то время. И даже когда этих бабушек не касались какие-то страшные события нашей жизни, всё равно они жили в этой атмосфере. Поэтому и появляется тема Григория, затем тема матери девочки. Тоже хотелось бы прочитать здесь, для тех, кто ещё не знает книги, её рассуждения, но это невозможно, и её рассуждения, — она умирает от рака, — её мысли о том, как бы она хотела пожить при коммунизме. И вы знаете, это каким-то образом сильно действует. Казалось бы, риторика, но на самом деле, наверное, всё-таки мечта.

Вот как Вы смогли соединить развитие этого бытового сюжета — три бабушки воспитывают девочку, оставшуюся без родителей, да ещё и не говорящую, хотя всё понимающую, — с теми событиями, которые из бытового сюжета переводят нас в этой книге в глубокий многомерный сюжет жизни людей того времени?

Е. С. Чижова: Спасибо большое. Страшно интересный вопрос. Вы знаете, последнее время меня почему-то несколько раз спрашивали о том, каким образом мне удаётся создавать эти многомерные пространства. И для меня первое время это было некоторым, не знаю как сказать, удивлением. Я ведь, как говорится, из другого угла, я ведь не филолог. Я училась ночами, сама, читала сотни томов литературы и так далее, и, похоже, мне просто никто не сказал, что можно писать как-то по-другому. Понимаете, просто никто не сказал. Никто не пришёл и не сообщил, что на дворе постмодернизм. Поэтому я довольно долго, отсиживаясь в своём углу, пребывала в убеждении, что, напротив, когда дело касается «уровней повествования», сильно не дотягиваю. Но представить себе, что литература — теперь я говорю уже серьезно, — пишется для того, чтобы рассказать житейскую историю: кто-то там учился, родился и женился, вот этого я просто не могу принять. Потому что такая литература меня никогда не интересовала. Для меня, как и для каждого пишущего человека, в мировой литературе

существуют образцы (речь не о том, что я до них «дотягиваю», но, как бы то ни было, эта иерархия для меня существует). Во главе этой иерархии литературы XX века стоят великие немецкие романы Генриха Гессе и Томаса Манна. И представить себе, положим, какую-нибудь «Волшебную гору» в виде простого и «одномерного» рассказа о жизни может лишь до такой степени литературно невинный человек, что об этом незачем и говорить. Для меня это очень важно: это иерархическое представление о мире, о литературе, о том, ради чего, собственно, и стоит жить. К сожалению, это понимание после 1991 года куда-то ушло. Как это бывает всегда, после любой революции, потому что происходит сильнейший культурный откат. И, наверное, это закономерно, потому что на передний план выходят люди с другой структурой сознания, люди, у которых сознание не столько глубокое, сколько очень быстрое, обладающее другими свойствами. Человеку, вступающему в битву на поле жизни, требуется комбинаторика, обеспечивающая быстрые реакции и решения. Он должен крутиться и вертеться, просчитывая разные варианты, чтобы эффективно взаимодействовать с внешним миром. И эти очень глубоко проработанные российской интеллигенцией, советской интеллигенцией, или, если угодно, антисоветской, как угодно называйте, начиная, наверное, с 1950-х годов, представления о том, что литература по самой своей природе должна быть иерархична, исчезают, чтобы, я очень надеюсь, после некоторого перерыва вернуться обратно. Так было всегда. Мне кажется, что теперь они возвращаются. Такое отношение к литературе — это то, на чём я выросла, потому что все мои друзья, филологи и так далее, люди старше меня, мои учителя, всегда говорили мне, что писать стоит только ради этого. То есть если начинаешь писать «просто историю», — это журнал «Юность». Но если хочешь сделать что-то более или менее важное, тогда надо представлять себе, что любое слово, любой персонаж, который появляется в твоей книге, должен и в голове и в сердце автора одновременно существовать на трёх уровнях. Для себя я называю эти уровни «верх», «земля» и «низ». Это — не мое открытие. В литературе это было всегда. И не только в литературе. Это тот стержень, на котором держатся все сокровенные смыслы. Я не знаю, насколько мне это удаётся делать, не знаю, в каких из моих книг это удалось лучше, а в каких нет. Но, во всяком случае, когда я писала «Время женщин», важнейшим подспудным слоем, на котором я всё время находилась, когда писала эти характеры, была история Советского Союза. И эти характеры рождались из этой истории. Еще одним слоем был русский фольклор. В частности, меня очень интересовало, каким образом традиционные русские фольклорные тексты преломились в большевистской коммунистической пропаганде, как идея фольклорного «русского рая» соединилась с темой «коммунистического рая», в значительной степени выстроенного на всех этих образах «молочных рек и кисельных берегов». Никакой научностью и тем более реальностью эти мифологические мечты не объясняются. Я уж не говорю о том, что основные сюжетные повороты, которые легли в основу этой книги, это, собственно, структура волшебной сказки: угроза похищения ребёнка, увод его в лес, мёртвый муж на свадьбе жены и т. д. Профессионалы, собравшиеся в этой аудитории, при желании могут проследить по тексту. Короче говоря, «Время женщин» — это абсолютно не коммунальная история. Это не история девочки и её бабушек. Для меня это некий совокупный образ «сказочной страны», в которой вместо нормальных сказок, но на их основе, начали работать страшные и преступные коммунистические мифы. Созданием этого образа, наряду с другими чисто «литературными» задачами, я и занималась.

На это и ушло два года, а, конечно, не на то, чтобы просто сочинить историю про девочку и её умершую маму. Я не знаю, каким образом пишутся такие бытовые истории, но мне кажется, что их написать легче. Но перед собой я одновременно ставила и другую задачу: мне хотелось запрятать поглубже все эти подспудные смыслы. В какой-то степени, замести следы. Чтобы дать возможность тем людям, которые не имеют об этом ни малейшего понятия, прочитать эту историю как рассказ о спасении маленькой девочки. Спасении ее души. Так я могу ответить на Ваш вопрос о многослойном мире

«Времени женщин», не тронутом искусами постмодернизма. Я вообще полагаю, что этот искус, это плоское восприятие мира, в котором нет иерархии и где главенствуют сиюминутные смыслы, сейчас стремительно уходит в прошлое, как и любой изживший себя соблазн. Это заметно по той литературе, которая сейчас публикуется и читается. Я думаю, что на Западе это уже совсем ушло. Во всяком случае, последние серьёзные западные книги, которые мне удалось прочитать, — это уже совсем не постмодернистские игрушки. И мы, я думаю, тоже к этому идём. В ближайшее время появится другая литература. А если не появится, тогда наступит культурная катастрофа. Недавно я перечитала Трифонова, и поняла, что если читатель не обладает этим более или менее сложно структурированным сознанием, если он не понимает, что находится «под текстом», если он читает книгу как плоский, одномерный текст, Трифонова он просто не в состоянии прочесть. Читая Трифонова, я вспомнила одну замечательную сцену из фильма Куросавы «Под стук трамвайных колёс». Думаю, вы все помните: отец с маленьким сыном живут на помойке и питаются отбросами, но мечтают о доме с огромным бассейном. А потом мальчик умирает. Как вы помните, он отравился гнилой рыбой. И дальше режиссёр делает абсолютно потрясающую штуку: отец сидит над могилой сына, идёт дождь, и могила залита водой. Камера скользит вниз, а дальше делает рывок и происходит что-то необыкновенное: перед глазами отца разверзается огромный бассейн, о котором они с сыном мечтали. Для меня это и есть точка, в которой соединяются все смыслы этого иерархического стержня. Что-то подобное все время я вижу у Трифонова: ты читаешь и остро чувствуешь, как быстро начинают подниматься внутренние глубинные смыслы. И если мы с вами, не дай Бог, доживём до того времени, когда у нас вообще не будет носителей структурного сознания, то я думаю, что литература действительно закончится. Во всяком случае, та вменяемая литература, которая действительно строится на идее иерархии. Поэтому пока жива, буду стараться в этом направлении работать.

К. А. Рогова: Может быть, у кого-нибудь есть вопросы?

Вопрос из зала: В январе в газете «Невское время» была напечатана рецензия, хотя рецензией я бы это не назвала, написанная неким господином Ильченко на Ваш роман «Полукровка». В этой рецензии он обвинил Вас в том, что Вы фальсифицировали историю 1970–80-х годов и оклеветали целое поколение. Не могли бы Вы это прокомментировать.

Е. С. Чижова: Я это читала, я это помню. Знаете, у меня возникло двойственное впечатление от этой рецензии. С одной стороны, в таком жанре, который избрал рецензент, надо, как говорится, «тщательнее работать». Если уж человек берётся на голубом глазу доказывать, что в Советском Союзе государственного антисемитизма не было, это надо делать по-другому, во всяком случае, не прокалываться на каждом шагу. То есть фактическая сторона этой рецензии, на мой и не только на мой взгляд, смехотворна. К счастью, не все, живущие ныне, беспамятны. Я не знал и не видел — не довод. Живя в СССР, такие вещи надо было знать. Скажу же я о другом, о том, что меня действительно беспокоит. Ведь в каком-то смысле этот самый Ильченко писал свою рецензию от сердца. То есть для меня эта проблема значительно шире темы фальсификации прошлого, нашей трагической истории.

Я думаю, что не существовало в Советском Союзе одного единого народа (естественно, речь сейчас не о национальном аспекте). А было два народа. Впрочем, как и сейчас. Один — большой, другой маленький. Называйте его как угодно: можно интеллигенцией, можно просто умными людьми, или зоркими, знающими, видящими, честными, думающими и так далее. И были у этих «народов» две разные реальности, если угодно, две разные страны. И были, и есть. Это тоже проблема формирования сознания. И поныне сознание «огромного народа» формируется всеми теми способами, которыми оно формировалась в СССР. К счастью, конечно, в более мягком варианте. И не последнюю роль в этом играло и играет телевидение. Для людей, верящих «в телевизор» и сейчас, в стране тишь и благодать. Кто жил в советское время, помнят, что структура сознания большинства людей была абсолютно мифологи-

ческой. Официальное слово перешибало любую реальность. Больше того, давало индульгенцию, позволяющую с чистым сердцем оставаться глухим и слепым. Увы, похоже, к этому «огромному народу» Ильченко принадлежал и раньше, принадлежит и теперь. Об этом можно судить по его лексике, построенной на советских пропагандистских клише. В то время как любой нормальный человек — не диссидент, не герой, не «антисоветчик», а просто нормальный человек — понимает, что государственный антисемитизм в Советском Союзе был. Все знают антисемитские кампании конца 1940-х — начала 1950-х. Об этом говорят даже по телевизору. А уж в этом университете знают доподлинно, как поступали сюда люди в 1970-е годы и как их сюда не брали с несоответствующими государственной политике анкетами. Это всё абсолютно всем известно. Если господину Ильченко это неизвестно, значит, он жил в другой стране. С позиции таких людей, конечно, всё, о чем я говорю в «Полукровке», это полная муть и безобразие — все эти разговоры о том, что ну кто-то там сидел, ну кто-то там «по анкетам» пострадал, а кому-то там сгубили жизнь за то, что он был на оккупированной территории.

К. А. Рогова: Вы знаете, может это не совсем так. Я должна сказать, что моя коллега, которая тоже принимала вступительные экзамены по немецкому языку, начав читать эту книгу, сказала: «Нет, я не буду. Мы этого не делали». Вы знаете, у людей, старшего поколения, может быть, проживших и перенёсших те ситуации, всё-таки живёт чувство самосохранения. Хочется от чего-то отказаться. Я не знаю, каким словом это назвать. Думаю, что Вы очень хорошо это описали в своей статье о Гранине. Это не совсем криводушие, это какое-то внутреннее тревожащее состояние.

Е. С. Чижова: Я так и сказала. И сказала абсолютно искренне. Думаю, это такое внутреннее состояние. Конечно, существуют защитные механизмы. Но для меня суть дела не в этом. Знаете, если вы читали мою статью о Гранине, там я говорила, в частности, о том, что не стану разбираться с поколением отцов, а тем более судить их своим нынешним судом. Для себя я говорю так: бóльшая часть того, что происходило при советской власти, совершалось под пыткой. Нельзя и невозможно говорить об этом, разделяя тот мир на белых и черных. Но Ильченко — человек моего поколения. Нас в этом смысле никто не пытал. Мы имели возможность читать самые разные книги, а не только смотреть телевизор. И «самиздат» и «тамиздат» ходили по рукам. Я не брошу камень в человека старшего поколения, если он или она пытается себя защитить, построить лично для себя этот механизм защиты. Но Ильченко и иже с ним не защищаются, а обвиняют. И обвиняют громко, во всеуслышание. Они хотят, чтобы им верили наши дети. Они учат этой лжи молодых. Мои учителя, и об этом я тоже писала в статье о Гранине, к счастью, были другими.

К. А. Рогова: Пожалуйста, ещё вопросы.

Вопрос из зала: Мы Вас внимательно слушали и все согласны с тем, что звук, звучание — начало творческого процесса. Скажите, пожалуйста, а вот Киру Анатольевну Вы как слышите?

Е. С. Чижова: Вы знаете, на этот вопрос мне очень легко ответить. Могу вам сказать, что у меня создалось такое впечатление, будто мы с Кирой Анатольевной, судя по звучанию и интонациям её голоса, даже жили в одном доме. Да, точно… Думаю, что Кира Анатольевна имеет какое-то отношение к моему родному адресу Театральная площадь, дом 6.

К. А. Рогова: Там жила моя тётя Маруся.

Е. С. Чижова: Я даже больше скажу. Послушав Киру Анатольевну, я могу предположить, что это была квартира 12.

К. А. Рогова: Точно.

Е. С. Чижова: Точно? А я жила в десятой. Так что, в этом смысле, мы с Кирой Анатольевной с одной лестницы. Как говорится, из одного угла. Правда, раньше мы этого не знали. Но знаете, если говорить серьёзно, я не стану сейчас импровизировать и рассказывать о жизни Киры Анатольевны, хотя могу себе её жизнь представить. Но по многим интонациям, по тому, как Кира Анатольевна строит предложения, по мимике, по тому, какие темы представляются ей важными, я могу, послушав её, написать какое-то близкое к правде повествование о её жизни: как она росла, как училась, как она преподавала, как она любит своих учени-

ков, рассказывает им о том, что ей самой представляется самым важным. Да, действительно, в звуке её голоса это всё есть.

Вопрос из зала. Перед этим Вы объясняли нам, какая литература Вам нравится — многоплановая, многоярусная — и какая Вам не нравится. Можно ли в качестве примера не нравящейся Вам бытовой литературы (родился, женился, умер и так далее) привести «Повести Белкина» Пушкина?

Е. С. Чижова: Вы знаете, я, конечно, никакой не специалист по Пушкину. Во всяком случае, уж здесь-то в этом зале по сравнению со мной вообще присутствуют одни специалисты. Но я читала множество исследований, посвящённых Пушкину. В частности, тому, как и из каких источников — в частности, из западно-европейской литературы, рождались его замыслы. Но не только, а ещё из его глубокого интереса к истории России. И из тех трагических событий, свидетелями которых он оказался. Из его чувства Божьего присутствия на земле. И не только Божьего. Инфернальный уровень жизни был ему равно внятен. Все эти глубокие слои по-разному преломлялись в его произведениях, иногда подспудно, но они присутствовали всегда. Иногда более прикровенно, как, например, в «Повестях Белкина», а иногда почти что явно, как, например, в сказке о «Золотом петушке». Рискну сказать, что многослойность замысла и его претворения — это и есть суть пушкинской прозы. И именно это — а не бытовая сторона сюжета — захватывает читателей теперь уже многих поколений. Возвращаясь к теме «бытописательства» в современной литературе, приведу пример такого рода прозы, замечательно написанной, порой просто блестяще. Это проза Улицкой, которая лично мне не близка, но писательница прекрасно работает в этом жанре. Во всяком случае, то, что она делает в «Казусе Кукоцкого», особенно в первой трети, с моей точки зрения, дает блестящий результат. Я специально взяла хороший пример, чтобы мы с вами не говорили о структурных игрушках вроде прозы Акунина, которые делаются просто из головы, складываются как из кубиков. Я взяла именно хороший пример. И для меня Улицкая, притом, что я отдаю ей должное как очень хорошему, умелому и серьёзному писателю, может выступать в качестве примера автора той прозы, которая лично мне не близка, при всем моём уважении к автору.

К. А. Рогова: Расскажите нам, пожалуйста, что Вы сейчас делаете?

Е. С. Чижова: Я только что закончила новый роман, точнее, заканчиваю. Осталось совсем немного. Этот роман называется «Терракотовая старуха». Действие происходит в двух временах: одно — нынешнее. Главная героиня — специалист по русскому языку и литературе. В свое время она закончила Герценовский институт, и теперь зарабатывает репетиторством, натаскивает школьников к ЕГЭ. А второй временной пласт, к которому она всё время мысленно обращается, это начало 1990-х годов, начало становления «нового русского капитализма». В те времена ей пришлось, как и многим нашим женщинам, уйти в бизнес. Если помните, многие женщины были вынуждены зарабатывать деньги, «прикрывая» собою мужей и детей. Так, как пришлось это сделать и мне. Я с 1992 года несколько лет очень активно работала, была помощником президента довольно крупного предприятия, и у меня накопился определённый опыт и понимание того времени. Я имею в виду не столько практические умения, сколько опыт наблюдения за тем, как менялось сознание людей, выросших при социализме и силою обстоятельств брошенных в водоворот новой жизни. В каком-то смысле, эта новая жизнь стала для меня лабораторий. Я наблюдала, в первую очередь, естественно, за собой. Это было трудное время. Мы работали почти без выходных с утра до вечера, решали довольно сложные практические задачи. Делали яростные попытки изменить окружающий мир, но большей частью менялись сами. Иногда в лучшую, но чаще в худшую сторону. Во всяком случае, наше сознание. Я помню, как соскальзывали вниз наши моральные ориентиры, как они уходили куда-то в сторону, и из такой, знаете, довольно тихой, не приспособленной к таким делам антисоветской девочки, какой была я, вылезала волчья физиономия этого самого нашего волчьего капитализма. За этим процессом очень интересно следить. Действительно интересно, шаг за шагом, когда ты отступаешь и теряешь

одну за другой наработанные прежней жизнью позиции. Я была довольно внимательна к себе, в этом отношении сумела удержаться, как мне кажется, на краю и ничего дурного не сделала. Я имею в виду, никого не убила, не ограбила... Всё это мне хотелось показать в новом романе. Мне хотелось показать, каким образом из советских корней вырастал 1990 год, из каких психологических корней. Объяснить, в первую очередь себе, как мы оказались там, где оказались. В общем, довольно грустное повествование. Издательство обещает, что книга выйдет в августе, поэтому если у вас будет интерес, вы сможете прочесть.

К. А. Рогова: Большое спасибо. Мы Вам очень благодарны, Елена Семёновна. Всё было очень интересно, о чём-то хочется ещё думать. Мы искренне желаем Вам удачи, потому что таким образом мы желаем и себе — хороших книг!

Е. С. Чижова: Я вам тоже желаю всего самого-самого хорошего! Спасибо за внимание!

[хроника]

ДНИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

21–24 апреля 2010 года в Нижегородском госуниверситете им. Н. И. Лобачевского на филологическом факультете проходили Дни русской словесности под эгидой Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) при участии Института языкознания РАН, Комиссии по славянскому словообразованию при Международном Комитете Славистов, Университета им. Т. Г. Масарика (г. Брно, Чехия), Варминско-Мазурского университета (Польша). В рамках Дней русской словесности проходила Международная научная конференция «Язык, литература, культура и современные глобализационные процессы». Цель проведения Дней русской словесности — оценить современное состояние и тенденции дальнейшего развития русского языка в начале третьего тысячелетия; привлечь внимание к особенностям функционирования русского языка в новых коммуникативных условиях; скоординировать профессиональную деятельность преподавателей русского языка средней и высшей школы; обсудить роль СМИ в формировании речевой практики современных носителей русского языка.

На пленарном заседании обсуждались вопросы соотношения языка и культуры (доклад директора Института языкознания, член-корреспондента РАН В. А. Виноградова «Языковая семантика в пространстве культуры»), актуальные проблемы лингвистической географии (доклад доктора филологических наук, заведующего исследовательским центром ареальной лингвистики Института славяноведения РАН Т. И. Вендиной «Лингвогеография и проблема декодирования языка карты»), функциональная специфика средств языка и письма (доклады профессора Белорусского государственного университета (Минск) Б. Ю. Нормана «Искусственное слово в естественном тексте», профессора Уральского государственного технического университета (Екатеринбург) Т. В. Поповой «Полифункциональность русского дефиса»), философские аспекты литературного творчества (доклад профессора Российского университета Дружбы народов С. М. Пинаева «Надрыв и смута наших дней…» (Ф. Достоевский и М. Волошин: «загадка русского духа»).

Большой интерес участников конференции вызвали стендовые доклады заместителя директора Института русского языка им. В. В. Виноградова Л. П. Крысина «О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-„кентавры“», профессора Института русского языка им. А. С. Пушкина В. М. Лейчика «Метафора в лексике компьютерного языка», профессора Московского педагогического госуниверситета Н. А. Николиной «Тенденция употребления предикативов состояния в современной речи», профессора Московского педагогического госуниверситета А. М. Камчатнова «У истоков русского исторического словообразования: Александр Семенович Шишков».

Проблематика докладов в рамках секции «История русского языка и сопоставительное славяноведение» связана с когнитивным анализом лексико-семантических и грамматических особенностей памятников письменности.

В докладах на секции «Активные процессы в современных славянских языках» основное внимание было уделено динамическим аспектам лексики, словообразования, грамматики в русском и других славянских языках.

Вопросы терминологии, культуры речи, принципы лексикографического описания фактов языка и речи (общественно-политической лексики, ксенонимов российской культуры XXI века, адъективной метонимии и колоризмов, социолектизмов, словообразовательных вариантов, синонимических терминов) рассматривались на секции «Лексикография, терминология, культура речи».

Вопросы соотношения универсального и национально-своеобразного в русском языке, специфики национальной концептосферы и методологии ее изучения обсуждались на семинаре «Языковая картина мира и проблемы межкультурной коммуникации».

В рамках семинара «Проблема интерпретации текста» основное внимание было уделено анализу лексико-семантических и когнитивных аспектов художественных текстов, современной речи.

Методологическим аспектам изучения творчества русских писателей XIX–XXI вв. в контексте мирового литературного процесса был посвящен семинар «Методология современных литературоведческих исследований».

Особенности взаимодействия разных видов искусства, синтез как философский принцип искусства XX — начала XXI в., междисциплинарность как тенденция современного сознания, взаимодействие искусства и науки в современной

(Окончание на с. 110)

А. Г. Костина

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ДВУХ ОБРАЗОВ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В ПОВЕСТИ В. Г. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ»

ALEXANDRA G. KOSTINA

LEXICAL OBJECTIFICATION OF TWO IMIGES OF RUSSIAN FOLCLORE IN VALENTIN RASPUTIN'S NOVEL «FAREWELL TO MATYORA»

В статье на примере повести В. Г. Распутина дается анализ лексики художественного текста, в которой объективируются образы русского фольклорного дискурса. Постулируется, что условием обнаружения фольклорных смыслов воспринимающим сознанием является общность культурной традиции, в которой органически спаяны две подсистемы русской художественной словесности — фольклор и литература.

Ключевые слова: фольклор, литература, культурная традиция, лексическая объективация.

The article examines vocabulary of a literary text, a novella by V. Rasputin in which images of traditional (folk) Russian discourse are explicated. It postulates that successful perception by the reader of traditional meanings is dependant on shared cultural tradition which blends together two subsystems of the Russian literary field – folklore and literature.

Keywords: folklore, literature, cultural tradition, lexical explication.

Александра Геннадьевна Костина

Родес колледж
Мемфис, США

В конце XX века в исследованиях по проблематике литературного фольклоризма на смену «принципу сменяемости» в понимании духовной культуры приходит «принцип наслаивания» [4: 46], подразумевающий, что фольклорные и литературные произведения строятся во многом на общих принципах композиции и структурирования текста. Всё большее распространение получает мысль Д. Н. Медриша, что фольклор и литература являются двумя подсистемами одной метасистемы — русской художественной словесности [1: 11]. Любой писатель одновременно является носителем национальной ментальности, то есть различных форм вербальной и невербальной народной культуры. Следовательно, и как художник, и как человек он впитывает и литературную, и народную традиции: не только письменную и устную словесность, но и обычаи, верования, суеверия и т. д., то есть характерное для его культуры мировоззрение, в том числе и в художественных, типичных для этой культуры, формах. Фольклор и литература оказываются не только подсистемами словесности, но и подсистемами национальной культуры в целом. Культура понимается в этом случае как среда, система высшего порядка, преодолевающая дихотомию фольклор-литература. Воспринятая как часть культуры народа, фольклорная парадигма становится органической составляющей художественного мира писателя. Использование элементов фольклорной культуры в литературе сигнализирует общие концептуальные, этические и эстетические установки двух подсистем культуры, а элементы фольклорного дискурса в художественном тексте служат знаком вхождения в культурную традицию, тем самым ориентируя читателя на поиск традиционных смыслов в содержании произведения.

Примером такой органической связи фольклорной традиции и литературы могут служить элементы фольклорной дискурса, получившие лексическую экспликацию в повестях В. Г. Распутина. Кроме того, насыщенность заимствованиями из фольклора произведений В. Г. Распутина наводит на мысль о том, что используемые им фольклорные мотивы, символы, образы и стереотипные языковые формулы являются инвариантами художественного пространства произведений писателя, во многом определяя их лексическую структурированность. Типизированные смыслы, стоящие за элементами фольклорного дискурса в текстах автора, включаются в их общую смысловую структуру и несут определённую идейно-смысловую нагрузку. Проиллюстрируем этот вывод на примере образного заимствования из фольклора в повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой».

Персонажи фольклорного происхождения в повести — это старик Богодул и Хозяин. Фольклорность названных персонажей имеет свое лексическое выражение и связана с реализацией авторского замысла.

Богодул вобрал в себя черты колдуна, лешего, странника, юродивого, скомороха, замаскированного божества. В характеристике этого персонажа главную роль играет описание его внешности, объяснение прозвища и характеристика речи, точнее, раскрытие коммуникативного потенциала обсценизма «курва» в его речи. Лексика фрагмента, описывающего внешность Богодула, актуализирует концептуальные признаки лешего (в семантических признаках и коннотациях номинаций «тяжелая, навалистая поступь», «лохматая голова», «мясистого крючковатого носа», «красные, налитые кровью глаза»; лексема «гнезда» ассоциативно связана с лесом, что подкрепляется прямой семантикой сочетания «дремучих зарослей»):

> Много лет знали Богодула как глубокого старика, и много уже лет он не менялся, оставаясь все в том же виде, в каком показался впервые, будто Бог задался целью провести хоть одного человека через несколько поколений. Был он на ногах, ступал медленно и широко, *тяжелой, навалистой подступью, сгибаясь* в спине и задирая *большую лохматую голову*, в которой воробьи могли устраивать *гнезда*. Из *дремучих зарослей* на лице выглядывала лишь *горбушка мясистого крючковатого носа* да мерцали *красные, налитые кровью глаза* [3: 189].

Номинации, описывающие Богодула, актуализируют концептуальные черты оборотня, колдуна (лексемы «привораживал», «приворотень»), странника («чужой», «приблудший из чужих краев» — в другом фрагменте текста), юродивого («блажной», «грешным, христарадным видом»), замаскированного божества (сравнение «как Бог», «сошедший на страдальную землю», «испытующий»; старухи на Матёре называют Богодула «святая душа на костылях», «христовенький»):

> Старухи Богодула любили. Неизвестно, чем он их *привораживал*, чем брал, но только заявлялся он на порог к той же Дарье, она бросала любую работу и кидалась к нему встречать, привечать [Там же: 190].
>
> А раз любили его старухи, ясное дело, не любили старики. *Чужой*, да еще *блажной*, подъедала-подпивала, ни побалакать с ним, ни вызнать ничего — *черт его поймет*, что за человек этот старушечий *приворотень*. Она своему, родному на сто рядов, забудет чай поставить, а ему нет, для нее он, прохиндей, и верно *как Бог, сошедший наконец на страдальную землю и испытующий всех своим грешным, христарадным видом* [Там же: 191].

Не случайны, по-видимому, в этом текстовом отрезке построенные по фольклорным моделям рифмовки «встречать, привечать» и «подъедала-подпивала», связанные, на наш взгляд, с мифопоэтическим подтекстом образа этого персонажа. Связь с фольклорной поэтикой и христианскими представлениями о должном подчеркивается как противопоставлением текстового имени собственного и созвучного с ним нарицательного «богохул», так и фольклорной стилистикой последнего предложения в следующем фрагменте:

> ... Богодул, так прозвали *приблудшего из чужих краев* старика, выговаривая слово это на хохлацкий манер — как Бохгодул. Но тут хоть можно догадаться, с чего началось прозвище.
>
> Старик, который выдавал себя за поляка, любил русский мат, и, видно, кто-то из приезжих грамотных людей, послушав его, сказал в сердцах: «Богохул», а деревенские то ли не разобрали, то ли нарочно подвернули язык и переделали в Богодула. *Так это было или не так, в точности сказать нельзя, но подсказка такая напрашивается* [Там же: 172].

Речь Богодула носит инвективный (бранный — особенно обращает на себя внимание преобладающий в ней обсценцизм «курва») и междометно-звукоподражательный характер (ср. описывающие Богодула слова «рыкнул», «тяжело отпыхивался от чая и угрюмо сипел», «выкрикивал», «покрякал, покрякал, что-то недовольно буркнул»). Несмотря на отрывочный, инвективный характер, «высказывания» Богодула вовсе не лишены смысла. С одной стороны, лексическое оформление цитируемого ниже фрагмента подчеркивает немногословность речи персонажа, небольшой словарный запас («одно слово» заменяет тысячу, «разговаривал мало», «нехитрое объяснение того, что нужно»). Тем не менее инвективы в речи Богодула не просто ругательства, они не обрывочны, а, подобно обычным словам, имеют конкретный смысл («заключало весь смысл») и явный экспрессивно-оценочный характер («доскональное отношение к предмету разговора»):

> — Кур-рва!
>
> *Одно это слово заменяло ему добрую тысячу, без которых никакой другой человек не смог бы обойтись*. Богодул прекрасно *обходился*. Поляк он был или нет, только по-русски *разговаривал* он *мало*, это был даже *не разговор*, а *нехитрое объяснение того, что нужно*, многажды приправленное все той же «курвой» и ее родственниками.... И то, что *у других* выскакивало как пустячное и привычное *ругательство*, которое и до ушей не доходило, опадало по дороге, *у Богодула заключало весь смысл, все его доскональное отношение к предмету разговора* [Там же: 190].

Можно предположить, что речь Богодула манифестирует некий древний «праязык» (часто сопровождаемый у персонажа различными жестами: «бил о пол палкой», «подмигивая ему жутким, как горящим глазом», «поднимая над головой грозящий палец», «мотнул головой: не надо», «Вино — ык» — подал голос Богодул и сделал отмашку головой, показывая, что вино он не терпит и никогда не терпел»). С. С. Шляхова указывает на древнюю природу инвектив, междометий, звукоподражаний и звукосимволических подражаний — это подтверждается, например, тем, что при некоторых типах афазии может утрачиваться обычная лексика, но сохраняются указанные языковые знаки. Косвенным подтверждением того, что формы, воспринимаемые как аномальные, в том числе и указанные, отсылают к «младенчеству», «колыбели» языка, являются данные анализа детской речи и некоторые теории происхождения языка (ономатопоэтическая, междометная, теория трудовых выкриков). Автор отмечает, что подобные формы характерны прежде всего для устных форм речи и фольклора и связаны со знаковыми системами более древнего происхождения, чем язык, такими, как жесты, обряд, игровые формы [5: 107–108]. Показателен и бранный характер инвектив, на который обращает внимание исследовательница, и связь аномальных языковых форм с рифмованием как способом концептуализации («удвоения») мира по принципу «эхо», который «является наиболее ранней... формой реализации ответности» [Там же: 110], особенно в ритуале. Интересно также наблюдение о сверхэмоциональности аномальных языковых единиц, их способности передавать семантику «здесь-и-сейчас»: «Формы-аномалии являют собой синкретичные образы реальных событий в момент их проявления.... Они всегда выражают взгляд „изнутри“ вещи, сущности, явления, в них совмещены функция и признак: действие, качество, предмет и эмоция слиты в едином звуковом комплексе. Аномальные языковые формы — это „попытка возврата к первоначальной диффузности чувствительности“ (В. Скаличка)...» [Там же: 112].

Образ вездесущего и всеведущего Хозяина в «Прощании с Матёрой» также имеет фольклорные корни и непосредственно связан с народной системой верований. Хозяин на Матёре воплощает домового, но покровителя не отдельного дома или хозяйства, а целого острова. Сходство фольклорного домового и Хозяина Матёры обнаруживается в лексической структуре следующего текстового фрагмента:

> ...маленький, чуть больше *кошки*, ни на какого другого зверя не похожий *зверек — Хозяин* острова. Если в *избах* есть *домовые*, то *на острове* должен быть и *хозяин*. *Никто никогда его не видел, не встречал, а он здесь знал всех и знал все*, что происходило из конца в конец и из края в край *на этой отдельной, водой окруженной и из воды поднявшейся земле*. На то он и был Хозяин, чтобы все видеть, все знать и ничему не мешать. Только так еще и можно было остаться Хозяином — чтобы никто его не встречал, никто о его существовании не подозревал [3: 210].

Как видим, сама номинация «Хозяин» говорит о связи с фольклорной традицией — домового редко называли по имени, чаще пользуясь эвфемизмами типа «хозяин», «он», «сам», «дедушка», «дедко». В фольклоре домовой наделялся функцией хранителя домашнего очага и обычно имел человеческий облик, хотя он мог принимать вид кошки или собаки (см., напр.: [2: 280]) — ср. лексический экспликатор «чуть больше кошки» в повести. Текстовая аналогия «в избах домовой» — «на острове — хозяин» также обозначает прямую параллель между ними. Лексический фрагмент «а он здесь знал всех и знал все» указывает на вездесущесть и всеведение Хозяина; как и домовой, который не хочет, чтобы его видели, Хозяин не должен показываться на глаза обитателей острова, поэтому пик его активности приходится на ночь, когда он обходит свои владения и посещает спящих людей. В. М. Мокиенко, перечисляя названия домового в русском языке, упоминает полуночника — то есть такого домового, основной обязанностью которого было обходить в полночь деревню [Там же: 271].

Хозяин охраняет остров, как домовой охраняет дом. Он знает прошлое Матёры и видит её будущее, участвует во всех событиях на острове и способен воспринимать все звуки и движения на острове и за его пределами. Он заранее знает судьбу Матёры и её обитателей (лексические вехи «предчувствовал», «знал», «едва уловимый одним Хозяином»):

> И хоть *предчувствовал* Хозяин, что скоро одним разом все изменится настолько, что ему не быть Хозяином, не быть и вовсе ничем, он с этим смирился. *Чему быть, того не миновать*. Еще и потому он *смирился*, что после него здесь не будет никакого хозяина, не над чем станет хозяйничать. Он последний. Но пока остров стоит, Хозяин здесь он [3: 211].
>
> ... *Знал* Хозяин, что Петруха скоро распорядится своей избой сам. От нее исходил тот особенный, *едва уловимый одним Хозяином*, износный и горклый запах конечной *судьбы*, в котором нельзя ошибиться [Там же: 213].

Способность предвидения, предсказания судьбы тоже связывает Хозяина Матёры с домовым фольклорной сферы — в народных верованиях домовой считался предсказателем, оракулом, считалось, что он может предвидеть будущие несчастья или удачи [6].

Учитывая сказанное, можно утверждать, что «морфология» и лексическая объективация образов Богодула и Хозяина в тексте повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой» подтверждает их фольклорное происхождение. Ориентация на фольклорные корни персонажей важна для интепретации тематического содержания повести. Если учесть, что домовой — воплощение важнейшего у восточных славян древнего земледельческого божества Рода [5: 263], можно сделать вывод о том, что гибель Хозяина (как покровителя острова) и Богодула (как «прародителя» или замаскированного божества) означает в повести гибель не просто жителей деревни-острова, а всего рода человеческого. Это наблюдение перекликается с изображением Матёры как земного рая (через библеизм «твердь» и авторское «обетовала») или Ноева ковчега (на Матёре «всякой твари по паре» [3: 200]), которые затопит рукотворное море, уничтожая вместе с ними и весь человеческий род.

Предложенный анализ очерчивает возможные способы экспликации в лексической структуре художественного текста образов фольклора, участвующих в реализации идейно-смыслового содержания произведения. При отсутствии прямых ссылок на фольклорность образа, условием обнаружения фольклорных смыслов воспринимающим сознанием является общность культурной традиции, в которой органически спаяны две подсистемы русской художественной словесности — фольклор и литература.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов, 1980.

2. *Мокиенко В. М.* Образы русской речи. СПб., 1999.

3. *Распутин В. Г.* Прощание с Матерой // Распутин В. Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1994.

4. *Толстой Н. И.* Вторичная функция обрядового символа // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

5. *Шляхова С. С.* Аномальные языковые формы в разных фольклорных жанрах // Фольклорный текст — 98: Сб. науч. тр. к 70-летию И. В. Зырянова / Под ред. И. А. Подюкова. Пермь, 1998.

6. *Ivanits Linda*. Russian Folk Belief. New York, 1992.

Н. В. Савельева

ГОСУДАРСТВО В ПРИЗМЕ МЕТАФОРЫ М. А. БУЛГАКОВА

NINA V. SAVELYEVA

STATE THROUGH BULGAKOV'S METAPHOR

Настоящая статья посвящена анализу концептуальной метафоры М. А. Булгакова, моделирующей политическую действительность, внешнюю и внутреннюю политику в романе «Белая гвардия».

Ключевые слова: метафора, метафорическое моделирование действительности, фреймо-слотовый анализ, М. А. Булгаков.

The article is devoted to the analysis of the metaphor by M. Bulgakov which modifies the political reality, home and foreign policy of the state.

Keywords: metaphor, metaphoric modification of reality, M. Bulgakov.

Нина Васильевна Савельева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Культура речи и профессиональное общение» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

► golnin@inbox.ru

В статье представлена специфика метафорического моделирования художественной картины мира М. А. Булгакова на основе использования методики фреймово-слотового анализа понятийных сфер, служащих мишенями (по Дж. Лакоффу) метафорической экспансии. Описанная смысловая сфера метафорического притяжения ГОСУДАРСТВО является доминантной, развернутой, детально структурированной в романе «Белая гвардия».

Многообразие ярких метафор в романе «Белая гвардия» отражает сложную политическую и военную действительность Европы 1918–1919 гг. в ее восприятии М. А. Булгаковым. Военно-политическое положение заключалось в следующем: во время Первой мировой войны Германия стремилась отнять у Англии и Франции колонии, у России — Украину, Польшу, Прибалтику. Таким образом, немецкая сторона вела военные действия во всех направлениях, пытаясь насадить свою власть и расширить сферу влияния. В романе основным местом действия является город Киев. Именно там благодаря поддержке немецкой власти 29 апреля 1918 года был провозглашен гетманом Украины Павел Скоропадский [1: 24]. Условное положение гетмана было очевидно не только его приближенным. Декларированное новым правительством устройство по существу ничем не отличалось от прежнего царского режима. И несмотря на то что Германия считалась всего лишь союзнической стороной, она имела всю полноту власти и постоянно вмешивалась во внутренние дела Украины [2: 18].

Форма власти представлена при помощи сказочной метафоры: «*Прибегающие москвичи и петербуржцы и большинство горожан, хоть и смеялись над* ***странной гетманской страной****, которую они называли* ***опереткой****,* ***невсамделишным царством****, гетмана славили искренне* <…> *Однажды, в мае месяце, когда* ***Город проснулся сияющий, как жемчужина в бирюзе, и солнце выкатилось освещать царство гетмана****...*» (с. 49–50)*.

Сказочные сравнения и метафора игры передает, тем не менее, реальное положение в Городе, которое, как понимали сами жители, рано или поздно должно было измениться.

Внутренняя политика государства

Положение на Украине в период нахождения у власти гетмана Скоропадского в романе «Белая гвардия» изображается при помощи театральной метафоры. Вектор неискренности, фальсификации действительности (правители действуют не самостоятельно, они лишь выполняют чьи-то указания) сопровождает каждый случай употребления этой концептуальной метафоры: «*Когда же к концу знаменитого года в Городе произошло уже много* ***чудесных событий*** <…> *Тальберг... заявил, что это не то, что нужно,* ***пошлая оперетка*** <…> ***Гетманское министерство — это глупая и пошлая оперетка****, как впрочем* ***и сам гетман*** <…> *Да,* ***оперетка...*** *Елена знала, что значит это слово на припухших прибалтийских устах. Но теперь* ***оперетка грозила плохим*** <…> *вышла действительно* ***оперетка****, но не простая, а* ***с большим кровопролитием***» (с. 23–24).

Концептуальная метафора **«Положение в государстве — это оперетка»** используется для характеристики не только Украинской державы, к ней же прибегает автор, упоминая Россию и русскую революцию 1917 года: «*Мы отгорожены от* ***кровавой московской оперетки****, — говорил Тальберг и блестел в странной, гетманской форме дома*» (с. 23).

Два государства, происходящее в которых метафорически одинаково категоризировано как театральное действие, противопоставлены друг другу и в то же время изображаются весьма похоже. С одной стороны — это немцы, оккупировавшие Украину, разоряющие её, с другой стороны — большевики с авторитетным идеологическим началом. Все это воспринимается как антитеза двух идеологий и двух государственных систем, но вместе с тем обнаруживаются и параллели.

Внешняя политика государства

В художественной картине мира М. А. Булгакова выделяется также сфера внешней политики, к которой относятся образы зарубежных стран, населяющие их народы, их взаимодействие друг с другом, а именно: типовое представление о внешности французов и немцев как о представителях животного мира, их поведении, национальном характере, специфике их взаимоотношений. Решающая битва французской и немецкой армий в Первой мировой войне осмысливается и репрезентируется с помощью театральной сферы, которая заключена в концептуальной метафоре **«Война — это театр»** (в данном контексте — **зрелище**): «***Галльские петухи в красных штанах****, на далеком европейском западе,* ***заклевали толстых кованых немцев до полусмерти****.* ***Это было*** *ужасное* ***зрелище****:* ***петухи во фригийских колпаках, с картавым клекотом налетели на бронированных тевтонов и рвали из них клочья мяса вместе с броней****. Немцы дрались отчаянно,* ***вгоняли широкие штыки в оперенные груди, грызли зубами****, но не выдержали — и немцы! немцы! — попросили пощады*» (с. 56–57).

Образно представляя внешность, характер и поведение противоборствующих сторон, автор использует исторические названия их народностей, в одной из которых тоже заключена своеобразная метафора. Галлами (от лат. *gallus* — ‘петух’) римляне называли кельтов, обитавших в Галлии, находя общее между представителями этого народа и названными птицами, а именно: 1) фонетические характеристики речи, 2) внешний облик, 3) самоуверенное, вызывающее поведение.

Солдат немецкой армии характеризует метафора артефактной сферы. Понятийная область «инструменты и материалы» и представленные фреймы «железо», «броня» показывают прочность в сопротивлении всей армии.

Собственно военные действия между названными противниками концептуализируются

зооморфной метафорой. Фрейм «агрессивные действия животных» передает непримиримую жестокость, беспощадность, свирепость: «*заклевали до полусмерти*», «*налетали, рвали клочья мяса*», «*грызли зубами*». Сражение завершилось поражением немцев, никакая прочность брони не помогла. Затянувшаяся война для самой Германии создала тяжелое внутреннее положение, что привело к революции и свержению императора 9 ноября 1918 года.

Следствия поражения армии и падения монарха отразились на немцах, оккупировавших украинские земли: прежняя самоуверенность и лоск пропали: «*линяли немецкие лейтенанты*», «*линяли глаза*», «*в лейтенантских моноклевых окнах потухал живой свет*».

Таким образом, аналогия между воинствующей нацией и металлом осмысляется как особая сущность страны, представители которой воспринимаются как бездушные прямолинейные роботы, стремящиеся к покорению мира и захвату всех сфер влияния. Эта система показывала себя нерушимой, устойчивой на протяжении длительного противодействия втянутых в войну народов и стран, однако когда сопротивление достигло критической точки, она потеряла прочность и разрушилась.

Итак, Государство как мишень метафорической экспансии представляют фреймы «Внутренняя политика» и «Внешняя политика». Сфера репрезентирована рядом концептуальных метафор, в которых государство, министерство, революция и война осмысливаются с помощью театральной сферы. Перечислим эти концептуальные метафоры: «Государство — это игрушечное царство», «Государство — это пошлая оперетка», «Министерство — это оперетка», «Революция — кровавая оперетка», «Война — это шахматная игра», «Война — это театр (зрелище)».

В основе перечисленных метафор лежит концепт ИГРА, создающий эффект дистанцирования жизненных реалий от нормы. Игра, как спортивная, так и театральная или детская, ассоциируется с несерьезным делом, с развлечением. Следовательно, государственная политика Украинского государства и мировая война репрезентируются писателем как ИГРА (театральная, спортивная, детская). Восприятие политических событий как игры эксплицирует негативный смысл. Концепт ИГРА представляет политику как зрелище, как плохую театрализованную постановку — оперетку, усиливая векторы неискренности, имитации политической реальности, разоблачает, таким образом, фальшь и лицемерие участников политического процесса.

Глубокий прагматический смысл концептуальной метафоры «Политика — это игра» заключается в фальшивости самой политики, в двуличности участников политических событий и имитации самой политической реальности. М. А. Булгаков, таким образом, разоблачает обман и лицемерие участников политического процесса. Писатель развенчивает сущность происходящего в действительности, которая заключается в том, что представители государства проводят время в каких-либо занятиях, служащих для развлечения, отдыха или спортивного состязания, что приводит к тяжелым невыносимым условиям существования, хаосу в самом государстве.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Здесь и далее страницы указываются по изданию: *Булгаков М. А.* Романы. Белая гвардия. Театральный роман (Записки покойника). Мастер и Маргарита. М., 1988.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. М., 1990.
2. *Тихомиров А. В.* Брестский мир и Беларусь // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2. С. 18–30.

А. А. Холиков

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

ALEXEY A. KHOLIKOV
D. S. MEREZHKOVSKY IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERATURE TILL 1917

Автор статьи рассматривает эволюцию жизненного и творческого пути Д. С. Мережковского досоветского периода, дает общую характеристику его поэзии, прозы и драматургии. Материалы статьи могут быть использованы в преподавании курса истории русской литературы.

Ключевые слова: Д. С. Мережковский, жизнь и творчество, русская литература.

The author of this article considers the evolution of Dmitry S. Merezhkovsky's life and novelist, poet, religious thinker, and literary critic career, gives general characteristic of his poetry, prose and dramatic art. Article can be used in Russian literature course.

Keywords: D. S. Merezhkovsky, a life and creativity, Russian literature.

Алексей Александрович Холиков

Кандидат филологических наук, преподаватель филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
► alexey_kholikov@mail.ru

Дмитрий Сергеевич Мережковский [02(14).08.1865, Петербург — 07.12.1941, Париж] вошел в историю русской культуры как религиозный мыслитель, общественный деятель, литературный критик, переводчик, но прежде всего — писатель. В одной из статей А. А. Блок настаивал: «…говоря о Мережковском, едва ли можно упустить из виду то, что он *художник*. А это очень важно»[1]. В советское время облик писателя, проклинавшего большевиков и сбежавшего от них за рубеж, искажался до неузнаваемости, выросли поколения людей, не слышавших даже имени Мережковского. Между тем с его литературной и общественной деятельностью связано становление русского символизма, а значит — развитие духовной культуры нашей страны. По словам В. Э. Вацуро, «…Мережковский написал очень много, работал в литературе 50 лет, и его биография — по существу, есть история движения символистов, а полемика вокруг его сочинений — история взаимодействия и размежевания двух литературных эпох»[2]. Мережковский состоялся как писатель, известный не только в России, но и за ее пределами. Его книги были переведены на французский, английский, немецкий, итальянский и другие европейские языки. Томас Манн, по собственному признанию, «вообще не убирал со стола» «беспримерной» работы Мережковского о Н. В. Гоголе[3], а Георг Брандес еще в 1903 году назвал Мережковского «одним из наиболее видных представителей молодой России»[4].

Первый поэтический сборник Мережковского «Стихотворения (1883–1887)» (1888), в котором по большей части отражены народнические настроения, произвел на современников положительное впечатление. Хотя не обошлось и без заслуженных обвинений в эпигонстве. «И дребезжащая струна Надсона, — писал критик, — и рассудочно-поэтическая диалектика г-на Минского отразились в стихотворениях г-на Мережковского. Перепев г-на Мережковского фальшиво-тенденциозен, резонерски холоден, то вял и растянут, то несдержанно-криклив и несдержанно патетичен»[5]. Однако для первого сборника Мережковского характерна строгая композиция, связь между частями, удивительная логика. Первые три раздела могут восприниматься только как целое. Связанные с помощью эпиграфов, они призваны рассказать об одиноком поэте, который готов принести себя в жертву толпе, природе, женщине и в то же время — бороться до последнего вздоха. В оставшиеся два раздела («Поэмы и легенды», «Эскизы») включены стихотворные переложения и переводы как знаменитых шедевров мировой литературы, так и менее популярных легенд и сказаний. Пройдут годы, и на фоне отрицательного отношения к лирике писателя перевод и компиляция будут признаны естественной сферой его дарования. Мережковский действительно был хорошим версификатором. Его поэзия изобилует как большими (эпическими и драматическими), так и малыми (лирическими) формами. Однако, владея октавой не хуже, чем терцинами, он не любил экспериментировать со стихом. Высокий уровень философского содержания позволял критикам называть его опыты «поэзией мысли». И чем больше мысль Мережковского углублялась, тем сложнее было выразить ее в рамках стихотворения. Выпустив три авторских сборника, а также два «Собрания стихов» (в 1904 и 1910 годах), он перестанет осознавать себя поэтом: «Вы знаете, я до чего дошел. Мне стихи чем-то лишним кажутся. Мне пищу для души подавай, а стихи что́, детское»[6].

По окончании университета (1888) молодой писатель уехал на Кавказ, где познакомился с З. Н. Гиппиус, которой очень скоро сделал предложение. В браке супруги прожили 52 года, практически не разлучаясь. Одной из особенностей союза Мережковских было то, что Зинаида Николаевна, как правило, высказывала какую-нибудь идею раньше, чем она же возникала у Дмитрия Сергеевича: «В большинстве случаев он ее тотчас же подхватывал (так как она, в сущности, была его же), и у него она уже делалась сразу *махровее,* принимала как бы тело…»[7] З. Н. Гиппиус признается: «По совести должна сказать, что никогда не отрицала я влияния Мережковского на меня уж потому, что сознательно шла этому влиянию навстречу, — но совершенно так же, как он шел навстречу моему. Из этой встречности нередко рождалось новое, мысль или понимание, которые уже не принадлежали ни ему, ни мне, может быть, — „нам“»[8]. Современники не отделяли супругов друг от друга, воспринимая их неким единым существом (хотя и отзывались о них порой по-разному).

В начале 1890 года был задуман роман о Юлиане Отступнике, который впоследствии стал первой частью трилогии «Христос и Антихрист» («Смерть Богов. Юлиан Отступник» (первоначальное название — «Отверженный»), 1895; «Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи», 1900; «Антихрист. Петр и Алексей», 1904–1905). Вслед за первой трилогией появится вторая — «Царство зверя» (драма «Павел I», 1908; романы «Александр I», 1911–1912; «14 декабря», 1918).

За системой образов первой трилогии Мережковского скрывается ряд едва уловимых символов двух разделенных, но стремящихся слиться миров: языческого (дионисийского) и христианского (галилейского). Их соотношение всю жизнь волновало писателя. В 1890-е годы основная мысль Мережковского сводилась к тому, что существует две правды: христианство — правда о небе, и язычество — правда о земле. В их соединении — полнота религиозной истины. В то же время Мережковский не скрывал, что в лице Юлиана изобразил миросозерцание своих современников, которые, в свою очередь, критиковали художественную прозу писателя за схематизм, излишнюю иллюстративность историософской концепции, перегруженность цитатами. Утверждалось, что для Мережковского-прозаика характерна сосре-

доточенность на воссоздании предметно-бытовых деталей различных исторических эпох. В этой связи К. И. Чуковский называл Мережковского «тайновидцем вещи» (по аналогии с тем, как сам Мережковский называл Л. Н. Толстого «тайновидцем плоти», а Ф. М. Достоевского — «тайновидцем духа»). Между тем, по словам Л. А. Колобаевой, писатель явился создателем исторического романа нового типа[9]. Свой способ постижения истории Мережковский называл «методом религиозно-исторического познания». Его художественная проза тяготеет к цикличности, а ткань произведения держится за счет символических лейтмотивов и мифологем (важнейшие из которых — Христос и Антихрист).

В 1892 году выходит вторая книга стихотворений Мережковского «Символы (Песни и поэмы)». Ее название стало созвучно новому художественному направлению. «Кажется, — вспоминает писатель, — я раньше всех в русской литературе употребил это слово. „Какие символы? Что значит: символы?“ — спрашивали меня с недоумением»[10]. Одним из первых читателей «Символов» оказался будущий лидер русского символизма В. Я. Брюсов: «Появление „Символов“ было некоторым событием в моей жизни. Эта книга сделалась моей настольной книгой»[11].

26 октября 1892 года писатель выступил в Русском литературном обществе с лекцией «О причинах упадка русской литературы». Выступление повторилось 8 декабря, а 15-го числа того же месяца он прочел вторую часть доклада — «О новых течениях современной русской литературы». Тексты лекций легли в основу брошюры «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). Работа Мережковского явилась первым манифестом русского символизма. В ней названы три главных элемента «нового искусства»: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности. При этом, в отличие от большинства манифестов, брошюра лишена не только наступательного характера, но и стремления порвать связи с ближайшей традицией. В сознании автора причудливо сочетаются, с одной стороны, установка на интуитивно-эмоциональное познание действительности, мечты о новом идеализме, а с другой — укрепляющаяся религиозность, поиск божественного идеала (как в язычестве, так и в христианстве).

Популярности Мережковскому также добавил сборник статей «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (1897), на страницах которого автор обращается к религиозно-мистической сущности искусства[12], обнаруживая связь между культурой, культом и религией. Выбор «вечных спутников» (Марк Аврелий, Кальдерон, Сервантес, Флобер, Достоевский, Гончаров, Пушкин и др.) концептуален. В каждом из них Мережковский находит частичку себя. «Я не знаю, — пишет он в статье об Аврелии, — более сладкого и глубокого ощущения, чем то, которое испытываешь, встречая свои собственные, никому не высказанные мысли в произведении человека далекой культуры, отдаленного от нас веками»[13]. Символизируя культурное время и пространство, Мережковский стал родоначальником новой критики, которая характеризуется как «психологическая, неисчерпаемая, беспредельная по существу своему, как сама жизнь, ибо каждый век, каждое поколение требует объяснения великих писателей прошлого в *своем* свете, в *своем* духе, под *своим* углом зрения»[14]. Свой критический подход писатель назвал «субъективно-художественным». Примечательно, что появление «Вечных спутников» не вызвало в критике большого интереса, зато в начале 1910-х годов эта книга «была особенно популярна и даже выдавалась как награда кончающим средние учебные заведения»[15].

Литературно-критические работы, написанные Мережковским в 1880–1890-е годы, отличаются от поздних отсутствием тенденциозности и публицистичности. Все его критическое наследие будет характеризовать интерес к широкому историко-литературному контексту, стремление ответить на сложнейшие вопросы бытия, выйти за рамки исследуемой проблемы.

В художественном творчестве этого периода писатель расширит границы прекрасного вплоть до поэтизации зла. Идея так называемой «новой красоты» будет связана с ницшеанством Мережковского и воплотится, прежде всего, в ро-

манах о Юлиане Отступнике, Леонардо да Винчи и сборнике «Новые стихотворения (1891–1895)» (1896). «Есть одна только вечная заповедь — жить / В красоте, в красоте, несмотря ни на что, / Ужас мира поняв, как не понял никто, / Беспредельную скорбь беспредельно любить»[16], — напишет поэт, познавший «прелесть Зла»[17]. Таким образом, индивидуализм и эстетизм включают творчество Мережковского середины 1890-х годов в «аксиологическую парадигму раннего символизма»[18]. Не будет преувеличением сказать, что Мережковский во многом предопределил символистскую поэтику, и то, что сегодня возводится к В. Я. Брюсову («поэтическая этимология» Венеции, изображение будничной жизни города с использованием повествовательной интонации, тема «*мой* Пушкин»)[19], уже было намечено в творчестве Мережковского (стихотворение «Венеция», поэма «Семейная идиллия», эссе «Пушкин»). В этой связи нелишне напомнить совет Г. В. Адамовича «перечитать старые книги»: «Многие наши критики, да и вообще писатели, не вполне отдают себе отчет, в какой мере они обязаны Мережковскому тем, что кажется им их собственностью…»[20]

К началу 1900-х годов завершился декадентско-символистский этап творческой деятельности Мережковского и начался новый — религиозно-общественный. Исследование «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» (1900–1902) явилось в этом смысле рубежным. На его страницах Мережковский предпринял попытку развить тему Христа и Антихриста на материале русской литературы, значительно скорректировав свои прежние установки: «*Когда я начинал трилогию “Христос и Антихрист”, мне казалось, что существуют две правды: христианство — правда о небе, и язычество — правда о земле, и в будущем соединении этих двух правд — полнота религиозной истины. Но, кончая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом — кощунственная ложь; я знал, что обе правды — о небе и о земле — уже соединены во Христе Иисусе…*»[21] Л. Н. Толстой, по мысли Мережковского, воплотил в своем творчестве правду «о земле» (плоти), а Ф. М. Достоевский — «о небе» (духе). Вместе с этим Мережковский сделал ряд ценных замечаний, развитых впоследствии литературоведением XX века. Так, задолго до рассуждений М. М. Бахтина о роли диалога и полифонии в произведениях Достоевского, Мережковский обратил внимание на то, что «вся художественная сила» у автора «Преступления и наказания» сосредоточена в диалоге, что «язык всех действующих лиц у Толстого — один и тот же, или почти один и тот же», а у «Достоевского нельзя не узнать тотчас с первых же слов, не по содержанию речи, а по самому звуку голоса», кто говорит[22]. Ряд продуктивных для литературоведения суждений можно обнаружить в работах Мережковского о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Тютчеве, Некрасове и др.

В 1901 году у З. Н. Гиппиус появилась мысль создать открытое общество людей религии и философии для свободного обсуждения вопросов церкви и культуры. Таким обществом стали Религиозно-философские собрания в Петербурге (1901–1903), в которых Мережковский принимал активное участие, касаясь самых «проклятых» вопросов бытия: отношения церкви и государства, свободы совести, силы и насилия в христианстве, брака, догматического развития и др. Стенограммы заседаний печатались в журнале «Новый путь» (1903–1904), одним из руководителей которого тоже был Мережковский. Несмотря на недолгий век, «Новый путь» успел стать заметным явлением русской литературной жизни. Именно в нем состоялся дебют А. А. Блока. В мартовском номере за 1903 год было опубликовано десять стихотворений, которые затем вошли в сборник «Стихов о Прекрасной Даме».

В 1906 году (после запрещения Религиозно-философских собраний, реорганизации «Нового пути», подавления Декабрьского вооруженного восстания) Мережковский на два с лишним года уезжает в Париж, где дописывает свою лучшую пьесу «Павел I». Одна из особенностей Мережковского-драматурга, отмеченная исследователями, — «тесная связь пьес с другими сторонами его творчества, перенесение в произведение для сцены самого важного, показательного, стремление облечь в драматургическую форму найденное в работе над статьями, романами, заметками и пр.»[23] До эмиграции Мережковский

также успел издать фантастическую драму в стихах «Сильвио» (1890), драматические сцены «Гроза прошла» (1893), пьесы «Будет радость» (1916) и «Романтики» (1917). В соавторстве с З. Н. Гиппиус и Д. В. Философовым им написана пьеса «Маков цвет» (1908).

После более чем двухлетнего пребывания за границей писатель вновь оказывается в центре литературных и общественно-политических событий российской жизни. Он посещает Религиозно-философское общество (1907–1917), с разницей в год издает два «Полных собрания сочинений» (первое — в семнадцати, второе — в двадцати четырех томах), сотрудничает во многих газетах и журналах (в основном — либеральных).

В 1910-е годы писатель, как и прежде, серьезно и последовательно развивает в публицистике те же идеи, что и в художественном творчестве. С 1908 по 1919 год выходят сборники статей: «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» (1908), «В тихом омуте» (1908), «Больная Россия» (1910), «Было и будет: Дневник: 1910–1914» (1915), «Невоенный дневник: 1914–1916» (1917). Тексты, включенные в них, в большинстве своем написаны «на злобу дня» и отражают непосредственную реакцию автора на события общественно-политической и литературной жизни, в которых он тоже участвовал.

Если февральскую революцию Мережковский принял восторженно (первое время симпатизировал А. Ф. Керенскому, с которым его связывали давние приятельские отношения), то Октябрьскую — расценил не иначе, как наступление царства антихриста, торжество «грядущего хама». Под предлогом чтения лекций в красноармейских частях вечером 24 декабря 1919 года Мережковские эмигрировали сначала в Варшаву, затем в Париж. За границей литературно-общественная деятельность Мережковского не прекращалась. Эмиграция спасла писателя. Она дала ему тот «воздух», которого не хватало на родине, и положила начало новой жизни, не лучшей, но — другой, требующей особого постижения и воссоздания. А эпиграфом к ней могли бы стать слова самого Мережковского: «Бедность, Чужбина, Немощь и Старость…»[24]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Блок А.* Мережковский // Д. С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 245.

[2] В. Э. Вацуро: Материалы к биографии. М., 2005. С. 417.

[3] *Манн Т.* Русская антология // Манн Т. Художник и общество: Статьи и письма. М., 1986. С. 37.

[4] *Брандес Г.* Мережковский // Брандес Г. Собр. соч. Т. 19. СПб., [1913]. С. 313.

[5] *Волынский А.* Символы (песни и поэмы) // Д. С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 30–31.

[6] Цит. по: *Брюсов В. Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 116.

[7] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 41.

[8] *Гиппиус З. Н.* Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910): В 2 кн. М., 2000. Кн. 1. С. 174.

[9] См.: *Колобаева Л. А.* Тотальное единство художественного мира (Мережковский-романист) // Д. С. Мережковский. Мысль и слово. М., 1999. С. 5–18.

[10] *Мережковский Д. С.* Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910): В 2 кн. М., 2000. Кн. 1. С. 277.

[11] *Брюсов В. Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 235.

[12] «Все искусство, — писал Мережковский, — безнадежный плач человеческой души о Боге» (*Мережковский Д. С.* Записная книжка 1891 г. // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 351).

[13] *Мережковский Д. С.* Вечные спутники // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 17. С. 39.

[14] Там же. С. 6.

[15] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 75.

[16] *Мережковский Д. С.* Смех // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 475.

[17] *Мережковский Д. С.* Леонардо да Винчи // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 475.

[18] *Кумпан К. А.* Д. С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 65.

[19] См.: *Клинг О. А.* Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики. М., 2010.

[20] *Адамович Г.* Мережковский // Д. С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 392.

[21] *Мережковский Д. С.* [Авторское предисловие] // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 1. С. VI.

[22] *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 10. С. 95–96.

[23] *Андрущенко Е. А.* «Безнадежный плач о Боге…» // Мережковский Д. С. Драматургия. Томск, 2000. С. 16.

[24] *Мережковский Д. С.* Пятая // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 643.

А. И. Фомин

ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕМЫ-ОСНОВЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В МЕДИТАТИВНЫХ ТЕКСТАХ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

ALEXANDER I. FOMIN

FEATURES OF THE TOPIC (THEME) IN ROZANOV'S CONTEMPLATIVE PROSE

В статье рассмотрены роль и организация тематического компонента высказываний, как он представлен в текстах медитативной прозы Розанова. Показано преобладание коммуникативно расчлененных высказываний. Поясняется связь характеристик темы-основы с общей направленностью авторского текста.

Ключевые слова: высказывание, тема (основа), коммуникативное членение.

The article considers the problem of topic component in the Rozanov's contemplative prose. The dominance of the sentences with divided functional parts is depicted. The relations between the topic features and general text intension are explained.

Keywords: phrase, topic (theme), thematic relations.

Александр Игоревич Фомин

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ»
► 7a.fomin@gmail.com

В исследованиях коммуникативно-синтаксического плана высказывания как будто бы неявно проходит мысль о преимущественной значимости ремы; хорошо известно, что без ремы, собственно, и нет высказывания, рема — это то, ради чего генерируется фраза, наконец, «рематическая доминанта» текстового фрагмента отражает его коммуникативное «естество». Это, безусловно, справедливо, но, заметим, что своя функциональная нагрузка и значимость есть, разумеется, и у темы-основы. Дело не только в том, что, являясь «предметом речи» и исходной точкой ментальной составляющей высказывания, тема имплицитно присутствует в любом высказывании. Фактически, по тем же причинам тематический компонент в авторском тексте формирует предметную базу (основу) дискурса и может en masse эксплицировать идеологическую направленность автора. Этим и обусловлен наш интерес к теме-основе в высказываниях одного из самых оригинальных текстов русской литературы.

Одной из замечательных особенностей лирико-философских текстов В. В. Розанова[1] является весомое преобладание коммуникативно расчлененных высказываний, начинающих отдельные миниатюры-«листья». Как следствие, повышается значимость основы высказывания, а изложение отклоняется от узуса темарематического шага. Наше дальнейшее изложение предполагает анализ этого явления и оценку тематического компонента.

I. Соотношение различных коммуникативно-синтаксических типов[2], представленных в розановских «листьев», выглядит следующим образом.

1. Единичными примерами представлены констатирующие процессуальные и квалифицирующие высказывания с основой, подчеркивающей ситуативное ограничение в основе и включающей лицо или предмет, сообщение о котором дается ремой. Ср.: «26-го августа 1910 г. я // **сразу состарился**. <20 лет стоял „в полдне“. И сразу 9 часов вечера>» (Уед. С. 80). Локализация во времени и субъект отнесены к тематическому компоненту; предмет сообщения — факт (*сразу состарился*), оказывающийся характеристикой субъекта. Коммуникативная направленность таких высказываний — конкретная событийность, лежащая вне основной направленности «листьев».

2. Ситуативно-констатирующие высказывания с «ограничительно-вводящей функцией» темы-основы в текстах «листьев» в сравнении с предыдущим типом встречаются значительно чаще, хотя и их нельзя назвать частыми в абсолютивном значении. Речь идет о высказываниях, основа которых указывает на некую обстановку или условия, в которых совершается факт, называемый в предицируемой части фразы. Ср.: «В 1904–5 г. // **я хотел написать что-то вроде „гимна свободе“**...» (Кор. 2. С. 312). Во всех случаях тематический компонент ограничен временным или пространственным локализатором, к рематической части высказывания отнесено полное сообщение о факте (явлении), включающее субъектный и признаковый компоненты. Как видно из примеров, этот коммуникативный тип в розановских «листьях» обслуживает не только «событийные», но и сентенциозные, афористические высказывания.

3. Сравнительно редки высказывания, уточняющие называемый темой-основой факт. Основа таких высказываний указывает на некий факт и необходимо включает грамматическое сказуемое, в предицируемой части этот факт уточняется. Ср.: «…да Элевзинские таинства совершаются // **и теперь**» (Кор. 2. С. 242); «**Нагими** // рождаемся, <нагими сходим в землю>» (Кор. 2. С. 311). Эти высказывания могут содержать как указания на частные факты, так и широкие обобщения.

4. Редки высказывания, передающие отношение «субстанций» (лиц, предметов), называемых основой. В основе этих высказываний именование двух субстанций, находящихся в некотором отношении друг к другу[3]. Ср.: «Сам я // **постоянно ругаю** // русских» (Уед. С. 48); «Я // **не враждебен** // нравственности, <а просто „не приходит на ум“>» (Кор. 1. С. 128). Количественная незначительность таких высказываний является в определенной степени неожиданной, поскольку личностная сфера, обычно изображаемая через отношение (чувство) к иным объектам, тематически значима для розановских «листьев». Возможное объяснение состоит в направленности текста на «вещный» план — личностная характеристика дана через характеристику окружающей реальности.

5. Преобладающий же коммуникативно-синтаксический тип «листьев» — это описательно процессуальные и квалификативно-качественные высказывания с «репрезентирующей функцией» темы-основы[4]. Эта модель сводится к схеме: «репрезентант чего-либо — сообщение о нем», в силу чего становится чрезвычайно удобной для передачи характеризующих значений и реализуется в различных конструктивных формах. Ср.: «Вся натура его // — **ползучая**» (Кор. 1. С. 121); «Моя кухонная (прих.-расх.) книжка // **стоит „Писем Тургенева к Виардо“…**» (Кор. 1. С. 127); «Все убегающее, ускользающее // неодолимо влечет нас» (Кор. 2. С. 275); «Вообще драть за волосы писателей // **очень подходящая вещь**» (Кор. 1. С. 121); «В либерализме // **есть некоторые *удобства***, <без которых трет плечо>» (Кор. 1. С. 188); «Мне // **и одному хорошо, и со всеми**» (Уед. С. 47).

II. Тематический компонент

1. Категориальные характеристики темы.

Естественно, что на характеристиках тематического компонента «листьев» сказывается «я»-ориентированность этих текстов. Значительная часть высказываний в составе тематического компонента содержит различные падежные формы личного местоимения 1-го лица, варьирующиеся в пределах: действователь (агенс) — обладатель

(посессив). Ср.: «...Я // **разгадал тетраграмму**, <Боже, я разгадал ее>» (Уед. С. 54); «Редко-редко у меня // **мелькает мысль**, <что напором своей психологичности я одолею литературу>» (Кор. 2. С. 349); «У меня // **было религиозное высокомерие**» (Кор. 2. С. 325). В отдельных случаях этот «я»-элемент имеет значение пациенса, оставаясь 'носителем признака'; ср.: «Меня // **даже глупый человек может „водить за нос“**…» (Уед. С. 49). Однако, что важно, преобладает именно форма именительного падежа личного местоимения. Ср.: «Литературу я чувствую // **как штаны**» (Кор. 1. С. 172). Таким образом, личностное начало автора подано преимущественно как агентивное. Также частотны тематические компоненты с притяжательным местоимением 1-го лица. Ср.: «Вся жизнь моя // **была тяжела**» (Кор. 2. С. 325); «Мой переиспуг // **и погубил все**...» (Кор. 2. С. 328); «О леность мою // **разбивался всякий наскок**» (Кор. 2. С. 329). Наконец, среди высказываний с основой ситуативного типа встречаются фразы, в которых обстоятельственный детерминант, служащий темой, также включает притяжательное местоимение 1-го лица. Ср.: «В мое время, при моей жизни, // **создались некоторые новые слова**…» (Уед. С. 43). В этом (и подобных) случае темпоральная ситуативная локализация совпадает с временным жизненным пространством самого автора. Насыщенность текстов «листьев» высказываниями, тематический компонент которых содержит «я»-элемент, создает совершенно определенную общую окраску текста в целом. Речь идет о постоянном звучании авторского голоса, что, в свою очередь, навязывает читателю ощущение постоянного присутствия авторского сознания.

Что до иных составляющих тематического компонента, то они обыкновенно предполагают субстантивный элемент. Это явление вполне узуально, однако особенность розановского текста такова, что в подавляющем большинстве случаев этот субстантивный элемент не имеет агентивного характера. Чрезвычайно редки высказывания с темой — личным активным субъектом (конкретное или обобщенное 3-е лицо), выраженным именительным падежом имени, наподобие: «Русский ленивец // **нюхает воздух**, <не пахнет ли где „оппозицией“>» (Кор. 1. С. 149)[5]. Значительно чаще встречаются высказывания с темой — пассивным или посессивным личным субъектом, субъектом-носителем качества. Ср.: «У Рцы в желудке // — **арии из „Фигаро“**, <а в голове — великопостная „Аллилуйя“>» (Кор. 1. С. 181); «„Кнут“ Фл. (Флоренского. — *А. Ф.*) // **как-то месяцы жжет мне душу**…» (Кор. 2. С. 304).

Общим отличием тематического компонента высказываний «листьев» являются субстантивные элементы и сочетания с неличным субъектом, используемые в качестве грамматического субъекта. Ср.: «Литературная память // **самая холодная**» (Кор. 2. С. 272); «**Велик** // горб человечества…» (Кор. 1. С. 110). Значительная часть таких высказываний содержит в тематическом компоненте отвлеченное отглагольное или отадъективное имя. В этих случаях розановский текст приобретает очевидную книжную окраску. Ср.: «Унижение // **всегда переходит через несколько дней в такое душевное сияние**, <с которым не сравнится ничто>» (Уед. С. 51); «Гнусность печати, // **м. б., имеет великую и святую, *нужную* сторону** …» (Кор. 2. С. 330).

К высказываниям с субстантивным элементом в составе темы примыкают фразы, в которых тематический компонент включает инфинитив, становящийся именем действия; ср.: «Воображать // **легче, чем работать**…» (Кор. 2. С. 327). При наличии зависимых слов (обычно — объектных дополнений) такой инфинитив вкупе с ними создает семантически субстантивную группу, изображающую действие в его смысловой полноте. Ср.: «Счастливую и великую родину любить // **не велика вещь**» (Кор. 1. С. 106). К количественной периферии относятся высказывания с тематическим компонентом, имеющим ситуативный характер. Ср.: «**Никакого интереса // в будущем**» (Уед. С. 80); «Всегда в мире // **был наблюдателем, а не участником**» (Кор. 1. С. 159). Еще более редки, чем предложения предыдущей группы, высказывания уточнения. Ср.: «Авраама призвал // **Бог**; <а я сам призвал Бога...>» (Уед. С. 50).

Приведенного материала достаточно для некоторых обобщений. Исходим из представления о коммуникативном значении тематического

компонента как об исходной точке разворачивающейся в высказывании мысли[6]. С этой точки зрения «листья» представляют собой экспликацию авторского сознания, причем данного с подчеркнуто активным началом по модели: **не «мне представляется», но «я считаю»** (ср. выше данные о преобладании в основе (теме) высказывания среди сочетаний с «я»-компонентом форм именительного падежа). Другая черта — отчетливая **субстанциальная направленность** «листьев», формируемая регулярным субстантивным компонентом в составе темы, передающим значение неличного субъекта / носителя состояния.

2. Лексико-семантические характеристики темы.

Тематический компонент не только исходная точка развиваемой в высказывании мысли, но и, одновременно, указание на «предмет речи». Соответственно интерес представляет собой лексическое наполнение последнего. Общий анализ материала всех трех книг «листьев» отчетливо показывает наличие семантико-тематических констант: регулярно воспроизводимых в основе высказывания одних и тех же лексических единиц, сводимых в устойчивые 1) лексико-семантические группы / символы и 2) лексико-тематические группы.

Не ставя задачу распределить все основы высказываний по указанным лексическим единствам, выделим очевидно рельефные семантические общности. Первый вопрос здесь — следует ли учитывать наиболее объемную группу высказываний, тематическая составляющая которых образована самодостаточным «я»-ориентированным компонентом, как рядоположную другим лексико-семантическим общностям? По всей вероятности, ответ должен быть отрицательным, поскольку в этом случае речь идет как о прямой номинации, воспроизводящей фрагмент действительности, так и о дейксисе, переводящем воспроизводимую действительность в план авторского сознания. Таким образом, приходится говорить о **функциональной двойственности «я»-ориентированной темы**: экспликации сознания пишущего и манифестации автора как «предмета речи». В конкретных текстах эти функции обыкновенно переплетены, что можно проиллюстрировать следующей своеобразной градацией: от содержания мысли к описанию деятельности, мотивированной состоянием сознания, и, далее, к характеристике собственного «я», реализация которого — определяет саму жизнь автора. Ср.: «Я думал, что все бессмертно. <И пел песни. Теперь я знаю, что все кончится. И песня умолкла>» (Кор. 1. С. 88); «Я пролетал около тем, но не летел на темы. <Самый полет — вот моя жизнь>» (Кор. 1. С. 90); «Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смеха и ангел слез. <И их вечное пререкание — моя жизнь>» (Уед. С. 38).

В числе регулярных и устойчивых собственно лексико-семантических групп и сквозных символов розановского текста оказываются следующие[7]: *Бог* (*Ты*), *«друг»* (*мамочка*, *мы с мамочкой*), *мiр*, *жизнь*, *человек* (*человечество*, *люди*), *Церковь* (*Православие*, *религия*), русские (*Россия*, *русская жизнь*, *русское дело*, *мы*), *любовь*, *Пушкин*, *литература* (*писательство*, *книги*), *печать* (*газеты*, *публицистика*, *журнальная политика*), *революция* (*революционеры*, *эсеры*, *западники*, *демократия*, *либерализм*), *смерть*. Нетрудно заметить, что лексика, с помощью которой реализуются темы (основы) высказываний, в большинстве своем имеет книжную окраску. Соответственно такой «предмет речи» формирует и обеспечивает устойчивую книжную тональность тематической составляющей «листьев». Одновременно отметим, что указанная лексика входит в выборку наиболее частых слов розановских текстов. В частности, слова *Бог*, *человек*, *жизнь* входят в число первых 10 по частоте употребления лексем.

Наряду с «я»-ориентированными основами высказываний и основами, сводимыми в указанные выше лексико-семантические группы, в «листьях» во множестве встречаются высказывания, основы которых можно свести к тематическим группам. Имеем в виду следующие лексические общности: «актуальные» современники Розанова: К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой, Д. С. Мережковский, М. Горький, Д. В. Философов, П. Б. Струве и др.; предметно толкуемые отвлеченные понятия: *цинизм*, *унижение*, *слава*, *уважение*, *злоба*, *боль*; социальные, этнические и поведенческие типы лю-

дей: *интеллигенты*, *чиновничество*, *священники* (*попы*), *евреи*, *французы*, *болтун*, *мечтатель*, *преступник*.

3. Тема как *новое*.

Перейдем к отличительной особенности «листьев», следующей из преобладания начинающих отдельные миниатюры коммуникативно расчлененных высказываний, которую обозначим «тема как *новое*». Попробуем определить, что означает с точки зрения стилистической окраски текста устойчивость явления «тема как *новое*». Это, прежде всего (при взгляде от говорящего-автора), воспроизведение (имитация?) спонтанности устного говорения. *Новая* тема как будто бы задается творческим произволом автора — импульс к ее возникновению всецело в сознании автора вне каких-либо соображений об интеллектуальном и эмоциональном удобстве читателя. В некоторых случаях ассоциативные тематические связи прослеживаются в сравнительно близком контексте, однако в большинстве «листьев» начинающее микротекст коммуникативно расчлененное предложение, действительно, эксплицирует в тематическом компоненте нечто *новое*. Так, можно дать следующие примеры наличия *ассоциативных* тематических связей: 1) «Русский болтун везде болтается <…> Он начинает революции и замышляет реакцию <…> Вдруг Россия оказалась не церковной, не царской, не крестьянской, — и не выпивочной, не ухарской: а в белых перчатках и с книжкой „Вестника Европы“ под мышкой» (Кор. 1. С. 188); 2) «В либерализме // **есть некоторые *удобства*,** без которых трет плечо <…> Либерал красивее издаст „Войну и мир“. Но либерал никогда *не напишет „Войны и мира“*: и здесь его граница <…> Я бы, напр., закрыл все газеты <…> воля и свобода — „пожалуйста, без газет“: ибо сведется к управству редакторишек и писателишек <…> „каждый редактор да возит на своей спине «*Вестник Европы*» подписчикам“» (Кор. 1. С. 188)[8]. Приведенные высказывания начинают и, далее, выявляют содержание двух соседствующих «листьев». Именно последние, проясняющие смыслы розановских публицистических инвектив, подтверждают тематическую ассоциативность обоих «листов». Ср. общее (и при этом — скептически окрашенное) указание на «Вестник Европы», а также упоминание *газет* и *редакторишек и писателишек* (как несомненного *либерализма* и *либералов*, но равно и заведомой *болтовни* и *болтунов* соответственно). Отсюда и напрашивающийся итоговый вывод о частичной интерференции ключевых тематических слов обоих «листьев»: *болтун* — не всегда *либерал* («замышляет реакцию»), но *либерал* — всегда *болтун* («управство редакторишек и писателишек»).

Однако примеры тематически заданных «листьев» суть редкость в розановском тексте. В подавляющем большинстве случаев явление «тема как *новое*» не опирается на обусловливающий левый контекст. Более того, в ряде случаев тема открывается элементом дейксиса, однако сам объект указания в близком контексте отсутствует. Такие элементы, функционально приближаясь к частицам, как будто бы подчеркивают саму внезапность приступа к новой теме; ср.: «Так мы с мамочкой и останемся вдвоем, и никого нам больше не нужно» (Кор. 1. С. 165). Функционально к таким конструкциям примыкают «листья», начинающиеся со слов-предложений *да*, *нет* и под.; ср.: «Да. Смерть — это *тоже религия. Другая религия*» (Кор. 1. С. 89); «Нет, чувствую я, предвижу — что, не пристав *здесь*, не пристану — и *туда*» (Кор. 2. С. 309). Такие утверждения / отрицания, как будто бы долженствующие отсылать к предшествующему тексту, в действительности — суть актуализирующие элементы авторефлексий, выявляющих важные для авторского сознания смыслы. В ряде случаев трудно определить, является ли частица *да* словом-предложением или модальной частицей; ср.: «Да... вся наша история немножечко трущоба, и вся наша жизнь немножечко трущоба» (Кор. 1. С. 106).

Возвращаясь к эффекту расчлененного высказывания в начале микротекста, сформулируем следующие вопросы. Первый вопрос — от автора: к какой же текстовой реальности отсылают эти дейктические и модальные элементы высказываний, в частности, и само явление «тема как *новое*», в целом?[9] Другой вопрос — со стороны читателя: отчего постоянное и, фактически, насильственное в своем отношении к читателю вве-

дение *новой* темы не препятствует ее восприятию последним?[10] Полагаем, следует учесть смысловые связи того *целого*, в которое входит каждый отдельный «лист»[11]. Однако сказанное следует понимать расширительно: речь идет о тотальной обращенности «листьев» к **ключевой русской символике**[12]. «Тема как *новое*» в розановском тексте лишь потому и существует, не рассыпая *целого* книги и не травмируя читателя, что находит опору не в предшествующих контекстах (и тем более не в некоем вполне мифическом «предтексте»), а в укорененных в языковом русском сознании (равно — автора и читателей) символах, своей совокупностью воспроизводящих **«действительность вещей и реальность идей»**[13].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Далее в тексте приняты следующие сокращенные названия авторизованных текстов: *Уед.* — «Уединенное» (1912), *Кор. 1* — «Опавшие листья. Короб первый» (1913), *Кор. 2* — «Опавшие листья. Короб второй и последний» (1915).

[2] Ориентируемся на описания коммуникативно-синтаксических типов, представленные в работах И. П. Распопова: Актуальное членение предложения (На материале простого повествования преимущественно в монологической речи). Уфа, 1961. С. 58–78; Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970. С. 113–133.

[3] *И. П. Распопов*. Строение простого предложения… С. 130.

[4] Именно этот тип высказываний обеспечивает количественное превосходство тематически детерминированных высказываний.

[5] Несколько иная картина предстает в «Коробе 2-м», который содержит большее количество отрывков публицистической направленности с упоминанием реальных лиц, вводимых в тему номинативом.

[6] Ср.: «...актуальное членение предложения в его важнейших компонентах является показателем того, какой именно „кусочек действительности“ отражается в сознании говорящего и в высказывании и что о нем сообщается в адрес собеседника» (*Распопов И. П.* Актуальное членение предложения… С. 43).

[7] В ряде случаев обозначаем группу условным гиперонимом.

[8] В издании 1913 г. (*В. Розанов*. Опавшие листья), в котором по настоянию автора каждый «лист» размещен на отдельной странице, эти фрагменты помещаются, соответственно, на страницах 463 и 464.

[9] Иногда указанные черты интерпретируются как существование некоего невербализованного предтекста; ср.: «Этим предтекстом служит, однако, не предшествующая повествовательная единица, а не выраженное словесно содержание. За текстом остается „смысловое пространство“, рожденное мыслью повествователя и связанными с ней эмоциональными ассоциациями» (*Николина Н. А.* «Уединенное» В. В. Розанова: структура текста // Николина Н. А. Филологический анализ текста. М., 2003. С. 66). Полагаем, «мысль повествователя» и «эмоциональные ассоциации» должны были бы составить экскурс в проблему «образа автора», что же касается самого квазитермина «предтекст», то этот вполне технологичный для теории текста исследовательский конструкт не только неосязаем, но и, будучи номиналистически образованным артефактом, фактически, прячет проблему под содержательно пустым понятием.

[10] Нелишне отметить, что среди множества *отрицательных* откликов на «Уединенное» жалоб на собственно литературную форму не было. Претензии распространялись на содержание «листьев», резкость тона и градус интимности, но не на «беспорядочность» тематической организации. Сказанное относится и к письмам-«рецензиям», приходившим к Розанову и во множестве им опубликованным.

[11] Ср.: «В условиях монологической речи для выявления того, какое коммуникативное задание раскрывается данным предложением и каково, следовательно, его актуальное членение, существенную роль играет наличие определенных смысловых связей этого предложения с тем речевым целым, в состав которого оно входит» (*Распопов И. П.* Строение простого предложения… С. 105).

[12] См. выше лексико-семантические характеристики тематического компонента.

[13] Используем формулу В. В. Колесова (*Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007. С. 365).

[представляем новые книги]

Алексеев Д. И. **Сокращённые слова в русском языке / Предисл. Е. С. Скобликовой; Заключит. ст. В. Д. Бондалетова. Изд. 2-е, доп. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 346 с.**

Первое издание публикуемой монографии вышло в издательстве Саратовского госуниверситета в 1979 году. В нём обобщён богатый опыт исследовательской и лексикографической работы автора по созданию «Словаря сокращений русского языка» (М., 1963, 1977, 1983, 1984). Книга характеризуется широким содержанием, одинаково значимым как в теоретическом, так и в практическом отношении.

В монографии описывается история русских графических сокращений от начала славянской письменности до нашего времени, история возникновения на базе лексических аббревиатур и аббревиации как способа словообразования, специфика аббревиации и аббревиатур советского вре-

(Окончание на с. 88)

А. Н. Вытушняк

ИГРА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АКМЕИСТИЧЕСКОЙ ИРОНИИ В ЛИРИКЕ А. С. КУШНЕРА

ALEXANDRA N. VYTUSHNYAK

PLAY AS THE REFLECTION OF ACMEIST IRONY IN THE POETRY BY A. S. KUSHNER

Статья посвящена игровому началу в лирике А. С. Кушнера, которое реализуется на разных уровнях текста и является проявлением иронии как характерной черты авторского идиостиля. Ирония определяет специфику отбора и применения языковых и речевых средств. В статье рассматриваются приёмы, с помощью которых обыденная действительность возводится в ранг действительности поэтической, благодаря чему осуществляется расширение предметного поля поэзии.

Ключевые слова: игровое начало в поэзии, ценностные установки автора, ирония, контекстуальное соположение элементов, петербургская поэтическая школа.

The article is devoted to play in Alexander S. Kushner poetry that gets realized on various levels of text structure and can by interpreted as the reflection of irony as the basic principle of the author's individual style. It is irony that defines the selection and functioning of language and speech means. The article examines the ways used by the author to raise the every-day reality to the level of 'poetic reality', and thus to expand the domain of objects in poetry.

Keywords: poetry as play, author's values, irony, interaction of language means in context, poetry of St. Petersburg.

Александра Николаевна Вытушняк

Ассистент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета СПбГУ

► vytushnyak05@gmail.com

Лирика А. С. Кушнера вот уже несколько десятилетий сопровождает читателя, вызывая разные чувства: есть любители его спокойно-ироничной поэзии, есть и такие, которые считают его спокойно-скучным, однообразным, вне динамики времени. В то же время к нему часто обращаются при обучении русскому языку как иностранному, обнаруживая в его стихах как черты классического русского стиха, так и яркие приметы современной речи. В любом случае, поэзия А. С. Кушнера представляет интерес для изучения прежде всего его языка.

В творчестве А. С. Кушнера можно обнаружить большое разнообразие тем и ракурсов изображения действительности, в каждом новом сборнике читатель встречает нового А. С. Кушнера, новый поворот темы, новую поэтику, хотя основные черты его поэтической системы остаются неизменными. Одной из характерных черт авторского индивидуального стиля является *игровое начало*, которое реализуется одновременно на самых разных уровнях текста и непосредственно воплощает специфику авторского мировосприятия.

Игра представляет собой одно из проявлений такого принципа авторского идиостиля, как ирония. Последнюю в данном случае следует понимать не как средство выражения оценки негативных сторон окружающей действительности и не только как разновидность комического, но как категорию, которая определяет эмоционально-оценочное отношение автора к изображаемой им действительности и непосредственно соотносится с основными *ценностными установками* автора. Эта ценностная составляющая и определяет основные черты стиля поэта, специфические особенности отбора и применения различных речевых и языковых средств.

Главной ценностью для А. С. Кушнера является земная жизнь, в которой человеку необходимы «готовность к действию и сила, желанье жить и мужественный дух» (ХМ: 76)[1], однако в ней слишком много забот и трудностей, которые отвлекают человека от переживания райского счастья, при том, что утверждается его доступность каждому живущему на земле. И пережить это счастье и райское наслаждение, победить смерть и мрак как раз и помогает настоящая поэзия («...только эту живую задачу и решает поэзия вся» (ОВА: 35)). А. С. Кушнеру не свойственно возмущаться несовершенством действительности:

Жизнь бывает такой отвратительной,
что об этом умней промолчать.
И без нас есть такие любители
Черной краской ее рисовать,
Словно в детстве их чем-то обидели,
Не любили отец их и мать... (К: 11)

Напротив, речь идёт об особой «светлой» (по определению Н. Гумилёва) иронии, которая отличала лирику поэтов-акмеистов (А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Кузмина и других), давая им возможность затрагивать самые серьёзные темы без лишнего пафоса и громких, высокопарных слов, задавать свои вопросы «без нажима и аффектации» — черта, которая позволяла им противопоставлять себя символистам с их высокими темами и подчёркнутой серьёзностью [2: 13–15]. Поэзии, согласно поэтической философии А. С. Кушнера, по самой её природе свойственна детская беспечность и беззаботность, но она же является носительницей божественного начала и по своей природе не знает о смерти, не знакома с бедами и страданиями. Серьёзное не отсутствует в ней, но присутствует в особой форме — как бы вскользь. По словам самого поэта, поэзии вредит «величие замысла» (З: 114). Стихи пишутся по самому ничтожному поводу (какой-то звонок, какое-то незначительное событие становится поводом для лирического размышления). Поэт по-детски легкомыслен (например, о Пастернаке говорится, что «и сам он дитя, и широк, как все гении» (К: 73)). Писание и чтение стихов доставляет детскую радость — и именно её больше всего ценит А. С. Кушнер в стихах любимых им поэтов. Он говорит об удивительном состоянии О. Мандельштама, который «в момент создания стихов, даже самых трагических» «бывал абсолютно счастлив — и это счастье передается нам, вызывая восхищение» (НЛФ: 146). Вот и лирический субъект А. С. Кушнера с детской непосредственностью соединяет в одном контексте несоединимое — образы, слова, цитаты, интонации, предаваясь ничем не ограничиваемой игре воображения:

Марья Ивановна, может быть, стала звездой?
Байрон, с его сумасбродством,
пошел в почтальоны... (К: 28)

На «трагическую подоплёку жизни» в поэзии содержится только намёк (НЛФ: 146), и намекает на эту скрытую суть жизни каждая вещь, каждая мелочь, и именно поэтому отворачиваться от них, уходить от реальности, предаваться романтическим порывам поэт не имеет права. Серьёзные темы (тоска, страхи и сожаления, которые сопровождают жизнь каждого человека) в лирике находят выражение на уровне содержательно-подтекстовой информации, и читателю иногда нужно приложить определённые усилия по их дешифровке.

Игровое начало реализуется прежде всего на уровне тематической структуры каждого из сборников. Свобода и непосредственность проявляются уже в самом отборе предметов и реалий действительности и их сочетании. Здесь и прожжённая на брюках дырочка (ХМ: 78), и две викингши в музее (ХМ: 63), и описание коня-лю-

бителя музыки (ХМ: 49), и т. д. В соединении несовместимого ирония проявляется прежде всего как средство создания комического эффекта. При помощи тропов или их цепочек совмещаются отдельные образы (тучи комаров напоминают паруса и заставляют вообразить море и корабли (ХМ: 44)), целостные репродуктивные изображения (дачи напоминают корабли на картине Тернера (ОВА: 50)). В «Крокодиле» К. И. Чуковского автором обнаруживаются переклички с поэмой А. Блока «Двенадцать», а в одном из стихотворений следующим образом пародируются взгляды А. С. Шишкова и его последователей:

Взгляд подняв к небосводу,
Слышишь горнюю весть,
Надо, надо бы оду
Адмирала прочесть.

Пусть стоят мокроступы
За дверями в пыли,
И шумят стихолюбы,
И плывут корабли... (ОВА: 85)

Игровое начало прослеживается и в том, как до неузнаваемости преобразуются традиционные образы поэзии. Тени не «холодные» или «мрачные», но «милые», вьюга не «заунывная» или «злобная», но «маленькая». Ели, которые традиционно описываются как «величавые», «угрюмые», «могучие» (все эпитеты взяты из словаря К. С. Горбачевича), в лирике А. С. Кушнера не оживают, но превращаются в нарядных красавиц, которым «пригладят брови и челки», а после «поведут на бал»:

На ветру они машут ветвями
И, зеленые, в платьях до пят
Выступают гуськом перед нами... (ХМ: 45)

В поэтическом тексте ирония основана на «специфическом типе оценочной амбивалентности, состоящем в неразрешимости оценочного конфликта „высокое — низкое“ и реализующемся в соположении в одном контексте двух типов словесных знаков». Так, по поводу этого свойства поэтического текста исследователи пишут: «Одна группа обозначает элементы ситуации как обладающие оценкой „высокое“ в культурном опыте человека. Присутствующие в тексте другие элементы обозначают качества или действия элементов ситуации как несущие оценку „низкое“» [6: 101]. Это соположение в одном контексте языковых элементов различной стилистической окраски является частным проявлением общего принципа идиостиля А. С. Кушнера, суть которого сформулировала Л. Я. Гинзбург, а именно особого *принципа контекстуального соположения языковых элементов*: «У Кушнера, разумеется, есть ассоциативные ходы и метафорические аспекты вещей, но не это основное для его поэтики. Для неё характернее взаимодействие, динамическое рядоположение слов, преобразованных контекстом. Поэтому Кушнер любит называние вещей, перечисление, нагнетание лексически подобных определений» [1: 96].

Иронией окрашено отношение прежде всего к себе самому. Принцип намеренного отказа от какого-либо романтического ореола в образе лирического субъекта давно известен читателям А. С. Кушнера. В его стихах рисуется образ обычного человека в обычных жизненных обстоятельствах. Он тяжело переживает обиды, мелкие страхи, бывает раздражителен, прилежно трудится за письменным столом, пытается справиться с какими-то неурядицами, а его личное пространство ограничено пространством рабочего кабинета и дачи, где он как городской житель часто проводит время. С помощью лирического «мы» происходит его отождествление с читателем:

И только мы сидим за чаем,
Ведем ненужный разговор,
Молчим, надеемся, скучаем... (К: 58)

Образ намеренно снижен и заставляет вспомнить о маленьком человеке русской классики. И в то же самое время этот маленький человек оказывается связан с божественной стихией поэзии, сопричастен её силе, как об этом прямо заявлено в программном стихотворении книги стихов «Кустарник» (куст выступает в качестве символа поэтического творчества):

Посмотри на кустарник, обнимающий склон,
Вот мой лучший напарник, я разросся,
как он... (К: 32)

Лирический субъект как бы един в двух лицах, о чём говорится в одном из стихотворений:

Я раб, я бог, сосредоточась
На смысле жизни, червь и царь... (ХМ: 21)

Ярким проявлением иронического начала становятся речевые приёмы самохарактеризации в лирике А. С. Кушнера. Говорящий посредством метафор различного типа уподобляет себя предметам — окурку («В пепельницу окурком ткнусь...»), кусту («Посмотри на кустарник... Я разросся, как он (К: 32)) и даже собаке из стихотворения Анненского («Я чуть ли не лаял собакой, по ельником бьющей хвостом...» (К: 82)). Иронией проникнуты его самохарактеристики: «Я опрятен, прилежен. Хорошо мне сидеть у стола» (ОВА: 18), «Я педант, ретроград, Консерватор и трус, между нами» (ХМ: 48).

Себя самого говорящий помещает в один ряд с предметами:

Перемещается в стихи
Жизнь постепенно, только прядка
На лбу, да жалкие грехи,
Да желчность в качестве остатка
При нем остались, да пенсне,
Нет, и пенсне в стихи попало.
Не подходи и ты ко мне:
И от меня осталось мало (ОВА: 83).

А. С. Кушнер играет с языковыми средствами различной стилистической окраски, культурными контекстами. Речевые клише соединяются со словесными знаками, представляющими прецедентные ситуации («филиал Иродова дворца на другой звезде» (ХМ: 7), (валет) «воскрес в двух экземплярах» (ХМ: 69)), общепоэтическими формульными средствами («золотой экземпляр» (о придорожном кусте) (ХМ: 22)), поэтическими образами-символами интертекстуального характера, посредством которых осуществляется диалог с поэтической традицией («стрекоза[2] не стучится с загробным визитом» (ХМ: 54), «белая ночь[3] поднимает любую деталь в статусе» (ХМ: 44)), специфически поэтической лексикой («заранее тлением взят на учет в вечереющем свете» (ХМ: 57), «...если спрашиваю что-то у звезды, то не от пылкости, а только для порядка» (К: 27)). Соединение в одном контексте слова, называющего бытовой предмет, с традиционным поэтическим эпитетом («Свежесть утренняя, тиховейная как из чайника пьется, из носика» (ХМ: 46)) также является непосредственным проявлением акмеистической иронии в лирике А. С. Кушнера, возводя данный предмет в ранг предмета поэтического и придавая ему свойства символа. Так, «мобильная легкая трубка» приобретает подобные свойства в контексте описания сцены прощания с умирающим (ХМ: 54) благодаря инверсии, а также приёму актуализации многозначности определения «лёгкий». В приведённом сочетании оно может быть интерпретировано и как логическое определение, и как поэтический эпитет, причём второй вариант поддержан при помощи повтора (благодаря упоминанию в одном контексте с сочетанием «легкая душа»). Так, обыденный предмет, включаясь в контекст разговора о разлуке и смерти, превращается в символ инобытия, связи с умершим. Таким образом проявляется родовая причастность А. С. Кушнера петербургской поэтической школе, в рамках которой обновление поэтического языка осуществляется через расширение предметного поля поэзии, что отмечено, например, в работе [3: 161]. Скрытая, незаметная поверхностному взгляду экспериментальность в творчестве петербургских поэтов получила даже название «петербургский мираж» [5: 7].

Игровое начало проявляется также в таком свойстве лирики А. С. Кушнера, как её прецедентность, когда тексты включают многочисленные отсылки ко всей русской поэзии и петербургской в частности (А. Блоку, А. Ахматовой, О. Мандельштаму и многим другим)[4].

Другим способом возвышения обыденного предмета являются контекстуальные соположения предметных имен с прецедентными феноменами (текстами, ситуациями и именами). В соответствии с акмеистическим видением окружающей действительности сквозь призму культуры часто отдельный словесный знак метонимически замещает целую эпоху (мир Античности, христианство и т. д.). Приведём в качестве примера описание зимнего дня, когда культурная ассоциация иронически окрашивает текст:

Подрастают сугробы,
как белые сфинксы и львы,
Словно их из пустыни пригнали
сюда на прокорм! (ОВА: 10)

Таксист сравнивается с Тезеем, а испытываемые человеком страхи — с внутренним

Минотавром (ОВА: 77). Представителями «высокого» контекста также выступают сравнения с произведениями искусства («интермедиальные семантические фигуры» в терминологии Н. А. Фатеевой [4: 153]): придорожный кустарник сравнивается с мальчиком со шпагой на картине Мане (ХМ: 222), ели с инфантами на картине Веласкеса (ХМ: 45) и т. д.

Любая мелочь возвышается, и аналогичным образом может снижаться «высокий» предмет. Так, в стихах о классиках советской поэзии обращается внимание на деталь обстановки — венок, на фоне которого они фотографируются:

Пышный, парадный венок жестковат
На фотографии, накрепко слеплен,
Я присмотрелся: да сколько ж кустов
Лавра пошло на него или роща? (ХМ: 17)

Так через деталь передаётся отношение к изображаемой сценке, а сам словесный образ, как это часто бывает у А. С. Кушнера, выступает как метонимический знак-заместитель напыщенной официальной поэзии.

Лирический субъект поэзии А. С. Кушнера упрямо чуждается «сентенций» даже там, где они были бы допустимы. Например, образ двадцатого века, страшного и жестокого («с его шагом / Твердокаменным, светом и мраком» (К: 7)), конкретизируется при помощи стилистически окрашенного глагола «потоптался чуть-чуть и ушел» (К: 7).

Игра становится характерной чертой идиостиля А. С. Кушнера, являясь непосредственным выражением его ценностных установок и позволяя затрагивать самые глубокие и серьёзные темы, избегая при этом громких слов и серьёзного тона. Все отмеченные особенности реализации этого начала и приведённые примеры высвечивают существенные стороны петербургской поэтической школы как особого направления в современной поэзии и творчества А. С. Кушнера как главного её представителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее цит. по следующим изданиям: **К** — *Кушнер А. С.* Кустарник. Книга новых стихов. СПб., 2002; **ОВА** — *Кушнер А. С.* Облака выбирают анапест. М., 2008; **ХМ** — *Кушнер А. С.* Холодный май. Книга стихов. СПб., 2005; **НЛФ** — *Кушнер А. С.* «Это не литературный факт, а самоубийство» // Новый мир. 2005. № 7. С. 132–146; **З** — *Кушнер А. С.* «Здесь, на земле...» // Кушнер А. С. Аполлон в снегу: Заметки на полях. Л., 1991. С. 108–190.

[2] Образ стрекозы отсылает к стихотворению Ф. И. Тютчева «В душном воздуха молчанье...», а также к стихотворению О. Мандельштама «Дайте Тютчеву стрекозу...»

[3] Образ, отсылающий к лирике А. Ахматовой.

[4] Мы назвали лишь некоторых авторов, в то время как тема прецедентности и присутствия поэтов петербургского текста в лирике А. С. Кушнера может быть предметом специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гинзбург Л. Я.* «Смысл жизни — в жизни, в ней самой...» [Рец. на сб. «Дневные сны»] // Юность. М., 1986. № 12. С. 95–96.

2. *Лекманов О. А.* Николай Гумилёв и акмеистическая ирония // Русская речь. 1997. № 2. С. 13–17.

3. *Невзглядова Е. В.* «На расписание, как на звездное небо, взглянул...» (Заметки о петербургской поэзии) // Невзглядова Е. В. О стихе. СПб., 2005. С. 157–173.

4. *Фатеева Н. А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2007.

5. *Хворостьянова Е. В.* Петербургская стихотворная культура // Петербургская стихотворная культура: Матер. по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов: Сб. статей. СПб., 2008.

6. *Чугуненкова Г. Н.* Типы иронического поэтического высказывания // Вестн. Санкт-Петербургского гос. ун-та. Сер. 9. 2007. Вып. 2. С. 101–103.

[представляем новые книги]

Сокращённые слова в русском языке...

(Окончание. Начало на с. 83)

мени. Особое внимание уделено грамматическим особенностям, произношению, правописанию и значению сокращённых слов советской эпохи.

В данное издание включен список трудов автора по проблемам аббревиации, вопросам диалектологии, лекции и стилистики, включающий также учебно-методические публикации, сборники под редакцией Д. И. Алексеева и его основные газетные публикации. Кроме того, приведён перечень литературы о жизни и трудах автора.

Книга представляет несомненный интерес для научных работников, аспирантов, преподавателей вузов и студентов-филологов, а также для лексикографов и авторов справочных пособий.

И. В. Одинцова

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ ФРЕЙМЫ КАК ЕДИНИЦЫ КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНОГО АСПЕКТА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

IRINA V. ODINTSOVA
STRONG AND WEAK FRAMES AS COMMUNICATION AND COGNITIVITY ASPECTS OF VERBAL ACTIVITY UNITS

В качестве ментальной модели стереотипной речевой ситуации в статье рассматривается понятие «фрейм». Дается характеристика сильных и слабых фреймов, характерных для начального и продвинутого этапов обучения русскому языку как иностранному.
Ключевые слова: речевая ситуация, фрейм, сильные и слабые фреймы.
As a mental model of stereotypic situation the article represents the notion of frame. The specification of strong and weak frames is given with regards to the beginner and advanced stages of learning Russian as a foreign language.
Keywords: speech situation, frame, strong and weak frames.

Ирина Владимировна Одинцова

Кандидат филологических наук, доцент
МГУ им. М. В. Ломоносова
► odintsova@mtu-net.ru

Одной из основных категорий современной коммуникативно-ориентированной методики обучения РКИ признается ситуация — речевая ситуация, коммуникативная ситуация, учебно-речевая ситуация (М. Л. Вайсбурд, А. А. Леонтьев, Е. И. Пассов, Н. И. Формановская, В. Л. Скалкин и Г. А. Рубинштейн и т. д.). «Учебно-речевая ситуация — это минимальная коммуникативная единица, которая способна, с одной стороны, вызвать речевую реакцию учащегося, с другой — стать формой осуществления им речевого акта»[1]. Однако, оперируя только коммуникативным понятием «речевая ситуация», невозможно понять механизм, лежащий в основе речевой деятельности.

«Поскольку процесс коммуникации не может быть адекватно описан без понимания когнитивных процессов, имеющих место в сознании участников общения при порождении и восприятии речи, становится очевидной необходимость изучения, помимо собственно лингвистических и релевантных внешних параметров коммуникации, их ментальных репрезентаций»[2]. Если коммуникативная сторона речевой деятельности была предметом пристального внимания методистов последних десятилетий, то ее когнитивная сторона обычно оставалась вне поля зрения.

Когнитивный подход к речевой деятельности открывает широкие возможности увидеть в обучении речи на иностранном языке ее связь с интеллектом человека, его мыслительными и познавательными процессами, теми структурами и механизмами, которые лежат в основе получения, хранения и передачи информации. Подобный подход позволяет связать данные наук о языке, обществе и человеке, используя их в лингвометодических целях.

Центральной идеей, объединяющей многие исследования когнитивных наук, стали представления о том, что наши знания организуются с помощью определенных структур — когнитивных моделей. К настоящему времени для обозначения когнитивных моделей, которые образуют хранимую в памяти базу данных, существует ряд разнообразных терминов. Наиболее распространенный среди них — «фрейм». Понятие фрейма пришло в когнитивные науки из информатики. Условно в трактовке этого понятия можно выделить два направления: лингвистическое и социологическое. Лингвистический подход восходит к пониманию фрейма в концепции М. Минского, для которого фрейм — это структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации[3]. Лингвистическое направление затем получило дальнейшее развитие в работах Ч. Филлмора, позднее — в исследованиях, выполненных в русле когнитивной лингвистики и психолингвистики. Социологический подход был концептуализирован в работах Г. Бейтсона, а затем детально разработан И. Гофманом. Под фреймом И. Гофман понимает «аналитические леса»[4], с помощью которых человек постигает свой собственный опыт.

«Ситуация» и «фрейм» — две противоположные парадигмы. «Ситуация» — это пароль к интеракционистскому подходу, «фрейм» — к категориальному. Ситуация рассматривается в системе координат ««здесь» и «сейчас». Фрейм же является трансцендентной структурой, выходящей за рамки сиюминутной жизни, «за пределы актуального Здесь и Сейчас»[5].

Фрейм представляет собой базисную когнитивную структуру, способную быть идентифицированной в рамках ситуации. Фрейм — это рамка соотнесения, система координат, в которой ситуация должна быть рассмотрена. Когда человек сталкивается с новой ситуацией, он пытается сопоставить ее с уже имеющейся системой фреймов, «делая запрос» в своем «хранилище знаний» в поисках подходящего фрейма. Обнаружив соответствующий ситуации фрейм, он активирует его, выявляя смысл события или фрагмента текста[6]. Если ситуация совпадает с системой координат интерпретатора, то он не обращает на нее внимание (воспринимает ситуацию как должную), если же не совпадает — человек испытывает замешательство, недоумение и пытается идентифицировать ее с привычными когнициями. Ничего не может быть сказано, услышано, прочитано, не пройдя ментальную обработку.

Фрейм обслуживает деятельность как специфическую форму взаимодействия языка и мышления. Универсальным же средством связи языка и мышления является слово. Произнося любое слово, даже междометие, мы запускаем фантазию слушающего, который пытается осмыслить услышанное, т. е. соотнести то, что он услышал, с имеющейся у него системой интерпретационных фреймов. Слово-тема на занятиях по иностранному языку одновременно является языковым словом-маркером соответствующего концепта и словом-стимулом для порождения текста-высказывания относительно концепта. Таким образом, слово-тема — это ключ доступа к когнитивно-коммуникативной базе человека.

Взрослый учащийся, начинающий изучать иностранный язык, обладает сложившейся в его сознании картиной мира. Эта картина, с одной стороны, обусловлена социокультурными традициями, которые отражены в его сознании, с другой — она биографически детерминирована. Например, даже такие базовые концепты, как «семья», «дом», «город» и т. д., обладая общим категориальным значением, имеют свои особенности для каждой языковой культуры, для каждого отдельного человека. Нарушения привычной картины мира, а это, прежде всего, нарушение уже сформированной семантики образов, приводит к коммуникативному замешательству, а иногда и к коммуникативному шоку. Отбор «имен» фреймов — выбор тем для учебника, объем и характер лексико-грамматического материала каждой темы находится в прямой зависимости от того, какого рода фреймы мы активизируем на конкретных этапах обучения языку. В этой связи представляется целесообразным рассматривать фреймы в оппозиции сильных/слабых фреймов, отражающих сильные/слабые ситуации. Назовем несколько признаков, на основе которых можно дифференцировать сильные и слабые фреймы.

1. Каноничность. Фреймы — это модели, с одной стороны, канонизированные в обществе, с другой — модели всегда биографически детерминированые. Например, в индивидуальном сознании концепт «огня» неповторим для каждого человека: у одного — это ужас от пожара, который случился в доме, у другого — тепло семейных вечеров, когда отец разжигал огонь в камине, и вся семья собиралась на семейный ужин. Канонический же образ, закрепленный в фрейме «огонь», заложен в социальном сознании только в оппозиции с другими фреймами. Фрейм «огонь» — это не то, что фрейм, например, «лес» или «торговый центр». Кононичные фреймы создают своеобразные пакеты информации, которые позволяют человеку ориентироваться в мире повседневности. Сильные фреймы максимально канонизированы в языковом сознании носителей языка. Слабые — минимально.

2. Стационарность. Фрейм, как уже говорилось, отражает типизированную ситуацию. Любая ситуация существует во взаимодействии контекста и личности. Если опираться на понятие обстановочной афферентации (П. К. Анохин), то ситуация представляет собой воздействие на организм всей совокупности внешних факторов, составляющих конкретную обстановку, на фоне которых осуществляется деятельность человека. Стационарность фрейма опирается на степень типизации обстановки, в которой развертывается ситуация, степень типизации действий субъектов ситуации и тех ролей, которые они исполняют. Типизация опривыченных действий, обстановки и ролей субъектов ситуации отражает процесс институализации, который обусловлен социальным наследованием информации и содержит набор характеристик, известных обществу и принятых в нем.

Сильные фреймы максимально стационарны, они сформированы дескриптивными (так делают все) и инъюнктивными (так все должны делать) нормами. На лекции, в ресторане, в начале телефонного разговора, на приеме у врача развертываются формальные структуры общения, в которых существует жесткий социальный порядок. В качестве критериев стационарности следует признать также такие параметры, как регулярная повторяемость, закрытость, структурированность, связанность, согласованность и алгоритмичность. За сильными фреймами закреплены речевые ситуации, которые характеризуются ритуализированными формами речевого взаимодействия, сопровождаемые воспроизводством клишированных разговорных формул. Речевые действия участников таких ситуаций характеризуются высокой репродуктивностью.

3. Смоделированность в прошлом. Осознание человеком действительности формируется на основе процесса апперцепции — процесса, посредством которого новый опыт трансформируется и ассимилируется под воздействием следов прошлых восприятий. В результате апперцепции, которая актуализируется на всех уровнях — языковом, когнитивном, аффективном, — формируются и контролируются нормы и стандарты поведения.

Особенность преподавания иностранного языка в том, что мы обращаемся к уже осаженному и сформированному в сознании учащегося опыту, но не можем вызвать его адекватное языковое выражение. Поэтому отбор фреймов, способных вербализоваться на каждом конкретном этапе обучения, — одна из основных задач преподавания. Особенно это важно на начальном этапе обучения.

Если проанализировать учебники не только русского, но и других языков, обращенных к учащимся начального этапа, то обращает на себя внимание унифицированность тем этих учебников. Традиционно выделяются темы «семья», «дом», «как я провел свой день», «город», «транспорт» и т. д. Примечательно, что в каждодневной жизни носители того или иного языка обычно не говорят на эти темы. Наверное, на того, кто начнет рассказывать, как он каждый день проходит путь от своего дома до работы, посмотрят с удивлением. Актуализация этой темы для носителя языка возможна только в условиях затрудненной, проблематизированной ситуации, когда ее необходимо вербально эксплицировать. Однако при обучении иностранному языку обращение к подобным темам абсолютно естественно. Универсальность таких тем не случайна. Эти темы являются «тема-

тическими примитивами», которые представляют собой «набор семантических примитивов, совпадающих с набором лексических универсалий»[7]. Тематические примитивы и составляющие их лексические универсалии лежат в основе человеческой коммуникации и мышления, а их различная конфигурация отражает разнообразие культур.

Лексические универсалии, формирующие тематические примитивы, составляют основу языка повседневности, которая, по образному выражению А. Шюца, является «верховной реальностью». Язык повседневности является аккумулятором базового опыта каждого человека. Не обладая образностью художественной речи или точностью языка науки, он, тем не менее, «способен транслировать наиболее значимые смыслы различных конечных областей значений в область повседневной жизни, делая их „понятными“ с практически достаточной степенью ясности»[8].

Стационарность речевого поведения, таким образом, проявляется в высокой степени соответствия совершаемого говорящим действия действиям других людей и своим действиям в аналогичных ситуациях в прошлом. Речевое поведение в сильных ситуациях максимально спрогнозировано и отвечает принципу «взаимных перспектив»[9], то есть учащиеся видят предметы и события в максимальной идентичной системе типизаций.

3. Предсказуемость в будущем. Мир в сознании человек отражается в трех моделях: модель существующего настоящего, модель свершившегося прошлого, сконцентрированного в накопленном опыте, и модель ожидаемого будущего. Подготовка сознания к действиям в предстоящей ситуации описывается в физиологии (в теории функциональных систем — П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, И. Ф. Фейгенберг) и психологии (Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия) в терминах *опережающего отражения* и *вероятностного прогнозирования*. Вероятностное прогнозирование характеризуется как предвосхищение будущего, основанное на вероятностной структуре прошлого опыта и информации о наличной ситуации. На основе вероятностного прогноза осуществляется подготовка к действиям, которые с максимальной вероятностью способны достичь цели. Опережающее отражение «предвосхищает» афферентные свойства того результата, который должен быть получен в соответствии с принятым решением, и, следовательно, опережает ход событий.

Сильные фреймы отражают ситуации, максимально спрогнозированные в будущем, что помогают человеку жить в вероятностно организованном мире и нормально функционировать в социуме. В речевом поведении эти принципы актуальны как для процесса восприятия речи, так и для ее продуцирования.

Как это следует из приведенных рассуждений, сильные фреймы активизируются на начальном этапе, слабые — на продвинутом. Сильные фреймы могут быть охарактеризованы как «предметные» фреймы, слабые — как «рефлексивные». Ситуации, актуализирующие предметные фреймы, представляют собой, прежде всего, сенсорное описание событий, которые можно увидеть, услышать. Речевые действия, формирующие подобные ситуации, обычно описывают ситуативную обстановку и поведение человека. Рефлексивные фреймы отражают ситуацию, в которой эксплицируются особенности авторского видения мира, когда личность приобретает способность создавать собственные дискурсы. Если в ситуациях, отражающих предметные фреймы, актуализируется репрезентативная стратегия речевого поведения, обладающая установкой на изображение неязыковых ситуаций и отличающаяся отсутствием аналитизма и оценки, то для ситуаций, отражающих рефлексивные фреймы, релевантной становится нарративная стратегия речевого поведения. Нарратив предполагает активное участие в создании дискурса автора, который способен выразить себя в тексте. Нарратив — не просто текст-повествование, это еще и оценка ситуации в целом, актуализирующая авторские убеждения и ценности. Нарратив является средством удержания внимания собеседника, его включенности в речевую коммуникацию, когда собеседник приобретает статус соавтора, и речевой контакт участников интеракции становится полноценным общением.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Одинцова И. В.* Некоторые аспекты организации коммуникативно ориентированного обучения // Русский язык за рубежом. 2004. № 3. С. 29. См. также: *Одинцова И. В.* Учебная коммуникативно-речевая ситуация и учебно-речевая ситуация как методические категории // Вестн. ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010 № 1.

[2] *Цурикова Л. В.* Анализ межкультурной коммуникации: когнитивно-прагматический подход // Вестн. ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 165.

[3] *Минский М.* Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. М., 1978.

[4] *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М., 2003.

[5] *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 526.

[6] *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.

[7] *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 296–297.

[8] *Смирнова Н. М.* Концепция релевантности А. Шюца и ее значение для социальной философии // Социемы. 2004 № 1. — http://csp.philos.usu.ru/usu/opencms/ru/publications/sociemi/10/smirnova.html

[9] *Шюц А.* Указ. соч. С. 14–16.

[представляем новые книги]

Теремова Р. М., Гаврилова В. Л. «Мы учимся в Герценовском университете»: Учебное пособие по русскому языку для иностранцев. — СПб., 2009. — 262 с.

Учебное пособие является авторским продолжением учебных пособий по разговорной речи Р. М. Теремовой, В. Л. Гавриловой «Окно в мир русской речи», «Ваше свободное время», «Актуальный разговор: чем живет человек».

Пособие предназначено для интенсивного обучения русскому языку самого широкого круга иностранных учащихся: студентов, аспирантов, слушателей краткосрочных курсов среднего и продвинутого уровней владения языком. Цель пособия — активизация навыков устной речи, совершенствование коммуникативной компетенции учащихся.

Первая часть пособия «Я — герценовец. И горжусь этим» знакомит обучаемых с *российским образовательным пространством* на материале РГПУ им. А. И. Герцена. Актуальность тем, связанных с проблематикой образования, очевидна: именно в учебной сфере происходит формирование коммуникативной компетенции инофонов, способности к эффективной, адекватной коммуникации, интерактивному взаимодействию с представителями иных социокультурных сообществ, носителями других языков. Все это определяет целесообразность рассмотрения в учебном пособии всех сторон жизнедеятельности иностранных учащихся в Герценовском университете: учебной, научной, внеучебной (воспитательной).

Опора на «живой» материал обучения студентов в РГПУ им. А. И. Герцена позволяет моделировать ситуации реального учебного общения: это и разговор с ректором университета, с деканом факультета русского языка как иностранного, и экскурсия по территории университета, знакомящая учащихся с историей университета, его традициями и символами, встречи с русскими студентами Герценовского университета.

Большое место в учебном пособии уделяется отбору проблемного материала (тексты, диалоги, творческие задания), поднимающего не только актуальные для иностранных студентов вопросы: легко ли учить русский язык, как достичь успехов в изучении русского языка, как написать научную работу, как быстрее адаптироваться к российской действительности, в том числе и к учебной среде.

В специальном разделе пособия «Преподаватель и студент — это целый мир!» рассматриваются «портреты» главных героев образовательного процесса, поднимаются вопросы стиля общения, зависимости эффективности обучения от взаимоотношений студентов и преподавателей, освещаются особенности этих взаимоотношений в разных странах (России, Китае, Венгрии, Финляндии, Швейцарии и др.).

Учебный материал, ориентирующий инофонов на участие их в научных конференциях, проводимых в Герценовском университете, помогает им приобщиться к научно-исследовательской работе, приобрести навыки публичных выступлений на русском языке.

2010 год — Год учителя, что в значительной степени определяет своевременность материалов, связанных с оценкой иностранными учащимися своих учителей («Мой любимый учитель»).

Вторичная социализация иностранных студентов в условиях жизни в России, приобретение ими социального опыта, формирование в них черт вторичной языковой личности — процесс непростой и многогранный. И эффективность его во многом зависит от внеучебной деятельности. Большую роль в преодолении адаптационных трудностей играет воспитательная работа, которой посвящен специальный раздел учебного пособия «Эти замечательные вечера в Герценовском университете». Логическим продолжением проблематики, связанной с образованием, является тема «Профессия, работа… Что может быть важнее?», поднимающая всегда значимые для студентов вопросы выбора профессии, устройства на работу, карьерного роста, интересующие всех студентов без исключения.

(Окончание на с. 101)

О. А. Лазарева

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ДЕКОДИРОВАНИЯ СИМВОЛОВ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

OLGA A. LAZAREVA

LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL BASIS OF COMPETENCE OF SYMBOLS DECODING FORMATION

Символ рассматривается в широком понимании как условный знак (символ, аллегория, эмблема, иконический знак). Представлена модель формирования нового вида составляющей коммуникативно-речевой компетенции — компетенции декодирования символов применительно к обучению в иностранной аудитории.

Ключевые слова: коммуникативно-речевая компетенция, идеолексема, символ, иностранная аудитория.

A symbol is considered to be a conventional sign (symbol, allegory, emblem, iconic sign). A new type model of communicative constituent formation (the competence of symbols decoding) with regard to teaching foreign students is represented in the article.

Keywords: communication and speech competence, idiolexime, symbol, foreign students.

Ольга Андреевна Лазарева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
► lazarevao@mail.ru

Проблема формирования коммуникативно-речевой компетенции, как в целом, так и отдельных ее составляющих, всегда интересовала преподавателей-методистов. В настоящее время предпринимаются попытки разработать модель общеобразовательной компетенции (comprehensive competence) для главного языка обучения, то есть модель способности пользоваться тем языком, на котором происходит обучение [17]. В качестве возможных компонентов такой обобщенной модели общеобразовательной компетенции предлагается формировать у современного учащегося следующие компетенции (Key Competencies for Lifelong learning. Council of Europe, Brussels, 11 November, 2005 (цит. по: [Там же: 68])): *компетенция в восприятии и понимании речи на слух* (Listening Comprehension Competence); *аудиовизуальная компетенция* — способность воспринимать материал со слуха с опорой на зрительную наглядность (Auditory-Visual Competence); *компетенция в чтении* (Reading Competence); *компетенция в письме* (Writing Competence); *компетенция в говорении* (Speaking Competence); ***компетенция декодирования и кодирования различных символов*** (выделено нами. — *О. Л.*), включая невербальные семиотические системы (Symbolic decoding/encoding Competence); *компетенция использования языка как средства передачи информации,* в том числе и с использованием Интернета (Media Competence); *литературная и эстетическая компетенция* (Literary and Aesthetic Competence); *функционально-прагматическая компетенция*

(Functional and Pragmatic Competence); *межкультурная компетенция* (Intercultural Competence); *учебная компетенция* как способность изучать языки (Language Learning Competence); *металингвистическая компетенция* / способность осознанно овладевать языком (Meta-Linguistic Competence / Language Awareness Competence).

Все представленные виды компетенций с различной степенью детализации так или иначе описаны в методической литературе. К сожалению, не всегда точно установлены соответствия представленных типов компетенций с основными составляющими коммуникативно-речевой компетенции, принятыми в отечественной методике, что требует отдельного исследования и детального описания. Формирование компетенции декодирования и кодирования различных символов в иностранной аудитории представляется актуальной и интересной задачей.

Что такое символ? В различных областях и направлениях теоретического анализа символа существует много толкований этого понятия и множество часто противоречивых суждений о символе (философский аспект — З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский; философско-герменевтический аспект — Г. Г. Гадамер; семиотический аспект — Ю. М. Лотман; культурологический аспект — Э. Кассирер; символ рассматривают как понятие поэтики — Ю. С. Степанов, проблема символа и языкового знака — в работах Ф. де Соссюра, символ как знак вторичной моделирующей системы — у современных исследователей и др.) (см., напр.: [3, 5, 13, 14, 22, 23, 24]).

Согласно энциклопедическому словарю-справочнику, символ (от греч. *σύμβολον* — 'условный знак, примета, эмблема, образ') в языке существует на уровне фонетической организации речи, а также на уровне лексики и подлежит интерпретации [11: 616–617]. У В. И. Даля символ — «сокращенье, перечень, полная картина, сущность в немногих словах или знаках… Изображение картинное и вообще чертами, резами, знаками с переносным символическим иносказательным значением» [4, т. 4: 185–186]. В методических целях наиболее уместным представляется рассматривать символ как условный знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы для другого содержания, как «специфический фактор социокультурного кодирования информации и одновременно — … механизм передачи этой информации» (А. Ф. Лосев) (цит. по: [15 : 96]).

«Среди множества потребностей человека есть одна, резко отличающая его от животных, — потребность в символизации. Человек живет не просто в физической среде, он живет в символической вселенной» [Там же: 95]. Открытие «символической вселенной» для иностранного студента возможно, если у него сформированы в достаточной степени *общие* компетенции, под которыми «Общеевропейские компетенции» понимают не зависящие от знания конкретного иностранного языка декларативные знания, неязыковые умения и навыки, экзистенциальную компетенцию и познавательные способности. Общие компетенции в результате обучения иностранному языку дополняются формированием *коммуникативных* компетенций овладения языком (языковая, социолингвистическая, прагматическая составляющие) [19]. Общие компетенции предполагают, как нам представляется, знание алфавита (родного и других языков), цифр, математических и химических символов, семиотики географической карты, знаков дорожного движения, нот как знаков музыкальной грамоты, геральдической символики, религиозной символики, значения амулетов, талисманов, знаков Зодиака и так далее, то есть всего того, что поможет в будущем формированию компетенции декодирования/расшифровки этих символов, в том числе и на русском языке.

Наш мозг ежедневно обрабатывает огромные объемы информации, «размашистая поступь технического процесса делает их только невероятнее… информационный поток грозит перерасти в потоп» [2: 32]. Ссылаясь на мнение авторитетных специалистов Калифорнийского университета, журналист П. Воронов пишет о том, что в наш век гиперскоростей городской житель просто обязан воспринимать два-три слова в секунду, а это ни много ни мало — сто тысяч слов в сутки. Информация приходит в виде электронных пи-

сем, SMS и других сообщений, из различных медиа-источников, в общем виде мы воспринимаем 34 гигабайта в день. Все это сказывается на нашем мышлении и поведении — человеку приходится в значительно большей степени, чем раньше, концентрировать свое внимание для обработки информации. Появились даже термины «распыленное внимание», «синдром дефицита внимания».

Проблема ускоренного восприятия информации требует своего решения, и в последнее время исследователи пишут о неслучайности появления на рубеже XX и XXI вв. так называемых *графодериватов*, под которыми понимают визуальные неологизмы, неологизмы-написания или графические окказионализмы, то есть лексические единицы с графически выделенным сегментом [6, 7, 20]. Например: КОМП**&**НЬОН (журнал: Без политики. Только бизнес); **100**лица; *Бі**б**л**і**отека;* джин**$**ы; **SOS**ульки; **DVD***-плеер;* **7**Я (универсам «Семья»); от***ЧЕХ***востили (о результатах футбольного матча); «ампир,В‘/empire,В‘» (книга В. Пелевина); во**ДА!** В виде особым образом выделенного сегмента используются смешанное написание кириллицы, латиницы, параграфемные элементы, символы, знаки препинания, различные шрифты и т. д. Т. В. Попова выделяет и дает терминологическое описание нескольких основных разновидностей графодеривации: монографиксация — *БУШечное мясо*, *(бес)порядок*; полиграфиксация *Web-издания, PR-компания, PR-технология, PR-ход, flash-баннеры CD-проигрыватель, IBM-подобный*; кодографиксация *На100ящие сейфы*, *$пеццены*, *«Дебют перв☺курсник@: Ч@Тное мнение»;* типографиксация ***КАНН**ай отсюда*, *УРАЛЬСКИЙ БЕСПёРЕДЕЛ*; комбинированная графодеривация ***Re**:акция.* Внутри каждого типа выделяются его разновидности [20].

Данный тип написания рассматривают как результат изменения ментальности современного человека [21], который лучше воспринимает многомерные тексты с включением дополнительной символики. Это исследователи называют проявлением и показателем некой «гламурности» [10: 135]. В настоящее время в номинации активно включаются дополнительные знаки, часто символизирующие и дублирующие само название или то, что рекламируется, производится, продается, номинируется непосредственно в рекламе/ под вывеской. Часто появляется особый элемент, рисунок, иконический знак, символ, который заменяет собой букву. Данный элемент было предложено назвать **гра́фикс**ом (от греч. *γράφω* — ‘пишу’ и от лат. *fixus*— ‘прикрепленный’), а при условии, что графикс выражает частично или полностью семантику лексической единицы, в состав которой он графически включается, данный элемент лексической единицы был назван **идео́фикс**ом (от греч. *ἰδέα* — ‘понятие, идея, образ’ и от лат. *fixus* — ‘прикрепленный’) [12]. Его роль — вербализовать то, что трудно передать словами: ассоциации, представления, ощущения. Это хорошо видно на примерах:

поплавок (магазин рыболовных товаров);

Маргоша (молодежный сериал, 2009);

metro (газета);

ХОРОШИЕ НОВОСТИ (киоск печати);

ФРАНЦУЗСКИЙ БУТИК ЛАНЖЭРИ 20м (магазин французской одежды);

ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ ЛАВКА (книжный киоск, торгующий эзотерической литературой);

фонотека БАР (музыкальный бар);

Пуговка (магазин галантерейных товаров);

КАФЕ ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ (кафе недалеко от театра);

СКРЕПКА (магазин канцтоваров).

Именно рисунок, включенный в вербальный ряд, помогает быстро определить семантику лексемы, что часто помогает мгновенному распознаванию значения слова. Подобные лексемы мы называем **идеолексемами.** Последние могут содержать идеофиксы (в♠да), а могут сами полностью быть идеофиксами — Я ♥ (= люблю) читать, я ✈ (= летаю) с Аэросвит, ☎ (= звоните/ телефон) 057, подарки от всего ♥ (= сердца).

Н. Б. Мечковская, рассматривая воздействие информационных технологий (от письма до Интернета) на языки и общение, пишет о том, что «компьютер… и Интернет в силу своей лингво-семиотической природы расширяют и усиливают метаязыковую рефлексию пользователей (по сравнению с предшествующими фазами их онтогенеза или состоянием языкового сознания людей вне Сети)», что, с одной стороны, «осложняет, утяжеляет общение», а с другой стороны, «усиливает интеллект и **семиотическую компетенцию** человека (выделено нами. — *О. Л.*)» [16]. Активное использование полисемиотических (гибридных, креолизованных) знаков — «смайликов», пиктограмм, знаков препинания, математических символов; а также кириллицы и латиницы одновременно, создание собственных «интернационализмов» приводит к тому, что у современного человека формируется способность к быстрому овладению большим количеством различных знаковых систем. А это значит, что современная методика преподавания иностранных языков (в том числе и русского как иностранного) должна учитывать приведенные выше факты в процессе обучения. Мы можем и должны формировать у иностранного студента способности безошибочной расшифровки подобного рода знаков при изучении русского языка, искать способы формирования компетенции декодирования символов и — шире, семиотической компетенции.

Модель формирования компетенции декодирования символов, таким образом, может содержать на начальной стадии обучения знакомство с выстроенным по алфавитному принципу каталогом идеолексем, включающим в качестве идеофиксов известные символы, которые развивают языковую догадку (см. небольшую выборку из нашего довольно объемного материала, содержащего аутентичные примеры на все буквы русского алфавита):

А

Б

Д

К

Ь

Классификация может быть иной, например, по тематическому принципу: *1) названия книг, газет, журналов:* Зараб💰тай! (название газеты в СПб.); Р☺ДЫ. *ru* (журнал о беременности, родах и малыше); METR🌏 (газета); *2) названия спектаклей, фильмов:* ИС✪ЕВ (телевизионный сериал о разведчике); Н☪чь пожирателей рекламы (спектакль в Большом концертном зале); Счастли♥ые люди (А. Чехов, спектакль); *3) названия учреждений, фирм, банков, магазинов, ресторанов, баров, кафе:* N〰VA✪DA (центр развлечений); Питерф📞нъ (киоск по продаже телефонов); П◎лигон (магазин «Военторг»); магазин час🕒в; Напёрст🌸к (магазин «Товары для шитья»); Детский сад «С☼лнышко»/«Солнышк☼»; Р♀зовый кр♂лик (магазин «Товары для взрослых»); 🖇птика (оптика); ☼тдыхаю.ru (туристическая фирма); г☼рячие туры (туристическая фирма); парикма🕒ерская; З🕯жигалка (бар); КОЛЕС⊗ (ресторан в Киеве); *4) названия продуктов:* «В💧да родниковая» (вода), молоко «Late☼»; «М♥я лапуля» (конфеты кондитерской фабрики «Красная звезда»); «Сне❄инка» (мороженое); *5) слоганы в рекламе, политические плакаты:* «цен%пад» (объявление о скидках в магазине обуви); «Готовить легк🍳!» (рекламная акция на кухонную посуду); «Если Интернет — значит @вангард — ☎ 057» (рекламный слоган компании «Северо-Западный телеком») [12].

Возможно использование специальных упражнений на базе ребуса.

1. Прочитайте слова (примеры с сайта www.scanword.net):

число

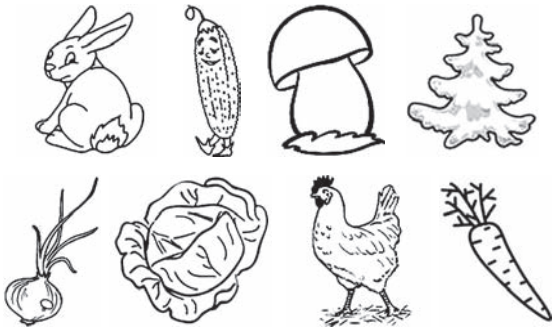
передача

2. Найдите правильный ответ. Объясните, почему Вы выбрали этот рисунок? (рисунки с сайта http://images.yandex.ru):

Загадки:

Стоит Антошка на одной ножке
Сидит девица в темнице, а коса на улице
Сто одёжек и все без застёжек
Зимой и летом одним цветом
Сидит дед во сто шуб одет,
кто его раздевает, тот слёзы проливает
Без окон, без дверей, полна горница людей
Два раза на свет родится
Летом — серенький, зимой — беленький

Отгадки:



3. Разгадайте ребус и прочитайте маленькое стихотворение (задание из [18: 15]):

Адмиралтейская

в небо подняла.

О каком городе (о каком символе какого города) это двустишие? Кто из поэтов первым назвал этот символ именно так?

Наивная картина мира, представленная в загадках, показывает, как сформировано национальное понимание символики флоры, символики фауны, первичных символов. От иконической картинки/знака мы переходим к слову/знаку, от означающего к означаемому, к значению.

Часто при восприятии знака, при его узнавании «мостик» к значению строится на основе ассоциативных связей. Рассматривая процедуру «осознавания» (вербализации знаний) в языковом сознании, Ю. Н. Караулов отмечает, что «символика довольно широко представлена в активном режиме когнайзера: голубь — символ мира, борода — символ мудрости» [8 : 88] и доказывает, что символ может быть одним из способов задания смысла в структуре элементарной единицы знания. При этом построенная ассоциативная цепочка содержит пропозицию, способную породить дискурс. Пример Ю. Н. Караулова: 1. Смысл: прыгучий символ Австралии. 2. Способ: символ. 3. Знак (слово): КЕНГУРУ. 4. Область: Зоология. 5. Функция: рецепт. Цепочка — КЕНГУРУ ← прыгалка, Австралия → кенгуру; дискурс — «кенгуру — это прыгающий символ Австралии» [Там же: 88–89].

Реализация приемов порождения семантических ассоциаций возможна при использовании особого упражнения — семантической карты, интеллектуальной карты, логико-смысловой карты, «кластера» [9: 142].

Этап наблюдения за фактами русского языка подводит учащегося к сопоставлению с подобными явлениями в родном языке. См. примеры реально существующих в разных языках идеолексем:

украинский язык — с Украиною в сердце

белорусский язык — музыкальный фестиваль «Славянский базар»

польский язык — реклама туристических туров

финский язык — монастырь в местечке Линтула, где основным доходом является производство и продажа свечей

эстонский язык — взрыв цен (рекламная акция)

немецкий язык — лес

английский язык — название ресторана, где предлагают блюда из морепродуктов

арабский язык — месяц Рамадан

японский язык — в написанной фамилии есть элемент-символ Японии

китайский язык — эмблема Олимпийских игр в Пекине в 2008 году. Бегущий человечек на рисунке — иероглиф, который имеет три значения: 1. Пекин. 2. Искусство. 3. Человек.

Обширный материал исследования (более 500 примеров) позволил выделить некоторые основные символы/эмблемы, использующиеся в номинациях: Древнейшие символы, такие как солнце, луна, звезда, Земля, ландшафт, дерево, вода; Искусственные сооружения, и прежде всего — жилище человека; Символика власти (корона, геральдические и знаки отличия, ордена); Религиозные символы (крест, полумесяц и другие); Спортивная символика; Символы звука; Символика флоры; Символика фауны; Международные, информационные, математические символы, смайлы; Человек.

Владение универсальным языком символов очень важно для понимания их функционирования в системе культуры. Символ — это знак и образ, область соответствий, подобий, аллегорий, сравнений, это «память культуры» (Ю. М. Лотман). Символ проявляет образ того, чем он мог бы быть при «чтении между строк», открывает «бесконечную смысловую перспективу» читателю, так как смысл, просвечивающий сквозь образ, соединяет множество пластов реальностей [1: 598]. С этой точки зрения интересным представляется формирование компетенции декодирования *художественных* символов, включающей в себя распознавание коррелирующих с символом тропов (метафоры, аллегории, метонимии, синекдохи, аналогии), что становится возможным на высших уровнях владения русским языком как иностранным. Например, стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы» на уроке русского языка как иностранного может быть проиллюстрировано картинами В. Л. Боровиковского — выдающегося русского портретиста XVIII–XIX вв. — «Портрет М. И. Лопухиной», «Лизынька и Дашинька», «Аллегорическое изображение Зимы в виде старика, греющего руки у огня», что поможет объяснить аллегорию. Метафору, метонимию, аналогию, антитезу, повторы студенты должны найти сами. Какие символы «скрыты» в этом стихотворении? Как «работает» символика звучания? Сколько раз повторяется рефрен «Как хороши, как свежи были розы»? Когда (в каком месяце) цветут резеда и липа? Что ещё говорит нам о главном «скрытом» символе этого произведения — семье? Какие образы и мотивы текста можно назвать интертекстуальными? Кто был автором строк «Как хороши, как свежи были розы»? (Иван Мятлев, «Розы», 1834, одна из заметных фигур Золотого пушкинского века, был дружен с А. С. Пушкиным, входил в высшие литературные круги, славился даром поэта-каламбуриста, мастера стихотворных пародий и эпиграмм). Как связано это стихотворение в прозе с именем Игоря Северянина? (стихотворение «Классические розы», 1925). Подобного рода анализ поможет формированию умения понимать культурный смысл символов, развивать способности восприятия художественной ассоциативности.

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883)

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ...

Сентябрь, 1879

Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочёл одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти:

«Как хороши, как свежи были розы...»

Теперь зима; мороз запушил стёкла окон; в тёмной комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол; а в голове всё звенит да звенит:

«Как хороши, как свежи были розы...

И вижу я себя перед низким окном загородного русского дома. Летний вечер тихо тает и переходит в ночь, в теплом воздухе пахнет резедой и липой; — а на окне, опершись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка — и безмолвно и пристально смотрит на небо, как бы выжидая появления первых звёзд. Как простодушно-вдохновенны задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит ещё не вполне расцветшая, ещё ничем не взволнованная грудь, как чист и нежен облик юного лица! Я не дерзаю заговорить с нею, — но как она мне дорога, как бьётся мое сердце!

«Как хороши, как свежи были розы...»

А в комнате всё темней да темней... Нагоревшая свеча трещит, беглые тени колеблются на низком потолке, мороз скрыпит и злится за стеною — и чудится скучный, старческий шепот...

«Как хороши, как свежи были розы...»

Встают передо мною другие образы... Слышится весёлый шум семейной, деревенской жизни. Две русые головки, прислонясь друг к дружке, бойко смотрят на меня своими светлыми глазками, алые щёки трепещут сдержанным смехом, руки ласково сплелись, в перебивку звучат молодые, добрые голоса; а немного подальше, в глубине уютной комнаты, другие, тоже молодые руки бегают, путаясь пальцами, по клавишам старенького пианино — и Ланнеровский вальс не может заглушить воркотню патриархального самовара...

«Как хороши, как свежи были розы...»

Свеча меркнет и гаснет… Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жмётся и вздрагивает у ног моих старый пёс, мой единственный товарищ... Мне холодно... Я зябну... и все они умерли... умерли...

«Как хороши, как свежи были розы...»

Два великих австрийских композитора — Йозеф Ланнер и Иоганн Штраус создатели венского вальса (очень быстрая версия вальса). Оба композитора были очень популярны в девятнадцатом веке.

Как следует из вышесказанного, модель формирования компетенции декодирования символов в иностранной аудитории может проходить через несколько необязательно последовательных, но всегда взаимосвязанных этапов:

– Наблюдение над функционированием символов на языковом и визуальном уровнях
– Сопоставление с родным языком обучаемого
– Овладение приёмами расшифровки символов
– Целенаправленное создание терминологического аппарата обучаемого, совокупности лингвистических понятий, необходимых для интерпретации художественных символов
– Оперирование культурными смыслами

Формирование компетенции опознавания, декодирования и кодирования различных символов происходит в тесной взаимосвязи с формированием других составляющих коммуникативно-речевой компетенции, так как при истолковании, интерпретации условного знака (символа, аллегории, эмблемы, иконического знака) необходимо включение ассоциативных механизмов психики, которые уже сформированы системой родного языка и которые еще только закладываются системой изучаемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Символ // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1989.
2. *Воронов П.* Хоть потоп // Rossiya in Flight. 2010, март. С. 32–34.
3. *Гадамер Г. Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991.
4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., Русский язык, 1979.
5. *Дешарне Б., Нафонтен Л.* Символ. М., 2007.
6. *Изотов В. П.* Параметры описания системы способов русского словообразования. Орел, 1998. С. 7.
7. *Ильясова С. В., Амири Л. П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.
8. *Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М., 2009.
9. *Колесникова И. Л., Долгина О. А.* Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. СПб., 2001.
10. *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
11. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М., 2003.
12. *Лазарева О. А.* Идеолексема: к постановке проблемы // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. 2010. Вып. 1. С. 170–174.
13. *Лосев А. Ф.* Проблема становления символа и реалистическое искусство. М., 1976.
14. *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике искусства. СПб., 2002.
15. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М., 2010.
16. *Мечковская Н. Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М., 2009.
17. *Никитенко З. Н.* Развивающее иноязычное образование в начальной школе. М., 2010.
18. *Никонова Е. А.* Первые прогулки по Петербургу. Учеб. пос. СПб., 2004.
19. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике, Страсбург; Московский государственный лингвистический университет (русская версия), 2005.
20. *Попова Т. В.* Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива: Коллект. моногр. / Отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург, 2009. С. 147–175.
21. *Попова Т. В.* Графодеривация как отражение ментальности современного человека // Сб. матер. XII Междунар. научно-теоретич. конф. «Язык и ментальность», посвященной 75-летию Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Ахановские чтения, 14–15 мая 2009. Т. 2. Алма-Ата, 2009. С. 106–110.
22. *Романовская А. А.* Природа античного символа как лингвистического знака // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 39–45.
23. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.
24. *Юнг К. Г.* Человек и его символы. М., 2008.

[представляем новые книги]

Теремова Р. М., Гаврилова В. Л. «Мы учимся в Герценовском университете»...

(Окончание, начало на с. 93)

Во второй части пособия («Искусство жить на земле») рассматриваются проблемные темы социокультурного характера, направленные на дискуссию по поводу общечеловеческих ценностей, позволяющие иностранным студентам почувствовать разницу между собственной культурой и русской культурой, понять и принять способ мышления русского народа и в конечном счете комфортно чувствовать себя в условиях межкультурной коммуникации: вопросы счастья, дружбы, судьбы, образа жизни, человеческих увлечений («Что такое счастье?», «Театр в вашей жизни», «Вы и спорт», «Жизнь прекрасна ещё и потому, что можно путешествовать»).

Третья часть «Разговор о жизни… Актуально. Полезно. Интересно» содержит материал для дискуссий на темы, связанные с человеком, его внутренним миром и социумом: «Телефон доверия», «Психотерапевты и психоаналитики в вашей жизни», «Эмпатия: что это такое?», «Чем обычная американская семья отличается от российской?» и др. Данные материалы могут служить основой для самостоятельной презентации иностранными учащимися поставленных проблем на занятиях по разговорной практике и лингвокультурологии.

Отличительной особенностью учебного пособия в целом является интерактивный подход к организации учебного материала, предполагающий многообразную систему интерактивных методов и приемов (круглый стол, социологический опрос, интервью, теледебаты, дискуссии, мастер-классы и др.), позволяющий обеспечить интерактивный режим процесса обучения русскому языку как иностранному, активное взаимодействие субъектов коммуникации, конструктивный диалог (например, мастер-классы «Понимаем ли мы друг друга?», «Страна будущего» и др.).

В учебном пособии представлен богатый иллюстративный материал (таблицы, фотографии, рисунки, ассоциограммы), стимулирующий активность и творческую деятельность учащихся. Учебное пособие может быть использовано для самостоятельного изучения русского языка.

Н. В. Брагина

МОТИВАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ РКИ В ОБЪЕДИНЁННОМ КОРОЛЕВСТВЕ

NADEZHDA V. BRAGINA

RUSSIAN LANGUAGE LEARNING MOTIVATION IN THE UNITED KINGDOM

В статье рассматриваются основные мотивирующие факторы изучения русского языка как иностранного (РКИ) жителями Объединённого королевства в различные исторические периоды и в настоящий момент.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, Объединённое королевство.

The article is devoted to the issue of Russian language learning motivation in the United Kingdom during various historical periods.

Keywords: Russian as a foreign language, the United Kingdom.

Надежда Валентиновна Брагина

Аспирант кафедры РКИ Московского педагогического государственного университета, преподаватель РКИ института высшего и дополнительного образования Belfast Metropolitan College, Великобритания, Белфаст

► NBragina@belfastmet.ac.uk

Проблема мотивации изучения иностранных языков вызывает неустанный интерес специалистов в области психологии, педагогики и методики обучения. Почему один язык популярнее другого? От чего зависят взлеты и падения интереса к определённому языку? В данной статье рассматриваются мотивирующие факторы изучения русского языка как иностранного (далее — РКИ) в Объединённом королевстве в различные исторические периоды.

В методике обучения и воспитания мотивация к изучению иностранного языка понимается как система целей, потребностей и мотивов, побуждающих учащихся овладевать иностранным языком как средством межкультурного общения и проявлять активность в процессе решения коммуникативных и учебно-познавательных задач. Выделяют два основных типа мотивации — мотивацию внешнюю, т. е. вызываемую внешними факторами, другими людьми или определёнными событиями, и мотивацию внутреннюю, возникающую в человеке под воздействием собственных мыслей, стремлений и потребностей, подкреплённых эмоциональными переживаниями, в результате которых появляется осознанная внутренняя необходимость совершения определённых действий и достижения конкретных результатов. Внешняя мотивация возникает быстро, но, как правило, проходит после исчезновения или ослабления фактора, который её вызвал. Внутренняя мотивация вызывается труднее, и ещё сложнее её поддерживать длительное время[1]. Говоря о мотивирующих факторах к изучению иностранного языка для определенной нации, в данном случае, для жителей Объединённого королевства, в первую очередь имеется в виду внешняя мотивация: дипломатические, экономические и идеологические причины.

Историческим началом развития РКИ в Объединённом королевстве можно считать установление торговых связей между Великобританией и Россией в XII–XVII вв. Первоначально русский язык изучался методом погружения в языковую среду — английские торговцы, имеющие торговые интересы в России, посылали своих сыновей изучать русский язык в русские семьи. Некоторые ученики достигали очень высокого уровня владения языком: например, Кристофер Бороу был не только автором двух манускриптов на русском языке, практически неотличимых от работ, написанных носителями языка, но и разбирался в различиях между московскими и восточно-русскими разговорными нормами[2].

В XVIII веке связь между двумя государствами, а соответственно и интерес к языку значительно возросли — стали открываться британские фабрики на территории России. Коммерческая необходимость способствовала распространению русского языка в Объединённом королевстве — начали появляться учебные пособия, подготавливающие англичан к торговым отношениям с россиянами. В этот временной период были опубликованы несколько грамматик русского языка на немецком и французском языках, включая грамматику И. С. Горлицкого «Grammaire françoise et russe en Langue moderne accompagnée d'un petit dictionnaire pour la facilité du commerce», а также «Новый словарь английского и русского языков» автора Прохора Жданова. Немного позже последовали первые учебные пособия для англоговорящих, изучающих РКИ, — анонимно опубликованное «Руководство по изучению английской и русской грамматики» и «Практическая грамматика русского языка» Джеймса Харда[3].

В XIX веке русский язык начали преподавать в университетах — сначала в Оксфорде, а позже и в других высших учебных заведениях. Первым преподавателем русского языка в Оксфорде стал Фредерик Трифен, швейцарец, который провёл всё свое детство и юность в Одессе. Его интересы включали основные области лингвистики того времени — санскрит и сравнительную филологию, но первым курсом лекций, который он начал читать, был «Язык и литература России». Изучению славянских языков в Оксфорде способствовало завещание Графа Илчестерского, который пожертвовал значительные средства на организацию исследований в области славянских языков, истории и литературы. Фонд Илчестера, основновными задачами которого являлись организация лекционных курсов, финансирование публикаций и присуждение наград и стипендий в области славистики, существует по сей день[4].

На развитие изучения русского языка в начале XX века, несомненно, повлиял тот факт, что во время Первой мировой войны, когда Россия выступала в качестве союзника Великобритании, правительство надеялось заменить все торговые отношения с Германией на торговлю с Россией. К концу Первой мировой войны количество университетов в Англии и Уэльсе возросло с двух до двенадцати, и во всех, кроме трёх, преподавали русский язык. Становление новых университетов и открытие отдельных кафедр финансировалось со стороны торгового и промышленного капитала, поэтому на открываемых курсах более всего поощрялось изучение языка узкоспециальных областей и совсем немного внимания уделялось истории и культуре страны изучаемого языка. Во время Второй мировой войны были организованы интенсивные курсы русского языка для солдат вооруженных сил, воспитавшие целое поколение говорящих по-русски англичан, многие из которых позже стали преподавателями языка в университетах.

В 50-е годы изучение русского языка активно поддерживалось и финансировалось правительством Великобритании, которое признавало знание русского языка в качестве политической необходимости. Так, в 1947 году был опубликован отчет межведомственной комиссии по восточным, славянским, восточноевропейским и африканским языкам, сыгравший в Великобритании немаловажную роль в развитии обучения и преподавания РКИ. В отчёте говорилось о необходимости превратить невзаимосвязанные изолированные отделения славистики в разных университетах в единую крепкую сеть сотрудничающих кафедр. Университеты Бирмингема, Кембриджа,

Глазго, Лондона, Манчестера, Нотингема и Оксфорда получили гранты для выполнения поставленной цели и, как результат, за пять лет, с 1947 по 1955 г., количество преподавателей, работающих на кафедрах славистики и восточноевропейских языков, увеличилось с 20 до 60 человек. Несмотря на то что финансовая поддержка, вызванная отчётом 1947 года, закончилась в 1952 году, расширение языковых кафедр продолжалось. К 1960 году русский язык преподавался уже в 13 университетах, а количество преподавателей составляло 80 человек[5]. В 1961 году новый отчёт, на этот раз составленный Комитетом по университетским грантам (University Grants Committee) во главе с бывшим послом Великобритании в СССР, Сэром Вильямом Хэйтером, способствовал дальнейшему развитию преподавания славистики и восточноевропейских языков. Появились новые рабочие места для преподавателей РКИ, возросло количество учащихся.

1970–1972 гг. можно назвать рекордными по количеству студентов, специализирующихся в изучении русского языка. В последующие годы ситуация начала ухудшаться. Скорее всего, в силу отсутствия общего планирования и из-за того, что каждый университет очень высоко ценил свою независимость, произошло перепроизводство специалистов в области русского языка и славистики. В результате недавно открытые кафедры стали закрываться, а преподаватели начали терять работу[6]. Ситуация ещё больше обострилась в связи с распадом СССР. Искусственно поддерживаемая советским правительством мотивация к изучению РКИ неожиданно перестала существовать, не успев смениться естественной мотивацией. Еще одной причиной спада популярности РКИ в Великобритании в данный исторический период можно назвать обострённое политической ситуацией восприятие России, как опасной восточной страны, полной угроз для здоровья.

Относительно недавно начали происходить положительные изменения в области изучения РКИ. С 2008 года позиция предмета начала укрепляться. В настоящее время в Шотландии существует три университета (в Глазгоу, Эдинбурге и Сейнт-Эндрюс), где преподается русский язык. В Англии таких университетов четырнадцать. С 2000 по 2007 год количество абитуриентов, подающих заявки на поступление на факультеты славистики в Англии, выросло на 40% и на 15% увеличилось количество учащихся. Русский язык по-прежнему преподается в 6% государственных и 19% частных английских школ и, таким образом, количество общеобразовательных школ, где изучают русский язык, превосходит количество школ, где изучают урду, японский, китайский или арабский языки[7]. Все большее количество колледжей, университетов и институтов высшего и продолженного образования включают в свои программы курсы русского языка. Также с каждым годом возрастает и количество учащихся в существующих языковых центрах. Например, по данным, предоставленным кафедрой современных иностранных языков Belfast Metropolitan College, количество учащихся, прошедших вечерний курс РКИ в учебном заведении, возросло с 35 человек в 2006/07 учебном году до 60 учащихся в 2009/10-м.

С чем же связано возникновение новой волны интереса к русскому языку в Объединённом королевстве? Проведённое среди учащихся института высшего и дополнительного образования Belfast Metropolitan College анкетирование показало, что основной целью изучения РКИ является изучение языка из интереса, вызваного историей, литературой и культурными особенностями русского народа. Изучение языка из интереса тесно связано со второй по популярности целью изучения РКИ — туризмом[8]. Можно сказать, что Россия привлекает жителей Великобритании своей загадочностью, и всё больше англиских туристов хотят посетить страну.

Итак, за многовековую историю существовния предмета РКИ в Объединённом королевстве мотивация к изучению русского языка менялась, но всегда преобладали экономические и идеологические факторы. На сегодняшний день основным мотивирующим фактором к изучению русского языка в Объединённом королевстве наряду с политико-экономическими можно назвать туризм. Благодаря интересу жителей Объединённого королевства к русской культуре, русский язык является пятым по популярности европейским

языком в стране после французского, немецкого, испанского и итальянского.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Горбушина О. В.* Формирование мотивации младших школьников к изучению иностранного языка: Дис. ... канд. пед. наук. Курган, 2007.

[2] *Cleminson R. M.* The History of Russian Language Learning in England. Russian Language Learning: Past, Present and Future. University of Portsmouth, 1994.

[3] Ibid.

[4] *Simmons S. G.* Slavonic Studies at Oxford, 1844–1909. Oxford Slavonic Papers. 1980. N 13.

[5] *Richards D. J.* Russian in the Universities Today. Forum for Modern Languages Studies. Vol. 1. N 1. 1965.

[6] *Dadswell M. J.* The State of Russian in UK Universities and Schools, 2007.

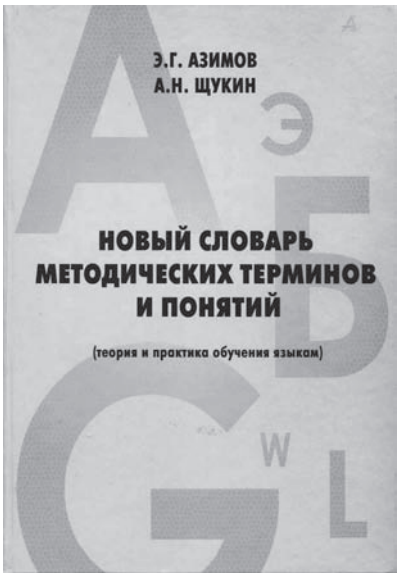
[7] *Cleminson R. M.* Op. cit.

[8] *Брагина Н. В.* Краткосрочное обучение повседневному общению англоговорящих учащихся в условиях отсутствия языковой среды // Русский язык за рубежом. 2010. № 6.

[представляем новые книги. рецензии]

О НОВОМ ИЗДАНИИ СЛОВАРЯ МЕТОДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: Издательство ИКАР, 2009. — 448 с.



«Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» является исправленным и дополненным изданием «Словаря методических терминов» тех же авторов, вышедшего в свет в 1999 году. В это издание словаря дополнительно включены новые термины и понятия, отражающие современный уровень развития лингводидактики и базисных для нее дисциплин (педагогика, психология, психолингвистика, языкознание, социология, культурология); в нем также уточнено толкование методических терминов и понятий в соответствии с общепринятой в научно-методической литературе их номинацией.

Среди вошедших в словарь новых терминов следует выделить следующие:

1) термины, связанные с европейской системой описания уровней владения иностранным языком и соответствующей системой контроля: *европейский языковой портфель, критерии владения языком, лингвистическая еврошкала, общеевропейская система уровней владения иностранным языком, пороговый уровень владения иностранным языком, языковой портфель, уровень владения языком* и др.;

2) термины, связанные с компьютерными технологиями и развитием Интернета: *виртуальная языковая среда, виртуальное общение, электронная доска, интернет-конференция, компьютерный учебный курс, медиаобразование, медиатека, портал, форум, чат, электронный учебник, телекоммуникационные проекты, дистанционный курс* и др.;

3) термины, связанные с современными представлениями о языковом многообразии и языковой политике: *государственный стандарт образования, язык диаспоры, лингвистическое многообразие, мультикультурное образование, поликультурное образование, социокультурная адаптация, социокультурные лакуны, языковая политика, языковой плюрализм, языковое образование, языковое существование*;

4) термины, связанные с новыми технологиями и приемами обучения: *билингвальное образование, взаимное обучение, метод карта памяти, принцип межкультурного взаимодействия, проектная методика, проблемное обучение, семантическая кара, обучение в сотрудничестве, сценарий речевого взаимодействия, тандем-метод, технология критического мышления, целостный подход, экспресс-метод* и др.

В методике, как и в любой науке, ее основные категории и понятия служат базой и в то же время показателем уровня развития. К сожалению, в методике

преподавания языков, являющейся частной дидактикой по отношению к педагогической науке, остро ощущается отсутствие единых общепринятых подходов как к отбору важнейших понятий, так и к их определению. Это вызвано рядом факторов: сложностью описания процессов изучения и овладения иностранным языком, привлечением данных многих смежных наук и дисциплин, появлением новых теорий и методик преподавания языков, обусловленностью методических концепций и теорий рядом внешних факторов (государственная политика в области образования, господствующие идеологические установки, традиции обучения в той или иной стране, появлений новых технологий обучения, изменение условий обучения и др.). Следует отметить и отсутствие общепринятых нормативных документов, исследований, определяющих основные понятия методики преподавания иностранных языков (правда, в последнее время ситуация несколько изменилась в связи с широким распространением европейской системы уровней владения иностранным языком и соответствующей системой тестирования, что нашло отражение и в терминологическом аппарате).

Главная цель словаря — систематизация терминологических единиц методики обучения языкам через определение понятий, которые они отражают. Важной целью является также упорядочение терминосистемы методики, которая реализуется через призму основной цели с описанием этой терминосистемы в состоянии, сложившемся к началу XXI века.

Словарь содержит около 2500 словарных статей, описывающих термины, терминологические сочетания и понятия из области теории и практики преподавания языков, а также некоторые термины и понятия из смежных с методикой дисциплин, являющихся для нее базисными. Включение в словарь терминов из разных наук расширяет область применения словаря, делает материалы словаря полезными не только для специалистов в области преподавания языков, но и для других читателей.

Все термины можно условно разделить на две группы: термины, входящие в несколько различных систем (например, *тест, адаптация, высказывание*), и узкоспециальные термины, имеющие фиксированное значение именно в данной терминосистеме (например, *пересказ, язык для специальных целей, вторичная языковая личность*).

Особенно ценным в учебном плане представляется тематический указатель, который раскрывает системные связи терминов той или иной понятийной области методики, например, термины, связанные с контролем в обучении языкам, или термины, обозначающие средства обучения, и др. Таким образом, системные связи данной терминологической группы раскрываются как в рамках самих словарных статей с помощью отсылочных помет, ссылок, так и с помощью тематического указателя.

Л. В. Московкин

[хроника]

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР ПО ВОПРОСАМ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И АДАПТАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИММИГРАНТОВ В г. ЙОЭНСУУ (ФИНЛЯНДИЯ)

25–26 ноября 2010 года в г. Йоэнсуу (Финляндия) состоялся двухдневный международный семинар по вопросам изучения и преподавания русского языка и адаптации русскоязычных иммигрантов. Семинар проводился финско-русской Школой Восточной Финляндии, администрацией города Йоэнсуу и фондом «Русский мир». Целью семинара стало рассмотрение роли русского языка в мире и в Финляндии, знакомство с преподаванием финского языка как иностранного в Финляндии и в России и с методами адаптации русскоязычных иммигрантов. На семинаре освещались вопросы, связанные с перспективами сотрудничества между финскими и российскими образовательными учреждениями.

В первый день семинара с приветственным словом выступила советник посольства Российской Федерации, директор Российского центра науки и культуры в Финляндии Татьяна Клеерова. Об изучении и преподавании русского языка в Финляндии рассказали советник по образованию Национального Управления образования Анна-Кайса Мустапарта и генеральный директор Школы Восточной Финляндии Петри Кююря.

Финско-русская Школа Восточной Финляндии была основана в 1997 году приказом Министерства образования Финляндии и администрацией городов Лаппеенранта, Иматра и Йоэнсуу для поддержания и развития русского языка и культуры в регионах

Восточной Финляндии, имеющих непосредственные приграничные связи с Российской Федерацией. В школе также ведется преподавание русского языка детям билингвам и иммигрантам из России.

Уникальность школы заключается в том, что ее отделения находятся в трех городах Губернии Восточная Финляндия: в Лаппеенранта, Иматра и Йоэнсуу. Партнерами Школы Восточной Финляндии являются филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, Центр международного образования МГУ, фонд «Русский мир», Государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

На семинаре выступили заместитель министра образования Республики Карелия Геннадий Сараев, рассказавший о ситуации с преподаванием финского, карельского и вепского языков в Республике Карелия.

Преподаватель финского языка Школы Восточной Финляндии Пяйви Карттунен рассказала о преподавании финского языка как иностранного и его роли в адаптации школьников-иммигрантов.

Вопросам преподавания финского языка в школах Петрозаводска и возможностям сотрудничества школ Петрозаводска и Йоэнсуу были посвящены выступления преподавателей финского языка школ Петрозаводска Ирины Сюрьялайнен, Ларисы Федорец и Клары Юнтунен.

Второй день семинара был посвящен вопросам преподавания русского языка. О международных проектах по развитию русского языка и языковых программах Центра международного образования МГУ рассказала профессор Вера Степаненко. Доклад «Русский язык в мире: тенденции, стратегии, мотивы изучения» был сделан доцентом филологического факультета СПбГУ, сотрудником Института русского языка и культуры (ИРЯК) Борисом Коваленко.

О деятельности фонда «Русский мир» по продвижению русского языка и культуры в мире рассказал директор Санкт-Петербургского отделения фонда Олег Муковский. На семинаре проводились презентации образовательных, языковых и издательских программ Санкт-Петербургского и Петрозаводского государственных университетов и Санкт-Петербургского издательского Центра «Златоуст».

С успехом провел презентацию программы по русскому языку и культуре филологического факультета СПбГУ «Проторенные дороги и новые открытия» сотрудник ИРЯК Александр Коротышев.

Интерес собравшихся вызвало и выступление выпускницы Школы Восточной Финляндии, теперь слушательницы ИРЯК Линды Вяйринен, которая рассказала о своих впечатлениях от трехмесячного обучения на филологическом факультете СПбГУ.

В рамках Семинара в Школе Восточной Финляндии был торжественно открыт Класс Русского мира. В церемонии открытия Класса приняли участие мэр г. Йоэнсуу Кари Карьялайнен, директор Санкт-Петербургского филиала фонда «Русский мир» Олег Муковский, генеральный директор Школы Восточной Финляндии Петри Кююря, учителя и учащиеся школы, а также участники международного семинара.

Б. Коваленко (СПбГУ)

ЗИМНИЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОСЕННИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

Промелькнули как долгожданное чудо конкурсные дни IV Всероссийского фестиваля русской речи «Русское слово». Они обернулись счастьем пребывания в городе мечты, общением с удивительными людьми, участием в интересных конкурсах. Всех нас объединила любовь к русской речи. Многие оказались здесь не в первый раз, в том числе и автор статьи. Поэтому напрашиваются веские основания для сравнения.

Что изменилось в традициях? Остался ли этот праздник любящих родное слово людей таким же почитаемым, как в прежние годы? Каковы впечатления участников?

Впервые фестиваль был задуман еще в 2003 году Российским обществом преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) при финансовой поддержке благотворительного фонда В. Потанина.

Однако в этот раз ход фестиваля претерпел значительные изменения. Открылся информационный сайт, где участников познакомили с членами оргкомитета, этапами конкурса, составом жюри. Прочитав информацию, я осознала, что любимое детище РОПРЯЛ обрело государственную поддержку не только первых лиц государства, но и официальных структур. Значит, с окончанием действия долгосрочной программы «Русский язык и современная Россия» это грандиозное начинание точно не канет в Лету, значит, есть все основания повторить вслед за Ахматовой: «И мы сохраним тебя, русская речь!»

В этот раз изменились технологии выполнения заданий. Так, первый тур прошёл в онлайн форме. Требовалось показать, чего ты стоишь в профессиональном плане без обращения к словарям и справочникам. Понравилось мне и ранжирование заданий на 2-м этапе фестиваля. Действительно, учителя-словесники — более подготовленная группа, поэтому от эссе разумным показалось перейти к конспекту уроков.

А вот дальше пошла путаница. Сначала поместили объявление, что комитет реорганизуется. Обещали позже со-

общить об окончательных сроках проведения на сайтах, которые не указывались. Вопросы участников на форуме оставались без ответов. У новой няньки дитя оказалось без глазу… Я ждала месяц, два. Потом поняла, что сказка кончилась, а былью стало ощущение, что внимание к русскому языку оказалось данью кратковременной моде… Позднее оказалось, что проведение I тура фестиваля было поручено министерством Орловскому ООО «Институту сертификации качества образования», который провел первый этап соревнований на базе Орловского технического госуниверситета.

Победители I тура были искренне рады, когда узнали, что столь полюбившийся любителям русского слова традиционный конкурс вновь продолжится под эгидой РОПРЯЛ. Признанным профессионалам пришлось в короткие сроки исправлять оплошности коллег. Справились они с этим великолепно. Фестиваль прошёл без привычной помпезности, но с традиционным радушием и пунктуальностью оргкомитета.

Самым приятным оказалось ощущение, что энтузиасты Фестиваля, его организаторы и устроители по-прежнему с нами. Представляю, как трудно было им именно в этот раз. Эти занятые люди находились в цейтноте, но сумели исправить ошибки своих предшественников. Хочется выразить огромную благодарность тем людям, которые всегда были с нами: неутомимым заместителям председателя оргкомитета Е. Е. Юркову, Л. В. Московкину; членам оргкомитета И. А. Бойцову, К. А. Роговой, Т. Б. Авловой, Д. Ю. Букину, Т. И. Зайцевой, О. А. Лазаревой, Н. М. Марусенко, А. П. Моржакову, Т. Ю. Паниной, В. В. Химику, И. А. Чернышеву.

Членам оргкомитета пришлось за месяц подвести итоги конкурса, подготовить место проведения, оповестить и собрать участников-финалистов. Только поэтому Фестиваль состоялся.

Да, праздник остался, только сжался, как шагреневая кожа. Раньше это был форум, зрелище, театральное действо во славу русского языка, а значит, и народа, владеющего им. Баннеры, развешенные на Невском, набережной Шмидта, возвещали о проведении II, III фестивалей. Теперь же мероприятие представлялось кулуарным, вроде встреч представителей масонской ложи или кружка любителей «чистой поэзии». В этот раз все события разворачивались в залах респектабельного отеля «Азимут», где участников ожидали комфортабельные номера. Там же, в конференц-залах, проходили конкурсы, встреча с писателем Поповым, церемония награждения победителей.

Только вот общаться нам стало затруднительно, ибо конкурсанты жили на разных этажах, а программа была насыщенной. В Доме студента на Шевченко собраться было проще.

Раньше нас на закрытие фестиваля собирал зал здания Двенадцати коллегий. Масштаб мероприятия ощущался в присутствии множества гостей. Церемония была интересна и заместителю министра иностранных дел, и губернатору города, и председателю фонда «Русский мир». Мы ощущали нужность праздника и свой непосредственный вклад в осуществление национальной идеи.

Участников конкурса стало больше, а вот число финалистов сократилось. Это удручает, ибо организаторы видят его главную задачу в приобщении к богатствам русской речи всех её носителей, а не только профессионалов.

Впечатления от фестиваля двоякие. Низкий поклон нашим добрым знакомым, бессменным организаторам Фестиваля — сотрудникам РОПРЯЛ. Благодаря им, участники ещё раз осознали неповторимость своей миссии, пообщались с увлечёнными коллегами, оценили мастерство конкурсантов других категорий. Мы в который раз оценили объективность и беспристрастность судей, их профессионализм и разносторонние таланты.

Церемония закрытия была не такой пышной, как прежде, но от этого не менее тёплой, весёлой и интересной. Профессиональных ведущих мастерски заменили Л. В. Московкин и И. А. Бойцов и прекрасно справились с порученной миссией. Победителей ожидало много подарков, тёплых слов, фотографии на память. Но почему-то пришла ностальгия, когда звучал гимн Фестиваля, написанный Е. Е. Юрковым и Д. Ю. Букиным. В ноябре белые ночи не приходят даже в Петербург. Белые ночи начинаются в мае и совпадают с традиционным проведением Фестиваля. Белые ночи несут надежду, ощущение полёта и вдохновение.

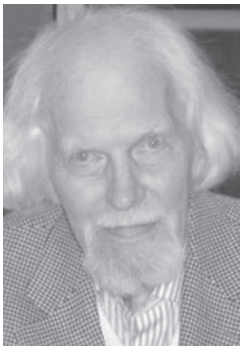
Зачем я пишу эти строки? Чтобы ещё раз окунуться в незабываемые дни праздника русского языка и ощутить, что моя задача — не вещать, что «Волга впадает в Каспийское море», а пробуждать интерес у «живому как жизнь» языку. Чтобы вспомнить удивительных людей, для которых русское слово — удивительное нетленное сокровище. Чтобы обратить внимание государства на энтузиастов РОПРЯЛ, оценить их важную миссию и оказать им ощутимую конкретную помощь в славном деле сохранения национального достояния.

Может, я и мечтатель, подобный герою Достоевского. Но мечтаю я, что Фестиваль не просто будет жить, а расцветёт, как удивительный цветок среди множества конкурсов. Он необычен. Он неповторим. Он будит умы и согревает сердца.

Мне очень хочется, чтобы V фестиваль «Русское слово» состоялся в Петербурге в пору белых ночей и чтобы руководили его проведением неравнодушные люди из РОПРЯЛ. Мне мечтается, что им не придётся, как в этот раз, тушить пожары. Если нынешние пожары — следствие жары, их надо избежать впредь, ибо не дело филологов — быть пожарными. У них своя миссия, ответственная и благородная.

Л. Е. Ларюшкина,
победитель IV фестиваля русской речи «Русское слово»
в номинации «Учителя-словесники»

90 ЛЕТ ПОЧЕТНОМУ ДОКТОРУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДОКТОРУ ФИЛОЛОГИИ ИОХАННЕСУ БААРУ



В феврале 2011 года исполнилось 90 лет почетному доктору Санкт-Петербургского университета доктору филологии Иоханнесу Баару. Вспоминая сегодня о событиях жизни этого замечательного, доброжелательного, чуткого человека, знатока и любителя русского языка, неустанного его пропагандиста в Германии, мы думаем о том, какие беды пришлось пережить человеку XX века: войны, лишения, плен... но самое главное заключается в том, что победить человека оказалось невозможно.

После всех испытаний Иоханнес Баар, вернувшись домой, стал студентом Гамбургского университета, изучал греческий, латинский и русский языки и в 1952 году защитил докторскую диссертацию. Дальше была работа в гимназии, подготовка педагогических кадров, четырехнедельный курс в Московском университете. С 1966 года доктор Баар стал руководителем курсов русского языка: с этого времени Тиммендорфер Штранд, чудесный курортный городок на побережье Балтийского моря, на две недели сентября превращается в островок русского мира. Те курсы русского языка, которые возглавил доктор Баар, стали совершенно особым явлением в тогда очень далекой от нас Западной Германии — островком доверия и радости общения. Очень пестрый состав слушателей: среди них было много бывших военнопленных, познакомившихся с русским языком в России, каждый раз разный состав наших преподавателей не только из столичных городов, но и союзных республик — в этой нелегкой работе нужно было видеть главное, уметь отстраняться от неизбежных мелочей, чтобы на протяжении более трех десятилетий сохранять атмосферу дружеского познания друг друга и доверия. Ведь учить русскому языку в послевоенной Европе — это значило обучать пониманию того, что мир ждет от людей доброты, умения отказаться от чувства настороженности, желания сотрудничать и дружить.

Очень важным было привлечение молодежи — русских и украинцев, с которыми доктор Баар с присущей ему непосредственностью вступал в культурно-образовательный контакт. Каждый его приезд в нашу страну, обычно с группой немецких туристов, становился праздником, в котором русские коллеги с радостью принимали участие.

Деятельность доктора Баара получила всеобщее признание: он избирался вице-председателем федерального союза преподавателей русского языка ФРГ, избран Почетным доктором Санкт-петербургского университета, награжден медалью Пушкина и Федеральным орденом за заслуги в Германии, но все это — выражение самого главного — любви к нему всех тех, кто имел счастье с ним работать, чувствуя его интерес к каждому участнику курсов.

В связи с замечательным юбилеем члены правления МАПРЯЛ и РОПРЯЛ, все побывавшие в Тиммендорфер Штранд поздравляют Вас, доктор Баар, желают здоровья и неиссякаемого интереса к жизни, возможности встречаться с Вами — неизменно добрым, улыбающимся, бодрым.

18 сентября — 2 октября 2010 года в Тиммендорфер Штранде (Германия) состоялся **45-й международный семинар русского языка.** Это единственный семинар русского языка в Европе, который существует 45 лет и не утрачивает своей популярности. Этот семинар ежегодно собирает любителей русского языка, студентов, преподавателей, переводчиков из Германии и других европейских стран. В этом году в нем участвовало более 60 слушателей разных профессий и возрастов: школьники и пенсионеры, студенты и учителя, специалисты и переводчики.

Руководимый на протяжении многих лет доктором Баром, семинар сегодня возглавляет его ученица Кристина Мильш, которая продолжает дело своего учителя.

Основной формой занятий на семинаре остается разговорная практика, но она дополняется специальными семинарами (в соответствии с интересами слушателей) по переводу, страноведению, русской литературе Слушателей постоянно интересуют новые тенденции, актуальные процессы в русском языке, общественной и политической жизни России, чему посвящаются лекции преподавателей. В этом году их читали профессора Л. В. Миллер, В. М. Мокиенко, К. А. Рогова, доценты Н. Ромашев, О. А. Лазарева, М. Ф. Лужковская. На 45-м семинаре в Тиммендорфер Штранде выступила с лекцией Президент СПбГУ, Президент МАПРЯЛ и РОПРЯЛ, декан филологического факультета СПбГУ Л. А. Вербицкая, рассказавшая о современных явлениях в русском языке, а также ответившая на вопросы немецких слушателей о российском образовании.

Задачу погружения в среду русской речи и русской культуры помогают решить специально организованные вечера: с успехом прошли на семинаре вечер русской песни и литературный вечер, в котором принимали участие немецкие слушатели, читая стихи на русском языке, а украинские студенты-германисты, стажировавшиеся в Тиммендорфер Штранде, — на немецком языке. Кроме того, проводились показы и обсуждения старых и новых российских фильмов

Следует отметить радушный прием и поддержку местных властей города, приветствовавших слушателей в день открытия семинара.

Следующий, 46-й международный семинар русского языка в Тиммендорфер Штранде, состоится с 18 сентября по 2 октября 2011 года. Информация о семинаре размещена на сайте: www.Russisches-sprachseminar.de

[хроника]

ДНИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ *(Окончание, начало на с. 65)*

культуре, «чужой» язык в пространстве литературы рассматривались на семинаре «Филологическое обеспечение искусствознания».

Наряду с известными учеными в конференции приняли участие студенты и магистранты филологического факультета ННГУ.

Представленные на конференции доклады позволили оценить современное состояние русского языка, литературы и культуры в условиях современных глобализационных процессов, выявить интеграционные тенденции развития языков и культур в начале третьего тысячелетия, привлечь внимание общественности к особенностям функционирования языков в целом и русского языка в частности в новых коммуникативных условиях, скоординировать профессиональную деятельность ученых и преподавателей высшей школы.

В рамках Дней русской словесности были прочитаны лекции, проведены мастер-классы, работали круглые столы. Большой интерес вызвала лекция Б. Ю. Нормана «Нормы русского языка: кто и на каком основании их устанавливает?».

Актуальным проблемам современной методики преподавания РКИ была посвящена лекция директора секретариата РОПРЯЛ профессора Л. В. Московкина (Санкт-Петербург). Своеобразное продолжение данная лекция получила при проведении мастер-класса О. А. Лазаревой (Санкт-Петербург) «Тестирование по русскому языку иностранных граждан».

Большой интерес участников Дней русской словесности вызвал мастер-класс профессора Нижегородского лингвистического госуниверситета им. Н. А. Добролюбова М. А. Грачева «Лингвокриминалистика и СМИ».

Проблемы речевой культуры российских СМИ, этические аспекты функционирования СМИ, вопросы «языковой» ответственности журналистов перед обществом обсуждались в рамках круглого стола «Влияние СМИ на формирование речевой практики носителей русского языка».

Актуальные вопросы преподавания русского языка в школе обсуждались на круглом столе «Русский язык в школе будущего». В результате обсуждения были приняты решения, связанные с необходимостью учета в процессе преподавания русского языка знаний о современной языковой ситуации и эстетических возможностях родного языка; с необходимостью поддерживать интерес к родному языку, используя при этом данные этимологии и знание учащимися иностранных языков; с необходимостью опираться на сотрудничество педагогической науки и филологии при решении методических проблем в преподавании русского языка в школе будущего.

В рамках Дней русской словесности было проведено анкетирование учителей по проблемам функционирования и преподавания русского языка, а также конкурс эссе для школьников («Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести». В. Шефнер), студентов («Язык есть исповедь народа: в нем слышится его природа, его душа и быт родной». П. А. Вяземский), учителей («Русский язык в школе будущего»), журналистов («Как слово наше отзовется… Культура русской речи и практика современных СМИ»).

Для участников Дней русской словесности были организованы экскурсии в Дивеево и Городец, которые позволили познакомиться с историко-культурным наследием Нижегородского края.

Л. В. Рацибурская, Л. И. Ручина

ЕКАТЕРИНБУРГ — СТОЛИЦА УРАЛА

Материал подготовили:

Данил Юрьевич Пименов
Старший преподаватель кафедры «Технология машиностроения» Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

Елена Анатольевна Алексеева
г. Челябинск

Нина Васильевна Савельева
Доцент кафедры «Культура речи и профессиональное общение» Южно-Уральского государственного университета г. Челябинск

Ольга Волкова
Фотограф, Екатеринбург

О городе

Екатеринбург — административный центр Свердловской области России, крупнейший промышленный и культурный центр Урала. Город расположен на восточном склоне Среднего Урала по берегам реки Исеть (приток Тобола), в 1667 км к востоку от Москвы. Екатеринбург крупный узел железных и автомобильных дорог, в городе — два аэропорта, есть метрополитен. Население — 1259,1 тыс. человек (2001). Современный Екатеринбург — крупнейший российский промышленный, научный и культурный центр не только Урала, но и всей России. Ведущую роль в экономике Екатеринбурга играют машиностроение, металлообработка, металлургия. Важнейшие предприятия: Уралмаш, машиностроительный завод имени М. И. Калинина, Уральский оптико-механический завод, Уралхиммаш, Уралэлектротяжмаш (основной российский поставщик крупных электрических машин), турбомоторный завод, «Пневмостроймашина» и Свердлесмаш. Ведущее предприятия чёрной металлургии — Верх-Исетский металлургический завод. Екатеринбург простирается с запада на восток на 15 км, с севера на юг на 26 км. Река Исеть, разделяющая город на западную и восточные части, превращена в систему ступенчато расположенных водоёмов (самый крупный — Верх-Исетский пруд, другие пруды — Городской, Парковый и Нижнеисетский).

История города

История города началась в 1721 году, когда по указу Петра I Великого В. Н. Татищев (будущий историк) начал строительство металлургического

завода на реке Исеть. 18 ноября 1723 года этот завод выдал первую продукцию. Эта дата считается днём основания города. Свое название Екатеринбург получил в честь жены Петра I императрицы Екатерины I Алексеевны. Город скоро определился как центр всей уральской горнозаводской промышленности. В Екатеринбурге разместились Уральское горное управление и горнозаводская школа. Помимо Верх-Исетского завода рядом с городом был построен Верхнеуктусский (Елизаветинский) металлургический завод. Наряду с развитием металлургической промышленности в Екатеринбурге возникла промышленность по обработке камня. В 1751 году была построена Екатеринбургская гранильная фабрика по производству изделий из малахита и порфира. В 1763 году от Москвы через Екатеринбург в Сибирь был проложен Сибирский тракт. С 1781 года Екатеринбург — центр Екатеринбургской губернии, с 1796 года — уездный город Пермской губернии. Екатеринбург сыграл большую роль в создании золотодобывающей промышленности России. Здесь плавились добываемые в окрестных рудниках золотые руды. С 1840-х годов Екатеринбург становится центром металлообработки, а с конца XIX века — важным железнодорожным центром Урала (в 1878 году город соединён железной дорогой с Пермью). После установления советской власти 18 июля 1918 года в Екатеринбурге были расстреляны российский император Николай II и его семья. В 1924–1991 гг. город назывался Свердловском в честь советского деятеля Я. М. Свердлова. С 1934 года Свердловск — центр Свердловской области. С конца 1920-х и в 1930-е годы в городе были построены новые крупные заводы, главным образом машиностроительные и металлообрабатывающие. В годы войны Свердловск был одним из самых крупных центров военной промышленности. В Екатеринбурге действует целый ряд высших учебных заведений, пять театров, 13 музеев. В числе памятников культуры — уникальные архитектурные комплексы исторического центра, заводские сооружения XVIII–XIX вв., сооружения в стиле конструктивизма.

Плотинка

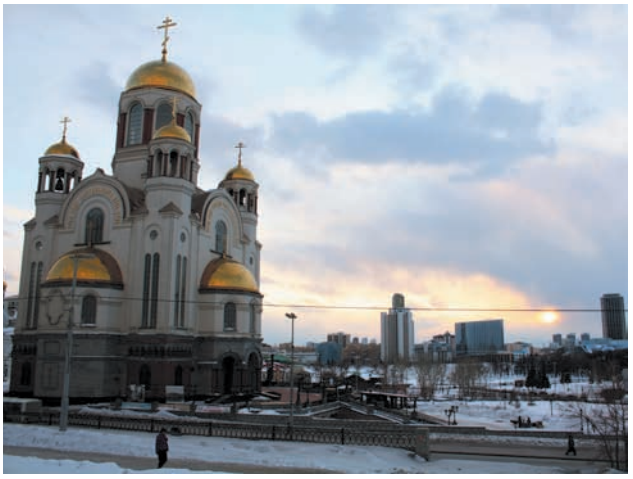
Плотинка в Екатеринбурге — самое древнее место, с которого и началась история города. Впервые её запустили в работу 7 (18) ноября 1723 года, и с тех пор этот день принято считать днём рождения города.

Однако до 1962 года она находилась на промышленной территории, огороженной забором, и выполняла лишь рабочую функцию. Сегодня же Плотинка в Екатеринбурге — излюбленное место горожан для прогулок и проведения праздников. Здесь сконцентрирована масса достопримечательностей: исторический сквер с выставленными под открытым небом станками петровской эпохи, Музей Изобразительного Искусства, Колоритная Башня, в которой размещён филиал исторического музея, капсула времени, несколько памятников — в том числе основателям города — Татищеву и де Геннину.

Плотинку любят как горожане, так и гости Екатеринбурга — пустой она не бывает никогда!

Здание администрации Екатеринбурга

Главное место среди построек на Площади 1905 года занимает здание городской администрации, здесь работает Глава Екатеринбурга. Оно было сооружено на основе старого Гостиного двора. В 1928–1930-х гг. корпуса Гостиного двора были надстроены до пяти этажей в формах советского конструктивизма. В 1947–1954 гг. под руководством архитектора Г. А. Голубева при участии архитектора М. В. Рейшера, инженеров



В. И. Калашникова и В. И. Клещева была осуществлена новая перестройка здания: оно было украшено колоннами, пилястрами, лепкой, башней со шпилем и часами-курантами.

Храм-на-Крови

Храм-на-Крови (полное название: Храм-на-Крови во имя Всех святых, в земле Российской просиявших) — один из крупнейших православных храмов России.

Храм был построен в 2000–2003 гг. на том месте, где в ночь с 16 на 17 июля 1918 года был расстрелян последний российский император Николай II и его семья. Освящение храма состоялось 16 июля 2003 года.

В настоящее время храм является местом паломничества для верующих не только со всех уголков России, но и живущих за её пределами. Кроме того, храм привлекает к себе внимание многих прибывающих в Екатеринбург туристов.

Уральский государственный технический университет — УПИ

Уральский государственный технический университет — УПИ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УГТУ–УПИ) — вуз в Екатеринбурге. До 1992-го назывался Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова, с 1992 года — УГТУ (УГТУ–УПИ), 23 апреля 2008 года присвоено имя Б. Ельцина. В 2010 году на базе университета создан Уральский федеральный университет.

Основан в 1920 году. Педагогический персонал численностью 2171 человек, среди которых более 310 докторов наук, профессоров и 1124 кандидатов наук, доцентов. Сегодня в УГТУ обучаются 39 100 студентов, из них 23 100 на факультетах очной формы обучения

История УГТУ–УПИ

Университет был учреждён в соответствии с декретом Совета Народных Комиссаров «Об учреждении Уральского Государственного Университета» от 19 октября 1920 года. Фактически он стал правопреемником Уральского горного института Императора Николая II, созданного в 1914 году, основная часть студентов и преподавателей которого (в том числе и ректор П. П. фон Веймарн) эвакуировалась в июле 1919 года во Владивосток вместе с войсками Колчака. Официальное открытие университета состоялось 8 января 1921 года.

В 1922 году в составе университета было 3 факультета: химико-металлургический (включавший в себя также химическое и инженерно-лесное отделения), горный и медицинский. В 1924 году медицинский факультет был передан Пермскому государственному университету.

Первый выпуск в университете состоялся в 1924 году и дал стране шесть инженеров.

15 мая 1925 года постановлением Совета Народных комиссаров РСФСР Уральский Государственный Университет был переименован в Уральский политехнический институт (УПИ).

В последующие годы в институте были созданы (или восстановлены) факультеты: геологоразведочный, рудничный, лесопромышленный, механический. В 1929 году создан строительный факультет, а химико-металлургический разделён на химический и металлургический факультеты.

В 1929 году число студентов института составляло 1790 человек. В 1968 году институт отметил выпуск 50-тысячного инженера, а в 1983 году выпущен 100-тысячный инженер.

24 декабря 1992 года УПИ преобразован в Уральский государственный технический университет (УГТУ).

1998 год — Выпуск 150-тысячного инженера. В стране подготовил больше специалистов только один Московский университет, а в 2007 году с 13 по 15 июня в УГТУ–УПИ прошли финальные мероприятия, посвященные выпуску УГТУ–УПИ 200-тысячного специалиста.

23 апреля 2008 года университету присвоено имя Бориса Ельцина.

Уральский государственный педагогический университет

Уральский государственный педагогический университет входит в лидирующую группу педагогических вузов России, является ведущим педагогическим вузом Уральского региона, центром науки, образования и культуры. В УрГПУ ведутся фундаментальные и прикладные исследования по широкому спектру психолого-педагогических, гуманитарных, естественнонаучных направлений. Сегодня УрГПУ ведет многоплановое научное и учебно-методическое сотрудничество по организации академических обменов, проведению совместных научных исследований и публикации их результатов, обмену опытом в организации учебного процесса, написанию и изданию учебных пособий, организации и участию в международных конференциях, семинарах, выставках. Фотография УрГПУ взята с сайта университета http://www.uspu.ru/.

Лидер научных школ УрГПУ

С 2005 года проректором по научной и инновационной работе Уральского государственного педагогического университета является Чудинов Анатолий Прокопьевич — профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой риторики и культуры речи. Он автор более 300 научных и научно-методических трудов по русскому языку, методике его преподавания и сопоставительной лингвистике, в том числе 28 монографий, учебников и учебных пособий. Глобальная исследовательская программа А. П. Чудинова по изучению политической и когнитивной лингвистики, теории межкультурной коммуникации, риторики и культуры речи, лингводидактики нашла своё воплощение в виде двух научных школ: 1) функциональной семантики и риторики профессиональной речи; 2) образа России в национальной ментальности (лингвокультурологический аспект). Эти научные школы сформировались в течение 30 лет на базе кафедры культуры речи УрГПУ.

Материалы специальных журналов, индексы цитируемости, доклады профессора А. П. Чудинова и его учеников на крупных международных, федеральных и региональных конференциях (Екатеринбург, Киев, Краков, Москва, Санкт-Петербург, Челябинск, Чикаго и др.), присуждённые гранты Российской Академии Наук и Информационного Агентства США свидетельствуют о международном авторитете указанных научных направлений.

В рамках своих научных школ А. П. Чудинов выступил руководителем 63 аспирантов и докторантов, уже получивших учёные степени.

А. П. Чудинов — научный редактор межвузовского издания «Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества»; главный редактор издаваемого с 1994 года журнала «Педагогическое образование», член редколлегии научных журналов, издающихся в Екатеринбурге, Вильнюсе, Пятигорске и Челябинске. Созданные А. П. Чудиновым и его кол-

легами учебные пособия по региональному курсу «Речь и культура общения» для 5, 6, 10, 11-х классов изданы массовым тиражом и используются в школах всех городов и районов Свердловской области, а также других областей Уральского региона.

За плодотворную научную деятельность и подготовку педагогических кадров в системе образования А. П. Чудинов награждён Почётной грамотой Министерства образования РФ, ему присвоены почётные звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (2002), «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2007), «Почётный работник науки и техники Российской Федерации» (2010).

Государственный Академический Театр Оперы и Балета

Театр открылся оперой Михаила Ивановича Глинки «Жизнь за царя» (1912). Первый главный дирижёр — С. Барбини. Постановкой «Волшебной флейты» Рикардо Дриго (1914) началась летопись балета.

Здание. Фасад театра выходит на проспект Ленина. Центральный выступ, акцентирующий вход, декорирован нарядными балконами с балюстрадами, лепными украшениями, аттиком, завершённым в центре скульптурной группой из трёх муз. Все фасадные плоскости также декорированы многочисленными лепными деталями: розетками, растительными орнаментами, скульптурными барельефами. Венчающая часть здания украшена балюстрадами с изящными башенками.

Торговый центр «Антей»

«Антей» — современный комплекс, расположенный в центре Екатеринбурга, в районе улиц Красноармейская и Малышева. Расположение «Антея» позволяет ему быть центром деловой активности днём и развлекательной — ночью: ведь более 600 000 человек находятся в непосредственной близости или не более чем в двадцати минутах от него.

«Антей» — динамично развивающийся комплекс.

2004 год — Первая очередь. Общая площадь: 25 000 кв. м. Количество этажей: 22. 1-й этаж — Уральский филиал ЗАО «Райффайзенбанк Австрия», банкомат. С 6-го по 18-й этаж — офисы класса «А». 2, 3, 4-й этажи — Центр торговли. 5, 6, 7-й этажи — Центр развлечений. 19-й этаж — гостиница.Три подземных этажа — парковка. Круглосуточная Автомойка. **2006 год** — Вторая очередь. Общая площадь 34 500 кв. м. Количество этажей: 8 (офисные и торговые площади, развлекательный комплекс). **2008 год** — Третья очередь. Общая площадь 108 470 кв. м. Количество этажей: 48 и высотой 188 метров (выставочно-рекреационная зона, офисы, паркинг, гостиница, вертолётная площадка).

С учётом технических этажей здание состоит из 52 этажей с капитальными перекрытиями, небоскрёб является самым высоким зданием не только Екатеринбурга, но и всей России за пределами Москвы. Однако «Антей» не является самым высоким сооружением города: он уступает в высоте недостроенной телевизионной башне, а также радиомачте около Шарташа.

«Антей-3» уже стал одним из главных символов современного Екатеринбурга. Также он известен как самый северный небоскрёб в мире: знаменитый Turning Torso, расположенный в Мальме, Швеция, находится примерно на градус южнее.

Со смотровой площадки ТЦ «Антей» открывается вид на Екатеринбург.

Памятник основателям города: Василию Татищеву и Вильгельму де Геннину

Открытие памятника основателям города Екатеринбурга В. Н. Татищеву и В. И. де Геннину было приурочено к юбилейной дате — 275-летию города, которое отмечалось в 1998 году. Автор — московский скульптор П. П. Чусовитин. Памятник был собран из 19 частей, которые были отлиты из бронзы мастерами литейного цеха завода «Уралмаш». Установлен в августе 1998 года в самом центре города — на Плотинке у старой водонапорной башни.

На бронзовом картуше у подножия памятника — надпись: «СЛАВНЫМ СЫНАМ РОССИИ В. Н. ТАТИЩЕВУ и В. И. де ГЕННИНУ ЕКАТЕРИНБУРГ БЛАГОДАРНЫЙ 1998 год». На дошедших до нас портретах двух этих людей можно заметить некоторое сходство: высокие лбы, узкие лица, волевые подбородки, крупные носы. Но по характерам они были скорее противоположностями, и порой кажется, что противоположности эти отцы-основатели привнесли в характер самого Екатеринбурга.

Этот памятник — излюбленное место встречи екатеринбургской молодежи.

Дом Севастьянова

Дом Севастьянова в Екатеринбурге (также известный как Дом профсоюзов) — особняк, построенный в первой четверти XIX века на берегу Городского пруда, образованного плотиной на реке Исеть.

Единственный в своём роде пример «неоготики» — дом Н. И. Севастьянова... — не имеет аналогов в архитектуре Урала.

Здание на этом участке впервые упоминается в 1817 году. Сменив несколько владельцев здание в 1860 году переходит к коллежскому асессору Николаю Ивановичу Севастьянову, купившему его у отставного канцелярского служителя С. А. Медведчикова. В 1866 году владелец приступает к реконструкции дома по проекту Губернского секретаря Александра Ивановича Падучева.

В результате реализации проекта на уникальную классицистическую основу дома была наложена не менее уникальная фасадная декорация, содержащая сложные по рисунку «неоготические» детали, дополненные «барочными» элементами.

После того как Н. И. Севастьянов, получив повышение, уехал в Санкт-Петербург, здание приобретено в казну. С 1874 года в нём расположился Окружной суд.

Архитектурный облик здания повлиял на появление неоготических построек в Екатеринбурге, также он ввёл моду на использование в декоре домов города геральдического щита с перевязью, завершённого плюмажем.

В 2008 году было принято решение о реконструкции здания под резиденцию Президента России на саммите ШОС. В ходе работ, завершившихся к весне 2009 года, в здании был сделан капитальный ремонт, отреставрированы фасады и пристоен новый корпус, в котором оборудован зал для парадных приёмов. Были восстановлены исторически аутентичные цвета фасада — белый, зелёный и терракотовый. Так же, как и при реконструкции под резиденцию губернатора Свердловской области особняка Тарасова, расположенного по соседству, бывший дом Севастьянова отгородили от улицы решёткой.

Дом Севастьянова внесён в перечень объектов культурного наследия (памятников истории) федерального значения.

В 2008 году Центробанк РФ выпустил в обращение памятную серебряную монету номиналом 3 рубля с изображением дома Севастьянова.